

**СОЖЖЕННЫЕ
ЗАЖИВО
ВЗЫВАЮТ
К НАМ**

СОЖЖЕННЫЕ ЗАЖИВО ВЗЫВАЮТ К НАМ

(Издание 2-е, исправленное и дополненное)

Свидетельства и размышления об официально замолчанных сотнях гитлеровских кострах-палачах в России. Более 18 млн советских мирных граждан, преднамеренно физически истребленных фашистами, погибших от бомбежек, замученных в нацистских концлагерях, заживо сожженных, безвинно расстрелянных – беспримерный в мировой истории геноцид

Москва
2016

УДК 82-92
ББК 76.02

***Составители приносят глубокую благодарность
ректору Московского финансово-юридического
университета МФЮА, доктору экономических наук,
профессору Алексею Григорьевичу Забелину
за помощь в издании этой книги.***

Сожженные заживо взывают к нам. По публикациям в газете
«Правда» : изд. 2-е, испр. и доп. / Сост. В.С. Кожемяко, В.Т. Фомичев. —
М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. — 156 с.: ил.

ISBN 978-5-00095-118-7

Сборник включает обнародованные в отметившей недавно 100-летний юбилей газете «Правда» свидетельства и размышления современников о неслыханном геноциде гражданского населения исторической России в годы Великой Отечественной войны. Большинство читателей книги едва ли не впервые узнают из нее, как огненно-кровавая немецко-фашистская оккупация 1941—1944 гг., в которой находились 18 областей и краев РСФСР, самой большой республики Советского Союза, испепелила в каждом захваченном фашистами регионе тысячи сел и деревень, сотни из них — вместе с ни в чем не повинным мирным населением.

Ибо, к стыду нашему, ни одно должностное лицо, ни один государственный орган никогда не свидетельствовали о том. На официальном уровне замолчана целая Атлантида святынь народа, пережившего все ужасы гитлеровской оккупации. Табуирована главная трагедия Великой Отечественной войны.

Читая созданные писателями и журналистами произведения на государственно преданную тему, отклики читателей «Правды» на жгучую статью Виктора Кожемяко о не терпящей отлагательств проблеме создания достойного памятника жертвам оккупации и видя, как все инициативы в данном направлении уходят в бюрократическую мглу, невозможно не скорбеть. Невольно возникает мысль: не обеспечивает ли такое отношение должностных лиц к национальным святыням — самым высшим ценностям — гарантированное уничтожение народа?

ISBN 978-5-00095-118-7

© Составление.

В.С. Кожемяко, В.Т. Фомичев, 2016

© Оформление.

ИПО «У Никитских ворот», 2016

УВЕКОВЕЧИТЬ ИСТРЕБЛЕННЫХ НЕБЫВАЛЫМ ГЕНОЦИДОМ

Создание сегодня в Российской Федерации мемориального памятника жертвам фашистского террора в годы Великой Отечественной войны — важная общегосударственная задача

Среди неотложных проблем, связанных с историей Великой Отечественной войны и ее трагическими последствиями, не решенными до настоящего времени, — это необходимость скорейшего создания в нашей стране мемориального памятника, посвященного многомиллионным безвинным жертвам периода минувшего огненного лихолетья.

Как известно, Великая Отечественная война (1941—1945 гг.) — самая крупная, наиболее разрушительная и жестокая в истории человечества. Во имя Великой Победы в этой войне наш народ потерял более 27 млн человеческих жизней. Из них, согласно современным исследованиям, свыше 18 млн человек — это мирные граждане, преднамеренно, физически истребленные фашистами, погибшие от бомбежек, замученные в нацистских концлагерях, заживо сожженные, безвинно расстрелянные и т. д. В мире за все прошедшие века такой чудовищной трагедии гражданского населения нигде не бывало.

Правильное понимание и глубокое осмысление этого трагического исторического фактора приобретает в современных условиях особую значимость. Сегодня, как никогда, необходимо глубоко осознавать, что в те годы главная опасность для человечества заключалась в том, что германский фашизм целенаправленно планировал и осуществлял беспрецедентное уничтожение десятков и сотен миллионов людей, проповедовал геноцид, расовую и национальную исключительность германского народа. Фашизм развращал умы и сознание людей, используя социальную демагогию, возводя в ранг государственной политики самые низменные чувства и представления человека. Для народов многонационального Советского Союза поражение в этой войне означало бы не только национально-государственную, социальную катастрофу, но и физическое уничтожение наших людей. Именно в этих, невероятно тяжелых условиях весь народ, не жалея собственной жизни, от мала до велика поднялся на защиту своей Родины.

Сегодня надо хорошо знать и помнить, что наше поражение в грандиозной битве привело бы не только к отторжению многих территорий и раздроблению страны, превращению ее регионов в колониционное поле с насильственной дистилляцией одной части населения и переводом другой части в разряд неполноценных граждан, но также к порабощению и истреблению почти всего населения Отчизны.

По официальным данным только в Освенциме уничтожено более четырех миллионов человек 27 национальностей, среди погибших было немало детей и пожилых людей. Из почти 75 млн советских людей на оккупированной территории около 7,5 млн человек сознательно и систематически были истреблены нацистами, более 2-х миллионов человек погибли на принудительных работах в Германии, четыре с лишним миллиона наших людей погибли от жестоких условий оккупации. В то же время следует отметить, что на протяжении всей войны советское руководство, Красная Армия, наши люди никогда не опускались до таких зверств. СССР и его вооруженные силы не вели против немецкого населения войну на уничтожение, проявляя поразительную терпимость и человеческую гуманность. Сколько же было Хатыней и Бабьих Яров на оккупированной немцами советской земле? Только на одной Смоленщине по официальным данным фашисты спалили дотла более 5 тысяч сел и деревень, около 300 из них — вместе с ни в чем не повинными детьми, женщинами, стариками. На одной Смоленской земле немцами было загублено около 550 тысяч мирных граждан. Такая же ситуация складывалась и на остальных оккупированных советских территориях, а их, как известно, в годы Великой Отечественной войны было 18 российских областей. В советские годы о зверствах фашистов на захваченных территориях напоминали мемориалы «Хатынь» в Белоруссии и «Бабий Яр» недалеко от Киева. После распада СССР оба эти мемориала оказались за границей.

Сегодня же на территории Российской Федерации, включая и оккупированные в годы войны регионы, мы не найдем ни одного достойного памятника, посвященного многомиллионным мирным гражданам нашей страны, ставшим жертвами фашистских зверств в годы войны. Можно ли считать это нормальным явлением? Вряд ли кто-либо из россиян, какого бы ни был он возраста, может согласиться с таким явлением. Сейчас, как никогда, важно осознать в общенациональном масштабе исключительную важность и актуальность возведения достойного па-

мятника жертвам Великой Отечественной войны. Целесообразно было бы создать такой мемориал не только в столице, но и подобные в тех российских областях, которые подверглись в годы войны оккупации, фашистскому насилию. Помимо восстановления исторической памяти, это будет иметь серьезное воспитательное значение, особенно для молодежи, которая должна знать, что в годы Великой Отечественной войны наглядно и убедительно проявились такие качества нашего народа, как глубокая любовь к Родине, патриотизм, интернационализм, выразившийся в единстве общих целей и задач в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В современных условиях, особенно после распада СССР, мы сталкиваемся, к сожалению, с многочисленными факторами, которые свидетельствуют не только о забвении нашей общей истории, связанной с годами Великой Отечественной войны, но и сознательным искажением и фальсификацией нашей истории. С помощью различных средств, в том числе и массовой информации, активно насаждаются псевдонаучные, ложные исторические трактовки, сознательно искажающие важные страницы Отечественной истории, в том числе и периода минувшей войны. Масштабы этой фальсификации достигли таких размеров, что президент РФ В. Путин вынужден был принять в последние годы ряд указов, направленных против фальсификации истории нашей страны, в том числе и периода Великой Отечественной войны.

Смысл этой фальсификации сводится, в частности, и к тому, чтобы подменить понятие «Великая Отечественная война» понятием «Вторая мировая война», исключив из числа победителей нашу страну, и тем самым обесценить наши человеческие жертвы и решающий вклад нашей страны в разгром фашизма и в спасение мировой цивилизации.

Ныне мы живем в тревожном мире. События, происходящие на Украине, и их последствия свидетельствуют об американо-бандеровском перевороте в Киеве в феврале 2014 года. То, что мы сегодня видим в Донбассе и в других районах Украины, — это всенародная трагедия. Тысячи ни в чем не повинных людей убиты, ранены, искалечены, происходит по существу геноцид народа. Киевскими националистами-бандеровцами, при открытой поддержке зарубежных покровителей, применяются изощренные методы по уничтожению мирных людей, ничем не отличающиеся от тех, что использовали немецкие фашисты по уничтожению советских мирных граждан в годы Великой Отечественной войны. По сути, сегодня США активно возрождают холодную войну. С этой

целью руководство США целенаправленно обостряют международную обстановку, искусственно создают в лице России образ врага, тогда как хорошо известно, что Россия никому в мире не угрожает. Сегодня, когда извращается история Великой Отечественной войны, неприкрыто реабилитируется фашизм в разных формах, когда основного победителя этой войны стремятся уравнивать с агрессором, может ли Российское государство безучастно относиться к такого рода факторам? Конечно, нет. Нельзя проходить мимо фальсификации и искажения, нужно решительно и активно реагировать на любые искажения нашей истории. Следует последовательно раскрывать величие, героизм и мужество нашего народа, проявленные в годы Великой Отечественной войны. Мы должны защищать нашу Победу в Великой Отечественной войне от потоков лжи, распространяемых сегодня на Западе против нашей страны, мы не должны допустить, чтобы внуки и правнуки погибших в годы Великой Отечественной войны советских людей выросли с искаженными представлениями о войне, о роли нашего народа в разгроме фашистской Германии и в спасении мировой цивилизации от варварского порабощения.

В трагические дни войны речь шла о жизни и смерти Советского Государства, о жизни и смерти народов нашей страны, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Именно в этих, невероятно тяжелых условиях весь народ, не жалея своей жизни, поднялся на защиту своей Родины.

Сегодня, как никогда, историческая память нашего народа нуждается в решительной поддержке. Серьезным шагом в этом направлении станет создание в России достойного мемориального памятника жертвам наших людей, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Ш. М. МУНЧАЕВ,
доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
руководитель научной школы
«Отечественная история»
РЭУ им. Г. В. Плеханова

НАЦИСТСКАЯ ОККУПАЦИЯ РОССИИ

22 ноября 2013 г. в Союзе писателей России состоялся Народный сход по теме, обозначенной в заголовке этой статьи. Его девизом являлись слова — «Навстречу 70-летию Великой Победы». В президиум были приглашены известные граждане страны, подписавшие 18 ноября 2008 г. Обращение «К Президенту Российской Федерации Дмитрию Анатольевичу Медведеву».

В документе, отправленном в адрес первого лица державы за пять лет до Народного схода на Комсомольском проспекте 13, шла речь об испепеленных войной и беспамятством неслыханных жертвах мирного населения самой большой республики Советского Союза — РСФСР, оказавшейся в оккупации в результате нарушения «бесноватым пророком» договора о ненападении и внезапной агрессии. Настоятельного внимания верховной власти, на взгляд обратившихся к Президенту РФ, требовала не совсем ясная ситуация с памятью о безвинных жертвах Великой Отечественной войны после ухода «за границу в «лихие» 1990-е годы монументов Хатыни и Бабьего Яра — главных символов гибели мирных граждан страны». Видные писатели, ученые, политические деятели, именитые работники науки, искусства, культуры с тревогой констатировали: **«В России нет даже общего национального памятника о величайшей трагедии невооруженных жителей в огненное лихолетье. Особенно поражает забвение многих сотен массовых сожжений заживо российских людей, находившихся на захваченных гитлеровцами территориях»**. Назвав свежий факт положительного решения подобной проблемы в одном из районов Смоленской области, обратившиеся к Д. А. Медведеву выражали уверенность, «что зримо отстаивающая в последнее время национальное достоинство верховная власть станет во главе народного движения по обретению смысла нашего существования, найдет неисчислимые возможности мощно поддержать его». Однако за весь президентский срок Дмитрий Анатольевич, к глубочайшему сожалению, на «Поле заживо сожженных» Российской Федерации, извините, не ударил палец о палец. Потому и провели активисты общества с одноименным названием 22. 11. 13 Народный сход в Союзе писателей, ставший фундаментом книги «Сожженные заживо зывают к нам», которую, любезный читатель, вы держите сейчас в своих руках.

Волею судеб мне довелось вести то знаковое собрание. Во вступительном слове я сказал примерно следующее:

«Дорогие друзья! 2013-й год фактически является величайшим юбилеем-невидимкой. Ибо исполнилось 70 лет преимущественному освобождению Красной Армией 18 областей и краев России от огненно-кровавой немецко-фашистской оккупации. Однако об этом промолчали большинство органов науки и культуры, средств массовой информации, общественных организаций, известнейших в обществе людей, не прозвучала круглая дата в официальных речах и постановлениях. Я чуть-чуть прикоснусь к ней на примере начала вызволения из коричневого ада западной Смоленской области, где родился (Всходский, ныне Угранский район), сам пережил двухгодичный завозной кошмар. И даже из этой малости, надо полагать, будет видна насущная необходимость интеллектуального разговора, нам предстоящего.

«Огнем обросший март» — такое я написал 23 февраля текущего года, в день Защитников Отечества, стихотворение, давшее название первому разделу тома недавно вышедшей моей избранной поэзии и прозы. Если охарактеризовать главным эпитетом эти начальные стихи книги, то совершенно точным будет, думаю, слово «реалистические». В образном эквиваленте они стопроцентно соответствуют донесению начальника политотдела 49-й армии в Политуправление Западного фронта о начавшемся в марте 1943 года освобождении населения Смоленщины из двухгодичного коричневого ада: «Путь отступления немецкой армии есть путь разорения, бесконечного количества жертв мирного населения, неслыханных зверств. Нет ни одного села, в котором бы в той или иной мере гитлеровцы не творили бесчинств, не расстреливали бы женщин, стариков и детей. С 8 по 29 марта 1943 49-я армия освободила 368 сел и деревень, которые представляли собой сплошные пепелища. И повсюду лежали трупы расстрелянных женщин, детей и стариков».

Итак, 70-летний юбилей огнем обросшего марта. Четыре смолянина, ставших с отроческих лет москвичами, дети войны, ныне в возрасте от 74 до 82 лет, мы побывали в местах, где в том месяце погибали самым жутким образом наши земляки, которые:

*Не чуяли, не верили, что пламя,
Ой, смертушка, не даться ей нет сил.*

Однако нам не удалось принести цветы к их пепельному праху, возжечь свечи и лампы, где тогда стояли *«Гаврилки, Трубино, Борьба, Заречье, Знаменка — / Селения, что выращенный палачами / Обрушил в ноль, с детьми, нацизма крокодил»*. Родина за семь десятилетий превратила эти кладбища, нигде официально не числя их, в непроходимую новую русскую тайгу, они не являются даже памятными местами. Напомню, что в 1943 году было заживо сожжено 8 марта в Трубине (Чертовке) 458, а 13 марта в Борьбе (Новой) 340 мирных жителей названных и окрестных селений. И вот, специально приехав в эти края, мы из-за черного бездорожья не смогли посетить погребения великомучеников Великой Отечественной войны:

*Ну, разве не кощунство ли —
Священных мест безлюдье?..
О тяжкий грех — бесчувственность!
О сатанизма лютость!*

В свете сказанного, продолжал я далее, наш Народный сход вырастает в общенациональную акцию по сохранению святынь самой грандиозной войны России за всю свою историю. Они в иерархии ценностей стоят на первом месте. За последние шесть лет Общество «Поле заживо сожженных» им. Э. А. Хлыстолова однозначно доказало, что понятие «святость» в нашем времени отсутствует. Без такой основополагающей нравственной и духовной категории народ умирает, чего нам истребительно и желает «пятая колонна», уже уничтожившая главный плод Великой Победы — сверхдержаву СССР.

Разрешите выразить величайшую признательность Союзу писателей России за предоставленную нам возможность собраться в этом прекрасном зале, максимальном способствовании успешной работе форума, личном участии в нем председателя Правления В. Н. Ганичева, работников аппарата.

Здесь представлены все поколения — от видевших живыми коричневыми страшилищ до только вступающих во взрослую жизнь юношей и девушек, от невестребованных свидетелей нацистского геноцида до поискового отряда «Набат» при Угранской средней школе, возглавляемого молодым педагогом Жанной Игоревной Башкиной.

На мой взгляд, уровень аудитории очень высокий, к обсуждению намечен широкий спектр вопросов, что вызывает полную уверенность

в плодотворном общении собравшихся, в прояснении важнейших ситуаций оккупации нацистами областей РСФСР. *Per aspera ad astra!* (Через трудности к звездам!))»

Наш форум продолжался целый день. Это было выдающееся явление в литературно-общественной жизни страны. Подробный отчет о нем, с представлением всех выступивших, выложило в Интернете Лито «Строгино». Второе явление такого же замечательного порядка — начиная с января 2014 года, 15 статей и подборок, почти всегда полосных, в газете «Правда». Начало им положила прямо-таки блистательная статья Виктора Кожемяко «Сожженные заживо вызывают к нам». Не случайно она вызвала нескончаемый поток читательских откликов, дала название сборнику.

Окончательную же судьбу книги, выделив средства на ее выпуск, решил ректор Московского финансово-юридического университета МФЮА доктор экономических наук, профессор Алексей Григорьевич Забелин. Вникая в идейно-тематическую суть представленных материалов еще на стадии рукописи, немало времени уделил нам и помог ценными советами профессор этого университета, доктор исторических наук Юрий Петрович Кожаев. Мы сердечно благодарим весь профессорско-преподавательский и студенческий коллектив этого уникального Высшего учебного заведения — за трепетное отношение к священной памяти более 18 миллионов невинно убиенных детей, женщин, стариков и других беспомощных жертв фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны.

Хочется низко поклониться Шамилю Магомедовичу Мунчаеву, профессору РЭУ им. Г. В. Плеханова, за введение. На наш взгляд, он первый ученый, реабилитирующий историческую науку, 70 лет скрывавшую высшую правду о главном геноциде на планете Земля, да еще в стране-победительнице агрессора, вызывающего чувство ужаса и страха!

Владимир ФОМИЧЕВ,
член Союзов писателей СССР и России,
основатель и руководитель общества
«Поле заживо сожженных» им. Э. А. Хлысталова

Часть 1

**Загубленные фашистским
геноцидом.**

Публикации 2014 года

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

СОЖЖЕННЫЕ ЗАЖИВО ВЗЫВАЮТ К НАМ

Эта потрясающая встреча в Союзе писателей России, состоявшаяся на исходе прошлого года, при ее организации поначалу была названа «круглым столом». Но получилось, что название такое совсем не подходящее. Не «стол» же собрался, а целый зал, да и разговор последовал никак не «круглый». Потом, по ходу пронзительных выступлений, продолжавшихся более семи часов и, казалось, обжигавших всех, кто здесь был, вдруг прозвучало: «Народный сход...»

Давайте и мы так назовем — Народный сход памяти русских деревень и их жителей, сожженных немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны.

Сколько их, российских Хатыней? По данным, которые сообщает инициатор траурной встречи в Союзе писателей поэт и публицист Владимир Фомичев, уже много лет подвижнически занимающийся этой трагической темой, только на его родной Смоленщине гитлеровские палачи спалили дотла более 5 тысяч сел и деревень, около 300 из них вместе с ни в чем не повинными людьми — женщинами, детьми, стариками. На многострадальной смоленской земле загублено 546 тысяч мирных граждан, что, по словам В. Т. Фомичева, «соответствует десяти Бухенвальдам: погиб каждый третий житель области».

— И вот — подумать только! — им в России даже нет ни одного общезначимого памятника, подобного Хатыни, Бабьему Яру, Лидице, — в какой уж раз с неизбывной горечью и болью говорит, открывая встречу памяти, Владимир Тимофеевич Фомичев, сам ребенком перенесший все ужасы гитлеровской оккупации в деревне Желтоухи Угранского района Смоленской области и чудом уцелевший от гибели в испепеляющем фашистском костре.

Их деревню немцы тоже сожгли, но расправиться со всеми сельчанами не успели под ударами наступавшей Красной Армии.

А вокруг в марте 1943-го, ставшем для здешних жителей поистине кроваво-огненным, в заколоченных домах и сараях, обнесенных колючей проволокой и обставленных пулеметами, заживо горели, задыхались, обугливались тысячи беспомощных людей, чья вина была лишь в том, что они — русские, советские...

Человек из пламени

Как это происходило? Замер зал, когда на трибуну поднялся седовласый сухощавый человек с бородкой, которому, как говорится, по всем статьям не должно бы сегодня быть в живых. Ибо пятилетним мальчонкой он, Петр Бычков, вместе с односельчанами уже объят был смертным пламенем, уже опалило ему голову, лицо, грудь, и отчаянная безысходность дохнула в душу: конец!

...13 марта 1943 года. Смоленская деревня Новая, за которой позднее закрепится, по имени колхоза, название Борьба. Светлое начало ранневесеннего дня. Белизна выпавшего за ночь снежка, спокойствие взошедшего солнца. А в деревне у всех напряженное ожидание — смесь радости и тревоги.

Радость понятная: наши подходят, где-то совсем близко. Но еще накануне староста объявил, что немцы будут раздавать хлеб жителям Новой и соседних деревень. Отчего бы такая доброта? Наши боятся за все свои зверства и хотят другими себя показать? Превоз-

могая опасения, гонимые изнуряющим голодом, все же потянулись люди сюда из окрестностей. Больше, больше людей... И вот тут как раз загромыхал по улице немецкий грузовик с вооруженными солдатами.

Всем было приказано собраться в самом большом доме, собственнно, даже в двух домах, ибо это так называемая пятистенка под общей соломенной крышей. Немцы отобрали десятка три человек, которые покрепче, и направили их под конвоем протаптывать дорогу среди снегов до деревни Гришино, что в двенадцати километрах. Драпать готовятся? Остальным приказали ждать. Но и по возвращении тех, прокладывавших дорогу, никакой раздачи хлеба не последовало. Нет, последовало страшное! Пятистенку, до отказа переполненную людьми, солдаты подожгли. Сразу со всех сторон.

— Когда мы горели, — повествует срывающимся голосом Петр Афанасьевич Бычков, — крики и стоны, как рассказывали потом, слышны были аж в Гришине. Пытались вырваться: выбили окна, двери, но автоматные очереди встречали каждого. А дом обнесен был колючей проволокой, двойной. Первых убивали — следующие напирали, и их ждала та же участь. Меня дважды кто-то перебрасывал через проволоку. Мама и двое братишек тоже чудом спаслись. Это невероятно счастливый случай, потому что вырвавшихся из пламени и пытавшихся убежать в сторону леса настигали пули. Да еще вслед немцы стали мины посылать...

Погибли около 340 человек. Спаслись всего семеро. В газете красноармейской части, освободившей Новую, появилось их фото с подписью: Бычков Александр — 16 лет, Опенкина Акулина — 42 года, Нестерова Мария — 67 лет, Быčkoва Клавдия — 52 года и трое ее детей — Петя, 5 лет, Миша, 13 лет, и Сережа, 10 лет.

Сквозь время и против забвения

Этот снимок воспроизведен теперь в книге Владимира Фомичева «Поле заживо сожженных». Петя — самый маленький, он стоит перед матерью, которая обеими руками прижимает его к себе. Сегодня из всех семерых жив только он один, этот пятилетний мальчик, ставший 75-летним стариком.

Фомичеву удалось разыскать и еще одного горевшего, но не сгоревшего в марте того же 1943-го. Это Семен Яковлевич Самуйлов, ныне живущий в Москве. В его родной деревне Трубино кроме 82 местных жителей гитлеровцы согнали в овин около 400 человек из близлежащих деревень Тумановского (ныне Вяземского) района. И запылали огонь. Насчитали потом 458 погибших. Из десяти человек семьи Самуйловых и из всех жителей их деревни остался только Семен.

Статистика ужасающая. В Угранском районе к 340 жертвам, нашедшим смерть в деревне Новой-Борьбе, надо прибавить 175 сожженных в Заречье и 280 — в Знаменке. С трибуны говорится: дотла, вместе с жителями (а это 841 человек), сожгли фашисты деревни Пекарево, Пастиху, Никольское, Чертовку, Гаврилки, Песочню Вяземского, Тумановского и Семлевского районов.

И это еще не все, далеко не все! Скорбные данные по этим и другим районам нельзя считать завершенными. Они продолжают пополняться...

Четверть века назад, после долгого перерыва вновь обратившись к трагическим страницам своего военного детства, поэт Владимир

Владимир Фомичев (слева) и Петр Бычков с одной из односельчанок на месте сожженной с жителями деревни Новая-Борьба.

Фомичев был поражен, насколько стерлось в памяти людской многое из того, что, казалось, никогда не должно быть забыто. Да ладно бы только в памяти отдельных людей — получалось, что и гораздо шире.

Вспоминая свои Желтоухи, спаленные гитлеровцами, задавался вопросом: а сколько же всего деревень в России с такой судьбой? Задавался — и не мог найти ответа. Даже в фундаментальной энциклопедии о войне темы этой не было совсем. Не нашлось и какого-то обобщенного научного труда, где содержались бы максимально собранные и выверенные данные о трагедии сел и деревень, сожженных захватчиками нередко вместе с теми, кто там жил.

Почему же оказалось так? Он мысленно поставил этот вопрос и тотчас переадресовал его себе самому: а ты чем занят был все эти годы? Да, как все, учился, служил в армии, работал и снова учился... Военное горе словно отодвинуто было, поскольку безотлагательно требовалось поднимать из руин страну и обеспечивать ее защиту от новых противников. Массой больших и срочных забот жили народ и государство...

Но время идет. Уходят люди. Стирается память. И уже со спокойной наглостью говорят новоявленные чиновники человеку, который пятилетним выбрался из смертельного ада: «Не было ничего этого!»

Фомичев понял, что недопустимо далее откладывать «на потом» давно назревшее. Недопустимо, коль дорога тебе твоя страна с ее прошлым и будущим. Значит, берись: если не ты, то кто же?

И он написал заявление об уходе с должности заместителя главного редактора в столичном журнале, где мог бы, что называется, преуспевать. Личной успешности и обеспеченности предпочел исполнение долга перед земляками и всеми соотечественниками. Так, как он его понимает. А суть этого долга — служение памяти о превратившихся в пепел и легших до срока в могилы, зарастающие ныне травой забвения.

Помните, есть в «Легенде об Уленшпигеле» ключевые слова, определившие всю дальнейшую жизнь героя: «Пепел Клааса стучит в мое сердце!»?

Так вот, в сердце этого смоленского уроженца стучат души ни в чем не повинных земляков и мирных жителей других российских областей, ставших жертвами фашистского нашествия.

*Сотни тысяч заживо
сожженных
Строятся, строятся
в шеренги к ряду ряд...*

Это из песни об узниках фашистских концлагерей, о печально знаменитом Бухенвальде. Он после войны стал памятником, да и песня «Бухенвальдский набат» — тоже памятник. Всему миру известен мемориал в белорусской Хатыни. А вот на месте тысяч русских сел и деревень, преданных огню вместе с их жителями, ничто об этих

жутких трагедиях не напоминает. И пенсионер Петр Афанасьевич Бычков вынужден сам на свои скудные средства устанавливать памятные знаки там, где когда-то стояла его родная Новая-Борьба и где теперь все неогляднее разрастается лес, скрывая следы одного из бесчисленных фашистских преступлений по уничтожению русского народа...

Чтобы поднять против этого как можно больше людей, во имя памяти создал В. Т. Фомичев общество, которое сам возглавил и которому дано было название «Поле заживо сожженных». В него вошли писатели, журналисты, историки, учителя, юристы, представители других самых разных профессий, ветераны Великой Отечественной и «дети войны», те, кому лично довелось пережить ужасы гитлеровской оккупации, и совсем юные, но душой болеющие за сохранение памяти военных лет. Именно это общество и стало организатором Народного схода, с которого начал я свой рассказ.

Пробить стену государственного бездушия!

Не случайно сход состоялся в конце минувшего года. Не случайно в начале того года те же инициаторы провели вечер в Центральном Доме литераторов. На ту же тему. Ведь в марте 2013-го исполнилось ровно 70 лет с дней массового сожжения деревень на Смоленщине отступавшими гитлеровскими войсками. И, конечно, Владимир Тимофеевич со своими сподвижниками надеялись, что дата эта станет поводом, дабы вся страна вспомнила, склонила голову и задумалась.

Но — увы! Их вечер в ЦДЛ накануне горестного 70-летия стал единственным, если можно так сказать, всероссийским событием, отметившим этот скорбный юбилей. Молчало телевидение. Молчало радио. Молчало абсолютное большинство газет. «Юбилей-невидимка» — так печально выразится Фомичев, что и побудило его еще раз собрать народ для общественного разговора на острую тему.

Пожалуй, это даже не разговор, а крик. Настоящий крик души о наболевшем, причем продолжающийся уже несколько лет. Выступления в различных аудиториях и в прессе, которая доступна. Вече-

ра памяти. Поездки по местам трагедий. Поиск и сбор неизвестных материалов. Издание книг. Обращения к губернаторам всех российских регионов, находившихся во время войны в оккупации...

Есть ли от этого прок? Имеются ли конкретные результаты?

В минуты отчаяния, которые у Владимира Тимофеевича иногда бывают, сам я слышал от него: «Все это — как бег на месте». Однако прямо скажу, что несправедлив он к себе. Мы с ним лично и познакомились-то в 2008 году по хорошему ведь поводу. Тогда в его родном Угранском районе состоялось открытие мемориала, которому дали такое же название, как и у руководимого им общественного объединения: «Поле заживо сожженных». Местные руководители А. А. Ермаков и П. С. Андреев отвели под мемориал целый гектар земли, и свою корреспонденцию об этом, которую передал в «Правду», Фомичев озаглавил так: «Самые отзывчивые в стране». В том смысле, что другие на призывы не откликаются, а эти — делом отозвались...

Не сразу и не легко, но упорные, настойчивые усилия инициаторов заставили все-таки и еще кое-кого перейти к делу. Например, под Вязьмой, городом воинской славы, 22 июня 2013 года был открыт памятник на месте сожженной деревни Пастихи. Очень важно, что активизировались в поиске и объединились вокруг темы фашистских зверств многие как в Смоленской области, так и за ее пределами. Фомичеву все больше пишут из других областей и краев России, находившихся в годы войны под пятой оккупантов.

Все новыми сведениями пополняется и скорбный реестр «смоленских Хатыней». Меня потрясла символическая карта геноцида на территории Смоленской области в 1941—1943 годах, выполненная журналисткой Евгенией Пришлецовой из города Десногорска. Кроме сожженных вместе с жителями сел и деревень, нанесены на нее и бывшие здесь гитлеровские концлагеря, гетто, лагеря для гражданского населения. Густо пестрит эта наглядная картина области зловещими огненными и черно-решетчатыми значками...

— Но уже надо делать дополненный вариант, — сказала мне Евгения Ивановна на встрече в Союзе писателей. — Немало, увы, новых страшных материалов.

Значительную часть своего выступления с трибуны посвятила она немецкому военному кладбищу, открытому летом 2013 года в районном городке Духовщина. Немцы стояли здесь два с лиш-

ним года, с июля 1941-го, и за это время население района сократилось... вчетверо! Здесь было несколько лагерей смерти, сжигались деревни и их население, многих угнали на рабскую работу в Германию...

— Нет таких казней, которые не применяли бы гитлеровцы в отношении мирных жителей, нет таких мук, которые не испытали бы смоляне, — говорит Евгения Пришлецова. — Но кощунственная церемония захоронения их палачей на смоленской земле состоялась! Как ни протестовало местное население, как ни сопротивлялось, власти не посчитались с этим. И теперь мемориал советским воинам в Духовщине заметно скромнее кладбища фашистских солдат. А достойного мемориала в память всех загубленных мирных жителей России нет вообще.

Вот оно, самое главное! Вот за что больше всего бьются сейчас Владимир Тимофеевич Фомичев и руководимая им общественная организация. И вот в чем особенно проявляется равнодушие, или, точнее говоря, бездушие государственной власти.

Снова с возмущением вспомнили на встрече в Союзе писателей (и вспомнили не раз!) вопиющий по сути дела факт. В ноябре 2008 года по инициативе общества «Поле заживо сожженных» уважаемые, известные в стране люди обратились с письмом к президенту Д. А. Медведеву об увековечении памяти мирных жителей России, уничтоженных фашистами во время Великой Отечественной войны. Среди подписавших это письмо — народная артистка СССР Людмила Касаткина и председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев, академик Михаил Лемешев и народный художник России, скульптор Николай Селиванов, доктор философских наук Евгений Троицкий и поэт, лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького, руководитель Высших литературных курсов Валентин Сорокин... Прошло пять лет. И что же? Никакого ответа до сих пор не получено!

А ведь за это время не единожды направлялись в администрацию президента — сперва Д. А. Медведева, а затем В. В. Путина — коллективные и персональные напоминания. Можете ли вы представить подобное отношение, скажем, к обращениям из Германии? Нет, программа захоронения и увековечения памяти фашистских преступников на российской земле реализуется пунктуально и неукоснительно!

Между тем сожженные заживо, удушенные, расстрелянные, повешенные, голодом заморенные, живьем закопанные в землю этими извергами русские, советские люди по-прежнему тщетно взывают к властям предержавшим...

Предложения Владимира Фомичева и его соратников о том, что необходимо сделать на федеральном и местном уровне, сугубо конкретны. Приведу лишь несколько первых строк:

- поручить правительству составить полный и точный указатель мест массовых сожжений мирного населения в годы Великой Отечественной войны с обозначением числа жертв, их фамилий, имен, возраста;

- опубликовать максимально полные сведения об этих и других жертвах мирных граждан (типа Книги памяти);

- создать общероссийский монумент, посвященный памяти заживо сожженных и других жертв мирного населения...

Есть разные предложения, каким должен быть этот монумент или мемориальный комплекс, где создать его и как назвать. Бесспорно одно: с уходом за границу Хатыни и Бабьего Яра, главных символов гибели мирных граждан Советской страны, в России нет теперь общего национального памятника о величайшей народной трагедии в огненное лихолетье.

А он нужен, очень нужен! И не только для того, чтобы мы могли поклониться памяти загубленных. Это — сильнейший аргумент в навязанном нам споре о характере той войны, против попыток уравнять обе сражавшиеся стороны.

Красная Армия с мирными гражданами не воевала. А о чем говорить людские потери СССР? Военнослужащих убитыми — 6,8 миллиона, умершими в результате ранений, болезней, в плену и т.д. — 4,4 миллиона. Общие же демографические потери — 26,6 миллиона человек.

Значит, округляя цифры, правомерно сказать: 11 миллионов воинов Красной Армии и 16* миллионов мирных граждан — вот наши потери во время грандиозной битвы 1941—1945 годов.

16 миллионов женщин, стариков, детей...

Будет ли на общенациональном уровне увековечена их память к 70-летию Великой Победы?

* Сегодня ученые называют другую цифру — более 18 миллионов.

ОТ РЕДАКЦИИ. Ждем ответа федеральных, региональных, местных властей. И обращаем два вопроса к нашим читателям:

1. Есть ли у вас какие-то свои знания очевидца или потомка очевидцев о зверствах немецко-фашистских захватчиков в оккупированных российских областях?

2. Каковы ваши предложения по увековечению памяти жертв этих злодеяний?

Виктор КОЖЕМЯКО.

№ 11, 4-5 февраля, стр. 4

Продолжение темы

ДА, НЕ ТЕРПИТ ОТЛАГАТЕЛЬСТВ!

В номере «Правды» от 24—27 января была опубликована статья Виктора Кожемяко «Сожженные заживо вызывают к нам». Это рассказ про Народный сход, состоявшийся в Союзе писателей России, участники которого поставили вопрос об увековечении памяти мирных жителей, погибших во время Великой Отечественной войны на оккупированных российских территориях.

Пришли первые отклики. Два из них публикуем сегодня.

ЧТОБЫ ПОКЛОНИТЬСЯ ЗАГУБЛЕННЫМ

Уважаемая редакция «Правды»!

С большим волнением прочитал «Сожженные заживо вызывают к нам». Важная, крайне необходимая статья. Спасибо!

К приведенной вами ужасающей статистике — 16 миллионов мирных граждан СССР, погибших от зверств гитлеровцев и их пособников в период Великой Отечественной войны, — необходимо добавить также миллионы людей, оставшихся без крова над головой

в результате массового сожжения фашистами советских сел и деревень.

Так, только на территории оккупированных областей РСФСР гитлеровцы сожгли и разрушили в сельской местности 2 миллиона 977 тысяч жилых зданий, лишив крова более 11 миллионов человек — женщин, детей, стариков и инвалидов (данные «Российской политической энциклопедии», М., 2001).

Одиннадцать миллионов... Это в общей сложности равно сегодняшнему населению десяти таких крупнейших городов Германии, как Берлин, Гамбург, Мюнхен, Кельн, Франкфурт-на-Майне, Штутгарт, Дюссельдорф, Дортмунд, Бремен и Лейпциг.

Существует мнение, что немцы якобы сжигали деревни и села только за связь населения с партизанами. С этим нельзя согласиться. Массовое сожжение населенных пунктов проходило в плановом порядке — например, в марте 1943 года при вынужденном отступлении гитлеровских войск под ударами наступавшей Красной Армии. Приказом немецкого военного командования предусматривалось: «В случае отхода все без исключения дома сжигать; печи в домах взрывать с помощью ручных гранат, колодцы приводить в негодность, уничтожая подъемное приспособление, а также бросая в них нечистоты (падаль, навоз, кизяки, бензин); стога с соломой и сеном, также всякого рода запасы сжигать». («Нюрнбергский процесс». Сборник документов в 8 томах. Том 4, с. 535, М., 1990).

Я восьмилетним на всю жизнь запомнил те дни. Помню, как ранним утром со стороны уже горевшей соседней деревни Деменка в наше Васильевское Бывальского сельсовета Выходского района (ныне Угранский район Смоленской области) прибыл конный отряд гитлеровцев. К этому времени все остававшееся в деревне взрослое население ушло в лес, чтобы избежать угона в Германию. Остались только женщины с детьми. У всех нас за плечами были сумочки с сухарями и сушеной картошкой на всякий случай.

Прибывшие факельщики приказали всем жителям собраться на краю деревни у школы. Долгое время стояли в неизвестности. В конце концов нам, можно сказать, повезло: мы остались живы, потому что немцы, видимо, сильно торопились.

Однако в деревне были сожжены все жилые дома, а колодец забросали ящиками от снарядов и минами. Уцелел только колхозный

скотный двор, где долгое время и ютились люди. В холоде, голоде, умирая от болезней...

Нет и не может быть никакого оправдания тем, кто воюет с мирным населением, с беззащитными женщинами, стариками, инвалидами и детьми. Такие преступления не имеют ни прощения, ни срока давности.

А достойно увековечить память тех сожженных деревень и загубленных наших соотечественников мы обязаны. Совершенно верно сказано в «Правде», что дело это не терпит отлагательств: ведь впереди 70-летие Великой Победы. Значит, надо еще острее, еще настойчивее ставить вопрос перед властями о создании общенационального монумента или мемориального комплекса, который остался бы для потомков напоминанием о величайшей трагедии нашего народа.

Виктор МУШЕНКОВ,
кандидат исторических наук.
г. Москва

ТАКОЕ ЗАБЫВАТЬ НЕДОПУСТИМО

В 39 километрах на север от города Духовщина Смоленской области расположено старинное село Пречистое. В советское время оно более 30 лет было районным центром. Согласно переписи 1939 года, накануне войны на территории Духовщинского и Пречистенского районов проживали 105 тысяч 324 человека. А 20 октября 1943 года (подсчет проведен после освобождения Смоленщины) в живых осталось... 25 тысяч 240 человек. В Духовщине из 3 тысяч 864 жителей осталось всего 444 (!) человека. Село Пречистое было уничтожено полностью.

Семья моей матери жила недалеко от Пречистого — в деревне Маецкое. Им пришлось испытать много горя и лишений. В августе 1943 года троих детей из семьи — будущую мою маму Анастасию 16 лет, ее братьев Васю 15 лет и Ваню 10 лет — фашисты угнали в рабство в Германию. Я записала рассказ мамы о том, что и как было. Вот некоторые выдержки из этого трагического повествования.

* * *

«В первые же дни оккупации немцы ограбили всех жителей деревни. Забрали подчистую хлеб, картофель, все другие продукты, а также вещи, порезали и поели скотину, кур. Если кто сопротивлялся, расстреливали на месте. Для устрашения собрали семь местных жителей — двух стариков, троих подростков-мальчиков, женщину с восьмимесячным ребенком, вывели их в ров и расстреляли. А всех жителей согнали смотреть эту казнь. Ребенок при расстреле остался жив, тогда подошел немец и выстрелил ему в голову.

В конце 1942 года немцы выгнали нас из дома, который заняли для своих солдат. Вначале мы ютились в бане, потом и из бани нас выгнали. Мы ходили по родственникам, знакомым, а затем стали ночевать где придется. Питались тоже чем придется. Нашли заброшенную баньку недалеко от деревни Головицы и поселились в ней, ходили в деревню к тете Ане, маминой двоюродной сестре, которая как-то подкармливала нас...

«Когда мы уходим из деревни, мы сжигаем ее, чтобы у красных не было убежища. Русские ненавидят нас за это»
(Из письма немецкого солдата).

И вот 19 октября 1942 года всю жизнь будет в моей памяти. Ближе к обеду услышали сильные крики детей, женщин. Кричали страшно. Мы выскочили из бани и увидели: в деревне горели колхозный скотный сарай и несколько домов, а кричали люди, запертые в этом сарае и домах. Немцы окружили постройки, в которых горели живые люди, и выскочить никому не удалось.

От ужаса мы бросились в лес. Не помню, что было потом, наверное, потеряла сознание. Уже к вечеру пошел страшный запах из сожженной деревни, который стоял много дней. Сгорели более ста человек — жители деревни и беженцы, которые там были. Сгорела и тетя Аня с тремя маленькими детьми, Анна Борисовна Шебаршова.

Мы пошли подальше от этого места. Зиму прожили у разных людей, а летом опять перешли в баню, это в деревне Загусинье, где нас в августе 1943 года и забрали немцы. Пригнали в Смоленск, погрузили в скотные вагоны и повезли. По пути почти не кормили. Часть вывезенных разобрали в Белоруссии для работы в частных хозяйствах, а нас никто брать не хотел: мы были мелкие и тощие.

Так довезли до Бреслау, где поместили в «трудовой лагерь» № 288. Люди в лагере умирали почти каждый день. Для питания на 20 человек выделялось одно ведро картошки пополам с брюквой, нечищенной, мелкой, иногда гнилой, и по сто граммов хлеба с опилками. Надзиратели били за все, даже если не так посмотрел. Были дни, когда нас раздавали местным жителям — для работы в хозяйствах, чистки помещений. И не дай же бог, если кто-то взял немного еды у животных, которых поручали кормить. За это убить могли...»

* * *

Передать весь рассказ моей мамы не хватит газетной страницы. Коротко скажу: советские войска освободили узников лагеря № 288 в начале 1945 года. Анастасия и Ваня пошли домой, а Вася, которому не было еще 18, добавив себе год, попросился на фронт. Он воевал по апрель 1945-го. И до сих пор у меня сжимается сердце, когда читаю строки его письма, того мальчика Васи Шебаршова, моего дяди, обращенные им к родным:

«Не горюйте, что я не пошел с вами. Душа болит по нашей деревне, да ее, наверное, спалили фрицы. Батя, ты потерпи, я вернусь, выстроим новый дом рядом с нашей грушей. Цела ли она? Сегодня

заняли маленький город, Берлин уже близко. Кормили гражданских старух и детей. Один немчонок показался сильно похож на Ваню, отдал ему сахар...»

Письмо датировано 24 апреля, а 26-го в пригороде Берлина, местечке Мариенфельд, Вася погиб. Пройдя через страшную боль, голод, издевательства, он отдал последний кусочек сахара ребенку врага! Мог ли быть такой народ побежден?

Но вот сегодня беспамятство завладело душами многих, в том числе тех, кому по долгу службы надо стоять на страже сохранения памяти. Позволяя увековечивать память гитлеровских солдат на Смоленщине, они не делают этого в отношении тысяч заживо сожженных, расстрелянных, замученных теми же солдатами русских детей, женщин, стариков. Почему же мы допускаем такое глумление со стороны власти? Почему историки-профессионалы оставляют неизученными эти страницы трагической истории нашего народа?

И молодое поколение не знает свою историю, не знает, что такое фашизм, что нес он народам. А беспамятство может способствовать повторению трагедии.

***Евгения ПРИШЛЕЦОВА,**
член Союза журналистов России.
г. Десногорск, Смоленская область*

ОТ РЕДАКЦИИ. Ждем ответа федеральных, региональных, местных властей. И обращаем два вопроса к нашим читателям:

1. Есть ли у вас какие-то свои знания очевидца или потомка очевидцев о зверствах немецко-фашистских захватчиков в оккупированных российских областях?

2. Каковы ваши предложения по увековечению памяти жертв этих злодеяний?

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

ПОЛЕ ЗАЖИВО СОЖЖЕННЫХ

В конце минувшего года в Союзе писателей России состоялся Народный сход, посвященный памяти русских деревень и их жителей, уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны. По данным инициатора этого схода — поэта и публициста Владимира Фомичева, только в его родной Смоленской области гитлеровские варвары предали огню более 5 тысяч сел и деревень, причем около 300 из них — вместе с жителями.

«Сожженные заживо взывают к нам» — под таким заголовком в номере «Правды» от 24—27 января была опубликована статья Виктора Кожемяко об этой большой и волнующей встрече, в которой приняли участие люди разных поколений. Самый главный вопрос, поставленный на ней, таков: к предстоящему 70-летию Великой Победы в нашей стране обязательно должен быть создан общенациональный памятник миллионам мирных жителей — женщин, детей, стариков, ставших жертвами фашистской оккупации.

Надо подчеркнуть, что вопрос этот ставится не впервые. Уже многие годы подвижнически «пробивает» его Владимир Тимофеевич Фомичев. Им написана книга «Поле заживо сожженных», создана одноименная общественная организация, удалось добиться, что под тем же названием появился мемориал в одном из районов Смоленщины... Но этого, разумеется, явно недостаточно. А между тем обращения в администрацию президента страны о всероссийском памятнике остаются до сих пор без ответа.

Вот почему публикация в «Правде» на эту назревшую острую тему была завершена следующим комментарием от редакции:

«Ждем ответа федеральных, региональных, местных властей. И обращаем два вопроса к нашим читателям:

1. Есть ли у вас какие-то свои знания очевидца или потомка очевидцев о зверствах немецко-фашистских захватчиков в оккупированных российских областях?

2. Каковы ваши предложения по увековечению памяти жертв этих злодеяний?»

Ответов от властей пока не получено. А вот письма читателей идут. Два из них мы опубликовали в номере за 4—5 февраля под общим заголовком «Да, не терпит отлагательств!» Сегодня отдаем этим читательским откликам целую страницу.

НЕ ПОДДАТЬСЯ БЕСПАМЯТСТВУ

Статья Виктора Кожемяко о сожженных заживо жителей мирных деревень на территории Российской Федерации в годы фашистского нашествия читается на одном дыхании, обжигает и вызывает серьезные размышления. Я принимала участие в том большом «круглом столе», о котором рассказала «Правда». Его действительно можно назвать многочасовым Народным сходом, где исследователями и очевидцами приводились факты чудовищных фашистских преступлений против мирных жителей, испивших величайшую чашу горя, бед и страданий.

ЭТО — ТРАГЕДИЯ, у которой нет срока давности. Все новые и новые факты становятся известными, благодаря изучению архивных документов, хроник того времени и других материалов, многие из которых ранее не публиковались. Низкий поклон истинному патриоту земли русской Владимиру Тимофеевичу Фомичеву, который сам в детском возрасте пережил ужасы оккупации, немало написал об огненном геноциде на Смоленщине и стал инициатором, одним из активнейших создателей и руководителем общественной организации «Поле заживо сожженных». Она бьется за достойное увековечение памяти загубленных фашистами, и ее усилия обязана поддерживать власть.

Я знакомилась с хрониками фашистских злодеяний по ряду областей Российской Федерации — Орловской, Воронежской, Калужской, Ростовской, Смоленской и других. На основании материалов

расследований и многочисленных свидетельств раскрываются картины чудовищного произвола, невероятной жестокости, уничтожения беспомощных мирных жителей и военнопленных. В хрониках перечисляются сотни, тысячи людей — расстрелянных, повешенных, замученных, сожженных заживо, угнанных в гитлеровскую Германию.

Безусловно, говорить о нацизме, о зверствах фашистских варваров на оккупированных территориях надо в контексте общественно-политических процессов прошлого и современности, тем более что сегодня уже широко оправдывается фашизм. Да и не только оправдывается, а вовсе возрождается! Достаточно посмотреть, как ведут себя продолжатели дела бандеровцев на Украине, как вызывающе шагают недобитые фашисты в Прибалтике. Они и их последователи вновь чувствуют себя героями, рвутся к власти, перечеркивают итоги Великой Отечественной войны. Но можно ли забывать о том, что было?

Невиданные по жестокости преступления на оккупированных территориях обосновывались фашистскими идеологами теоретически. Необходимость массовых убийств, в том числе и мирного населения, подкреплялась теорией превосходства арийской расы. Фашизм стремился зачеркнуть в массовом сознании великое понятие «Человек». Вооруженные до зубов гитлеровские банды превыше всего ставили один приказ — убивать!

Так, в дневниках начальника генерального штаба сухопутных сил Германии Гальдера постоянно подчеркивается, что «это не только вооруженная борьба, но одновременно борьба двух мировоззрений» и «надо вести борьбу на уничтожение» практически всех слоев населения. О собственной жестокости сами фашистские изверги открыто и цинично свидетельствуют в документальных записях, съемках на фоне повешенных и расстрелянных.

Страшные обличительные фотографии и другие документы, которые можно видеть в хрониках о деяниях фашистов на наших оккупированных территориях, воспринимаются как акт безумия — настолько преступления бесчеловечны. Шла невиданная кровавая расправа над миллионами мирных жителей.

В сборнике «Орловская область в годы Великой Отечественной войны» приводится множество фактов фашистского изуверства. По-

трясает, например, поджог в деревне Кривцово школы, превращенной в больницу, в результате чего погибли более 800 человек — тяжело больных местных жителей и раненых советских бойцов, попавших в плен. В зимнее время фашисты выгоняли на улицу раздетыми, босыми женщин, детей, стариков, и те замерзали на морозе. Немцы превращали школы, больницы, административные здания в лагеря для военнопленных, над которыми издевались, придумывая невероятные пытки. А сколько уничтожено материальных и культурных ценностей, достопримечательностей малых городов!

В Воронежской области, как и в других, был установлен жесточайший полицейский режим. В 32 районах захватчики объявили все колхозные земли и помещения достоянием рейха. Один из оголтелых нацистов по фамилии Блюментруд захватил имущество 20 колхозов. И он, и другие новоявленные хозяева в качестве развлечений устраивали катание на русских тройках, но вместо лошадей запрягали в повозки... женщин и стариков. А в одной из сельских местностей (Песчаный Лог) закопали живьем 450 человек!

И в хрониках Ростовской области описаны ужасающие зверства фашистов, издевавшихся не только над взрослым населением, но и над подростками, детьми. Люди моего поколения помнят песню композитора И. Дунаевского (слова М. Матусовского) о Вите Черевичкине, выпускавшем голубей в синее небо. Так вот среди растерзанных и замученных фашистской нечистью числится и этот 15-летний подросток, который был в январе 1942 года зверски изуродован оккупантами, бившими его каблуками по лицу. Потом паренька расстреляли, а голубям открутили головы. Он похоронен в одной могиле с расстрелянными красноармейцами и партизанами, которым, согласно одной из версий, Витя с голубями направлял информацию.

Сколько было сгоревших деревень в Смоленской области, мы узнали в последнее время, благодаря кропотливой работе краеведов, журналистов и других активистов общественной организации «Поле заживо сожженных». Эти и все другие факты фашистских зверств на оккупированных территориях Российской Федерации должны стать достоянием широкой общественности и непременно должны быть увековечены общенациональным памятником или мемориальным комплексом.

Особое значение имеет это для патриотического и духовно-культурного воспитания молодежи. Воспитывать молодых невозможно без приобщения к истории Отечества. Современная Россия переживает глубокий духовный кризис. Необходимо вернуть исконный высокий смысл таким понятиям, как патриотизм, долг, честь, чтобы мы окончательно не превратились в нацию иванов, родства не помнящих, не опустились до полного беспамятства. Впереди 70-летие Великой Победы, и это ко многому обязывает.

А закончить свои заметки я хочу маленьким отрывком из большой поэмы «Реквием о сожженных деревнях России», сложившейся после того Народного схода, который вылился теперь в обсуждение на страницах «Правды».

*...Деревни, выжженные
фрицем,
О вечной памяти кричат.
Старух и женщин вижу лица,
Испуганный ребенка
взгляд.
Горят деревни. Пахнет
гарью.
Так выглядит, наверно, ад.
А жизнь уже давно
за гранью,
И стон стоит: «Будь проклят,
гад!»
От боли стонут лес и поле,
И стон стоит среди камней.
Но есть отмщение за горе,
За гибель мирных
деревень.
Две стороны есть у медали:
Бой за Отечество и тыл.
Мы до конца не подсчитали
Число погибших и могил.
Пусть там, где были
пепелища,*

*Вновь встанет Память
во весь рост,
И к монументам
поклониться
Придут и в грозы,
и в мороз...*

**Людмила АВДЕЕВА,
член Союза писателей России,
Международной федерации журналистов,
Российского союза ветеранов Афганистана.
г. Москва**

ТЕХ ДЕТЕЙ МАЛЫХ ОПЛАКИВАЮ И СЕЙЧАС

ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ ВОПРОС поднят в статье В. Кожемяко «Сожженные заживо взывают к нам». Приближаемся к 70-летию Великой Победы, и память об огромных жертвах фашизма на оккупированных российских землях обязательно должна быть увековечена в общенациональном масштабе!

Своими глазами видел я, что творили гитлеровцы, захватившие часть нашей страны. Когда мы отбили их от Москвы и с упорными боями продвигались потом на запад, перед нами представляли сожженные деревни и села, бесчисленные трупы мирных жителей, лишенные крова старики, женщины, осиротевшие дети...

Вот я написал это слово — дети, и сразу возникла жуткая картина, которую никогда не забываю с тех пор. Это было

на тверской земле, подо Ржевом, в деревне, которая называлась, по-моему, Луковниково. Немцы не успели эту деревню сжечь, но вы только представьте, что фашистские твари учинили. Они побросали в колодец малых детей! Не убитых, живых — в холодный колодец...

И мне, бойцу 11-го Краснознаменного мотополка, пришлось тогда спускаться на дно и вытаскивать оттуда уже мертвых малышей. Ничего более страшного, пожалуй, за всю жизнь перенести не довелось.

Помню душераздирающие крики и стоны матерей. Помню, как стояли в тяжком молчании со слезами на глазах окаменевшие дедушки и бабушки этих ребятшек. Ведь много женщин помоложе угнали в Германию, а детям уготовили вот такую мученическую смерть.

Оплакиваю их и сейчас. Хочу, чтобы им был общий памятник, которому люди в будущем могли бы поклониться. Проклинаю фашизм. Как это ни ужасно, он снова дает знать о себе — на Украине, в прибалтийских странах да и в других местах...

Виктор Яковлевич ИОВЛЕВ,
ветеран Великой
Отечественной войны.
ст-ца Ленинградская,
Краснодарский край

ГЕРОИЗМ И ЖЕРТВЕННОСТЬ МОИХ ЗЕМЛЯКОВ

Почти 50 лет моей жизни прошли на Смоленщине. И 42 года из них я проработал в Угранском районе, который стал в полном смысле слова родным для меня.

Этот район Смоленской области был образован в 1961 году путем слияния Знаменского и Восточного районов. По своей площади один из самых крупных районов области, в то же время на 1 кв. км его территории проживают в среднем всего три жителя, а это в семь раз меньше, чем было в 1940 году. Без всяких сомнений, одной из главных причин этого является последняя война, которая отметилась здесь в каждом, даже самом отдаленном населенном пункте и затронула каждого его жителя.

ГЛЯДЯ на чистые воды реки Угры, любуясь красивыми борами с земляничными полянами на ее берегах, трудно даже представить, сколько слез и крови повидала эта исконно русская земля. Хазары и половцы, монголы и литовцы, поляки и немцы воевали на ее берегах. Иногда после нашествия люди десятилетиями боялись селиться на этих землях. В 1480 году в ходе Великого стояния на Угре пришел конец золотоордынскому игу на русской земле. А здешний край недаром летописцами стал называться «поясом Пречистой Богородицы», оградившей русские земли от врагов.

Не покорился этот край и французам в 1812 году. Только кавалеристы Дениса Давыдова отправили в тыл через село Знаменское около 5 тысяч пленных. В своих воспоминаниях прославленный герой прямо указывал, что «во многом успешные операции стали возможны благодаря активной помощи местного населения в поставках продовольствия, фуража и лечении раненых в лазарете, осведомлении о передвижении неприятеля». О многом говорит и подвиг отставного капитана Бельского, который смог в короткий срок собрать в селе Знаменское до 6 тысяч крестьян для отпора врагу.

Но самым суровым испытанием на прочность и преданность Родине стала для наших людей, конечно, Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Уже 6 октября 1941 года Восточный и Знаменский районы были оккупированы немецкими войсками. Во многих отдаленных и глухих деревнях нашли убежище тысячи наших бой-

цов и командиров, оказавшихся в Вяземском котле. Местные жители, давшие окруженцам приют и питание, спасли их от голода и холодов, установившихся в тот год уже в начале октября. В десятках наскоро созданных госпиталей и лазаретов местные жители лечили, кормили, заботливо обихаживали тысячи раненых бойцов.

В Знаменском районе с первых дней оккупации секретари райкома ВКП(б) Шматов, Селиверстов, Зимонин и член бюро Холомьев развернули работу по объединению всех патриотически настроенных сил на борьбу с оккупантами. «Партизанской столицей» стало село Желанье, куда уже с ноября 1941 года не смела ступить нога немецкого солдата. С первых дней образования партизанского отряда «Смерть фашизму» сюда ежедневно прибывали желающие бороться с оружием в руках за освобождение Родины.

17 января 1942 года в Знаменском районе начинается вооруженное восстание против немецко-фашистских захватчиков. Это позволило 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу под командованием генерала Белова и войскам 33-й армии под командованием генерала Ефремова без боестолкновения с противником подойти к окраинам города Вязьма.

Восстановление Советской власти на значительной части территории района потребовало от партийных органов создания многих исполнительных организаций и учреждений для снабжения десятков тысяч бойцов Красной Армии, партизан и восьми тысяч беженцев продовольствием, фуражом, обмундированием, а также лечения раненых и больных. К середине февраля 1942 года численность партизанского отряда составляла уже почти полторы тысячи бойцов.

Сложнее начиналось развитие партизанского движения во Восточном районе. В момент оккупации большинство партийно-советского актива из района выбыло, и осталась лишь небольшая группа из семи человек, в том числе секретари райкома ВКП(б) Борисов и Ракшинский. Только 14 января 1942 года небольшой партизанский отряд численностью немногим более 50 человек начал вооруженную борьбу с оккупантами.

А когда он объединился с партизанским отрядом «Северный медведь», началось освобождение района. Так, к середине марта 1942 года на территории 21 сельсовета (из 23) была восстановлена Советская власть. Открылись больница, МТС и ветпункты. Жителями

района для снабжения частей Красной Армии было собрано 2 тысячи центнеров мяса, 3 тысячи центнеров хлеба, 2,5 тысячи центнеров овса и многое другое.

На территории Знаменского и Восточского районов зимой 1942 года происходит высадка самого крупного за весь период войны советского десанта: почти 12 тысяч воинов-десантников 4-го воздушно-десантного корпуса. Пять месяцев они вели напряженные бои в исключительно сложных условиях. Парашютисты привлекли к себе в общей сложности 5 вражеских дивизий с фронта, прошли рейдом около 650 километров, уничтожили свыше 15 тысяч гитлеровцев.

Для ликвидации партизанского края весной 1942 года немецкое командование снимает с фронта значительное количество танковых, мотопехотных и кавалерийских частей. Первый удар пришелся на остатки 33-й армии генерала Ефремова. Прорыв его армии на соединение с основным фронтом закончился героической гибелью командующего и его бойцов.

Крупнейшая войсковая операция против партизан будет проведена немецким командованием в мае 1942 года. Два немецких корпуса при поддержке ряда подразделений девяти дивизий и самолетов смогут в течение месяца вытеснить за линию фронта войска генерала Белова, 4-й ВДК и партизанские части. При этом обе стороны понесут значительные потери. Героически погибли организаторы партизанского края — коммунисты Борисов, Селиверстов, Зимонин, Харитонов и другие.

И только после освобождения районов в 1943 году смогли в полной мере оценить тот громадный ущерб, который был нанесен нашему краю. Полностью были уничтожены все промышленные предприятия, МТС, школы, больницы, фермы, склады. Уцелело только 10 процентов жилых домов. поголовье лошадей, коров и свиней тоже почти полностью было ликвидировано.

Из 65,5 тысячи человек в наших районах осталось только 29 тысяч! За период оккупации в рабство были угнаны 17586 человек. За это время погибли и были казнены 14500 мирных жителей и военнопленных. Так, в апреле 1942 года в районе деревни Жолобова за три часа под гусеницами немецких танков погибли более 2600 советских граждан, в том числе 2193 тяжело раненных бойца и командира 33-й армии.

В марте 1943 года в деревне Борьба немецкими карателями были сожжены более 300 стариков, женщин и детей. И подобных массовых казней ни в чем не повинных жителей можно перечислять очень много!

Неимоверно тяжкий труд выпал на долю стариков, женщин и подростков после освобождения края по восстановлению всего уничтоженного. Героическим трудом угранцев была восстановлена вся инфраструктура сельского хозяйства, построены новые промышленные предприятия, проложены сотни километров прекрасных дорог, возведены новые корпуса школ, больниц и учреждений культуры... Но вот восполнить человеческие потери из-за войны мы не можем более 70 лет.

Виктор ВИНОГРАДОВ.

*Угранский район,
Смоленская область*

ЧТОБЫ ЗНАЛИ, ПОМНИЛИ

ПРИБЛИЖАЕТСЯ 70-летие Великой Победы. Тяжелые потери в борьбе против захватчиков понесла наша страна. В честь погибших воинов по праву сооружены величественные монументы. А вот миллионам загубленных оккупантами жителей деревень и городов, в том числе сотням тысяч заживо испепеленных стариков, женщин, детей, нет до сих пор в России ни одного памятника общегосударственной значимости.

Об этом во весь голос — в своих статьях, книгах, публичных выступлениях — говорит поэт и публицист, патриот Отечества Владимир Тимофеевич Фомичев. Хорошо, что «Правда» поддержала его!

Ведь еще в 2008 году по инициативе В. Фомичева известные в стране, заслуженные люди обратились с письмом к Д. А. Медведеву, тогда президенту России, поставив этот вопрос. И что? Никакой реакции, никакого ответа. Обращались вновь — глухо. Пришел новый-старый глава страны, но и его администрация молчит. Невозможно понять такое нормальному человеку!

Может быть, фракция коммунистов в Государственной думе со всей остротой возвысит столь наболевший вопрос?

Николай ДЕНИСОВ,
Председатель
Тюменского регионального
отделения Союза писателей России.

КАЗНИЛИ КЛЯТВУ ГИППОКРАТА

Тема фашистского геноцида на Смоленщине глубоко освещена в книге моего земляка В. Т. Фомичева «Поле заживо сожженных». А я хочу в дополнение к ней рассказать о том, что стало содержанием ныне мало кому известного издания. Книга М. Тведда «Подпольный госпиталь. Записки очевидца» вышла в уже далеком 1963 году в Смоленском книжном издательстве пятнадцатитысячным тиражом, но трагическая ее фактура исключительно важна и сегодня.

О ЧЕМ в первую очередь идет речь? О примере следования высокому этическому кодексу — клятве Гиппократу, принимаемой в течение веков медиками многих стран. Явил поистине безукоризненное служение врачебному долгу в годы Великой Отечественной войны на моей малой родине — в селе Хватов-Завод Смоленской области — Аким Никонович Васильев, сельский фельдшер подпольного госпиталя, созданного им и действовавшего на основе деревенского медпункта.

Находилось это необычное лечебное заведение под Вязьмой. В начале октября 1941 года немцам удалось окружить здесь большую часть советских войск. Тогда Михаил Аврамович Твед был младшим сержантом подразделения артиллерийской инструментальной разведки, сокращенно АИР. И вот, будучи тяжело раненным «окруженцем», он оказался на попечении Акима Никоновича. Фельдшер сам подобрал в лесу и привез к себе на лошади будущего автора «Подпольного госпиталя». Другие пациенты кое-как добирались до Хватова-Завода разными путями или их привозили женщины близлежащих деревень.

«Медицинский пункт, — пишет М. Твед, — представлял собой обыкновенную пятистенную избу, крытую железом... Ко времени, когда я попал в госпиталь, у стены, противоположной входу, лежало на койках уже несколько раненых... Прежде чем оказывать помощь, пришлось привести меня в чувство. Когда была снята повязка на руке, все, кто был здесь, как потом мне рассказали, сморщились. Чтобы снять сапоги, их пришлось разрезать, так как ноги сильно распухли... Подняв гимнастерку, Аким Никонович и там обнаружил рану, полученную мной, вероятно, во время бомбежки в лесу, когда сгорела наша звукометрическая станция».

Далее Михаил Твед продолжает: «Несколько дней я был так плох, что даже от еды отказывался. Анастасия Ивановна насильно вливала мне в рот по несколько ложек молока». Жена фельдшера, «мать госпиталя», как называли ее раненые, рассказывала потом пациенту: «Ты совершенно ничего не ел. Иногда казалось, что в тебе уже нет признаков жизни. А то бредить начинал. Просил у меня сулемы и уговаривал, чтобы я дала тебе ее выпить». Как выясняется, ему, отчаявшемуся, «пришла в голову мысль просить этот яд». И вот 500 таких молодых и настолько безнадежных выходила сельская самодеятельная больница!

Местному фельдшеру помогали исполнять профессиональный долг вся его семья, родственники и близкие — уже упомянутая жена, сын Александр, дочь Антонина, племянница Анастасия, друг сына Петр Григорьев... Они стирали бинты, нарванные из простыней, собранных по деревням; готовили пищу раненым из продуктов, пожертвованных там же бедными сельчанами, которые сами влачили полуголодное существование; искали и находили на полях недавних сражений медикаменты для нужд госпиталя...

Но чем кончилось? За это прямо-таки героическое следование врачебному долгу в условиях оккупации Аким Никонович 12 августа 1942 года был расстрелян «просвещенными» европейцами-карателями. Его жена, первая помощница, еще раньше него — 15 января того же 1942-го — была зверски замучена фашистами.

«Коричневое» страшилище — немецкий фашизм — казнило не просто хватово-заводскую верность заветам великого древнегреческого врача, но самую нравственную составляющую этого профессионального звания! Всегда и везде. В этом была его античеловеческая, звериная сущность.

Другой пример того, как фашисты ей следовали, находим тоже в книге Михаила Тведа. Он рассказывает, как 13 января 1942 года отряд карателей окружил находившуюся в четырех километрах от Хватова-Завода деревню Дебрево, где в школе также был госпиталь, один из многих окрестных. И там лежали наши раненые красноармейцы. Тех, которые могли передвигаться, стали возить партиями в овраг недалеко от селения и расстреливать из пулеметов. Тяжело раненных закрыли в школе и подожгли. Испепелили 67 безоружных и нуждавшихся в неотложной медицинской помощи воинов Красной Армии! А сколько было расстреляно в овраге, никто точно не знает. Говорят, что более ста...

Моим землякам-смолянам Владимиру Фомичеву, Виктору Мухомову и мне довелось беседовать со свидетелем той трагедии. Это бабушка Валентина Петровна Давыдова, а в тот огненный день ей было 11 лет. И девочка видела весь этот ужас из своей хаты, находившейся напротив школьного здания. Она, к сожалению, ныне уже почившая, не могла говорить без слез, вспоминая, как фашисты ловили на штыки и отправляли обратно в огонь чрезвычайно больных, беспомощных красноармейцев, которые все же находили в себе силы и пытались через окно покинуть горящий ад...

Я счел своим долгом поведать людям, не видевшим войны или уже забывшим о ней, что происходило в те годы на оккупированной фашистами моей малой родине, что пришлось видеть и пережить нам, «детям войны».

Нюрнбергский трибунал после первого, основного процесса осудил больше двадцати гитлеровских врачей-убийц, совершивших преступления против человечности. Но далеко не всех настигло возмездие. Монстром-душегубом был сам нацизм. Он поверг в прах все нормальные людские ценности, в том числе и заветы знаменитого грека.

А вот память о жертвах фашистского монстра на нашей земле мы обязаны достойно увековечить!

Евгений ИВАНОВ,
Почетный радист России.
г. Москва

Продолжение темы

ЗАПАХ ГАРИ ОЩУЩАЮ ДО СИХ ПОР

Когда я читаю или слушаю рассказы свидетелей проводившегося фашистами геноцида, передо мной проплывают ужасающие картины чудовищных злодеяний. Мне известно это не только по рассказам, но и по собственному детству. И хочется донести до нынешнего молодого поколения хотя бы толику того, что пришлось пережить в свои 10—13 лет, чтобы каждый знал и понимал, что такое фашизм.

Я РОДИЛСЯ в деревне Болгово Восточского (ныне Угранского) района Смоленской области. До войны это был райский уголок с ухоженными полями и лугами, с уютными домами и дворами, с большим количеством разного скота и птицы. Все сельские дети учились в школе, все взрослое население трудилось на благодатной земле. После работы молодежь собиралась в клубе, веселилась, пела, танцевала.

Но грянуло 22 июня 1941 года.

По проселочным дорогам на восток потянулись стада общественного скота из западных районов. Угнали колхозный скот и из нашего Болгова. Со стороны Смоленска в течение двух месяцев день и ночь непрерывно доносился гул артиллерийской канонады. Над деревней постоянно летали самолеты. Шли воздушные бои. Самолеты ходили по кругу, и все это сопровождалось пулеметными очередями и отдельными глухими выстрелами. Во время воздушного боя двигатели самолетов работали на предельных оборотах, исторгая при этом ужасные воющие звуки. Мы, дети, наблюдали все это из укрытий, боясь и переживая за своих...

Навсегда запомнил я тревожный и сумрачный день, когда в мою деревню вошли немецко-фашистские оккупанты. Сразу начался чудовищно наглый, повальный грабеж.

Оказалось, что захватчики особенно любят мед. В первый же день были уничтожены все частные пасеки и общественная, состо-

явшая более чем из 200 ульев. Группы фашистских солдат врываются в дома и дворы мирных жителей, убивали крупный рогатый скот, телят, свиней, овец. Туши их тут же разделявали, потроха бросали, а мясо грузили в автомашины и увозили.

Я издали незаметно наблюдал, как соседка, еще молодая женщина, мать троих детей (муж с первых дней войны на фронте), пыталась преградить команде грабителей путь в хлев, где находился ее подсвинок. Сначала я слышал грозный крик фашистских солдат, а затем крик женщины. Увидел, как двое солдат бьют ее кулаками по лицу и голове. Женщина с криком упала, но те продолжали бить ее ногами, пока она не затихла совсем. Помню, как я, до глубины детской души пораженный увиденным, вбежал в дом и закричал: «Мама! Там тетю Настю немецкие солдаты убили насмерть!» Мать всполошилась. Запретив нам выходить из дома, тут же кинулась к соседке. Она выжила, но очень долго после этого болела.

Дикую охоту фашистские солдаты устраивали на кур. По всей деревне гонялись за ними с палками. Убитых кур тут же общипывали, потрошили и варили в своих плоских котелках на кострах, разведенных прямо на улице деревни. С большим рвением захватчики требовали у жителей куриные яйца. Искали их в домах и во всех хозяйственных постройках.

На жителей деревни «воины вермахта» смотрели так, словно это и не люди. Выселили всех из своих домов в сараи, овины, другие нежилые строения. В некоторых домах, освобожденных от хозяев, устраивали солдатские и офицерские туалеты, бани. Не обращая ни на кого внимания, ходили нагишом. На улицу даже днем выходить было опасно, особенно женщинам. К счастью, часть жителей деревни, в основном молодежь и подростки, укрылись в лесу, прихватив с собой своих коров и другую живность.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ бесчинствовали захватчики в деревне, разграбив и разорив ее. А с уходом передовых частей легче не стало. Появились отборные палачи нацистов — карательные отряды, состоявшие из отъявленных головорезов.

1941 год был урожайным. Особенно уродились рожь, яровая пшеница, гречиха, картофель. Не хватало сил для уборки урожая. И все же хлеба с поля были убраны, но не обмолочены. Надеялись обмолотить осенью и зимой. Все овины были забиты снопами

ржи, пшеницы и овса. Что не вошло в овины, было уложено рядом в огромные скирды. Помню, как в деревню въехали три бронетранспортера с фашистскими солдатами. Они открыли огонь из винтовок и пулеметов трассирующими пулями по скирдам и овинам. Вспыхнул огромный пожар. В результате население деревни Болгово осталось без хлеба.

В начале 1942 года наш Восточный район был освобожден от захватчиков кавалерийским корпусом генерала Белова и частями 4-го воздушно-десантного корпуса. Закончилась первая оккупация фашистами восточной земли. В районе была восстановлена Советская власть.

Корпус Белова и 4-й ВДК находились в окружении, поэтому вынуждены были держать круговую оборону. Население делало все, что могло, для укрепления этой обороны. Школы района переоборудовали под госпитали, где трудилась сельская молодежь. В каждом доме размещались по три-четыре выздоравливавших после ранения красноармейца на полном обеспечении семьи.

Около деревни Фурцево была оборудована площадка для приема сбрасываемых на парашютах с самолетов военных грузов и посадки наших легких самолетов. Почти ежедневно на лошади, запряженной в сани, я вместе с другими такими же подростками должен был приезжать на так называемый аэродром до рассвета, так как днем его бомбили фашистские самолеты. В сани грузили ящики, коробки, мешки, и я вез это на передовую в указанный мне пункт. Рейсы неоднократно повторялись, потому и дорога, и пункты назначения были известны. Но нужно было выбирать тот путь, где обстрел менее интенсивен. Увы, без жертв все равно не обходилось.

После передачи груза в освободившиеся сани укладывали раненых и больных красноармейцев, которых я должен был отвезти в указанную мне школу-госпиталь.

Домой возвращался поздно вечером усталым и голодным. В свои 12 лет я трудился наравне со взрослыми, и спрос с меня был как со взрослого.

Весной 1942 года наступила вторая оккупация немецко-фашистских захватчиков со всеми ее зверствами, насилием и геноцидом. К этому времени среди населения лютвал страшный голод. На самодельных ручных мельницах перемалывали сенную труху, мякину, древесную кору, желуди и т. д. Соли не было. Весной тяжело было

найти крапиву, лебеду, щавель. Они не успевали подрастать. Прологодные картофельные поля были исхожены вдоль и поперек и перерыты. А вокруг бесчинствовали фашистские выродки.

Пришлось пережить такие ужасы и лишения, которые ранее невозможно было даже представить. Я видел смерть, кровь, голод и холод, трупы незахороненных людей, пожары, учиненные гитлеровскими извергами, останки людей, сгоревших в огне, и людей, умирающих от ожогов. До сих пор ощущаю тошнотворный, чадающий запах, исходящий от туловищ сгоревших людей, и вижу эти трупы без отгоревших голов, рук и ног...

К сказанному я опишу только один трагический эпизод из многих других, которые и сейчас перед глазами. В начале 1943 года в деревню вошла колонна автомашин и бронетранспортеров. Все жители попрятались, как могли. Я тоже спрятался на чердаке своего дома. В заранее сделанное отверстие в соломенной крыше можно было незамеченным видеть почти всю улицу деревни. Колонна остановилась. Передняя автомашина находилась недалеко от дома, и я мог ее хорошо видеть. Вскоре здесь собрались немецкие солдаты и офицеры. До моего слуха доносилась гортанная речь, из которой мне было понятно только одно слово — партизан.

Через некоторое время к группе фашистов подвели мужчину и женщину пожилого возраста. На мужчине были старый короткий полушубок, черная шапка-ушанка, на ногах валенки. На голове женщины платок темного цвета, тоже старая поношенная крестьянская шуба с оборками у талии. Обоим жестом показали, чтобы они шли в сторону огородов. Они пошли. За ними двинулись два солдата с винтовками в руках. Один из них догнал шедшего впереди мужчину и с размаху ударил его по затылку прикладом винтовки. Мужчина не упал, но с его головы свалилась шапка. Он повернулся и нагнулся, чтобы поднять ее. В это время фашист в него выстрелил. Видя все это, женщина с криком бросилась бежать, но второй фашист выстрелил и в нее. Я видел, как упал мужчина, как упала женщина. Перед моими глазами все поплыло. Больше я ничего не видел, но слышал беспорядочно доносившиеся звуки выстрелов...

ТАК БУДЕМ ЖЕ ПОМНИТЬ вечно тех, кто отдал свои жизни за нашу Родину, победив в неимоверно тяжелой войне «коричневую чуму» двадцатого века. Кто замучен, расстрелян, повешен, заживо

сожжен фашистскими извергами. Кто в тылу, не жалея себя, трудился день и ночь, обеспечивая всем необходимым Красную Армию, разгромившую фашистские полчища.

Будем помнить детей войны, лишенных детства, переживших ужасы немецко-фашистской оккупации, вносивших непосильным трудом свой вклад в победу над фашистскими захватчиками...

Нет больше моей милой деревни Болгово. Нет и посаженного моим отцом сада, благоухавшего весной. Не посидеть больше в беседке у тенистой липы, мечтая под ее таинственный шепот, не напиться студеной воды из глубокого колодца с его журавлем, улетающим в небо. Все сожгли, уничтожили фашистские вандалы — враги человечества. Но память загубленных ими людей должна быть увековечена!

*Василий ЛЕОНОВ,
член Союза писателей России,
лауреат Всероссийской премии
имени Н. А. Некрасова.
г. Москва*

СВОИХ НЕ УВЕКОВЕЧИВАЕМ, А ФАШИСТОВ — ПОЖАЛУЙСТА

Много интересного, берущего за душу на страницах моей любимой «Правды». Часто хочется откликнуться, высказаться. Но... все думаешь: найдутся и поумнее тебя.

ОДНАКО вот раскрыл номер от 24—27 января 2014 г. Статья Виктора Кожемяко «Сожженные заживо вызывают к нам». Прочел — и, как говорится, переполнилась чаша.

Что же это получается? Общество «Поле заживо сожженных» во главе с В. Т. Фомичевым бьется за увековечение памяти жертв гитлеровской оккупации. Обращаются к одному президенту страны, потом к другому. В ответ — молчание, никакой реакции. А тем временем повсюду создаются на нашей земле мемориалы фашистам, оккупантам, поработителям Отечества и убийцам миллионов ни в чем не повинных советских, русских людей!

Я давно, как только появились первые сообщения об этом, всей душой возмущался. Говорил своим родным и знакомым: недопустимо это, нельзя мириться с таким кощунством! Поддерживал протестные выступления на эту тему в коммунистических, патристических газетах. Но, как видим, протесты не возымели действия. Вопиющее кощунство продолжается. Вот и в Духовщине, на многострадальной смоленской земле, оказывается, торжественно открыт мемориал гитлеровским изуверам. И даже затмил он величием своим памятник советским воинам, установленный здесь ранее. Да как же можно?!

Я понимаю это так. Разрешение на строительство фашистских мемориалов местная администрация дает за деньги, а если что-то сделать в память о погибших советских людях, то надо вкладывать деньги самим. Выбор делают легко. Налицо «едроссовская» продажность.

Вы хотите увековечить память фашистов? Так вот она и будет увековечена, если на наших мемориалах, возведения которых мы обязаны добиться, будет указано: «Погибли от зверств немецких, венгерских и т.д. оккупантов». Только такой памяти достойны эти нелюди!

Мое предложение — развернуть кампанию о запрете дальнейшего строительства фашистских мемориалов на нашей земле. Я сам малолетним был в оккупации, знаю, что это такое. А вот память о тех, кого захватчики лишили жизни, обязательно должна жить. И в этом все мы должны поддержать давно назревшее начинание Владимира Тимофеевича Фомичева и его соратников-единомышленников.

Почему же власть не реагирует? Очень тошно жить при капитализме в России!

Владимир РЫБАЧЕНКО,
кандидат биологических наук.
г. Краснодар

Продолжение темы

«ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА — ПОГОЛОВНЫЕ РАССТРЕЛЫ...»

Уважаемая редакция «Правды»!

Искренне благодарю за инициирование проблемы увековечения памяти мирных жителей, погибших в годы Великой Отечественной войны, статьей В. С. Кожемяко «Сожженные заживо взывают к нам» (номер от 24—27 января). Как и «дети войны», они не должны быть преданы забвению.

Этим своим письмом я хотел бы добавить, что мирные жители гибли не только от рук фашистских оккупантов-немцев и их сателлитов, которые (например, мадьяры на воронежской земле) иногда зверствовали похлеще гитлеровцев, но и от отечественных предателей, пособников, карателей и националистов.

Фраза, вынесенная мною в заголовок, взята из мало известного «Единого генерального плана повстанческого штаба “Организации украинских националистов (ОУН)”, составленного в январе 1940 года. Об этом документе я вспомнил в связи с реабилитацией украинскими националистами при преступном попустительстве властей участников дивизии СС «Галичина» и нынешними событиями на Украине, где эти же силы совершили, по сути дела, государственный переворот.

ОРГАНИЗАЦИЯ украинских националистов была создана в 1929 году. В 1938 году пост руководителя ОУН занял полковник Андрей Мельник, бывший управляющий имениями митрополита А. Шептицкого, того самого, который вслед за папой римским Пием XI не только благословил, но и призывал Гитлера к крестовому походу против СССР и инспирировал убийство писателя Я. Галана. Но недолго блаженствовал Мельник на этом посту: освободившийся из заключения за совершение террористического акта против министра внутренних дел Польши Б. Перацкого Степан Бандера сверг

своего соперника, и вскоре был утвержден новый состав «Революционного провода ОУН» в составе С. Бандеры, Р. Шухевича, Я. Стецко и других. В апреле 1941 года Мельник вообще был исключен из ОУН и предупрежден, что ответит головой, если будет мельтешить под ногами более молодых националистов. Так произошел существенный раскол в движении ОУН. Но С. Бандера рано начал радоваться единоличной власти: за Мельником стояли солидные силы, он был агентом германской и американской разведок (кличка «Консул-1»).

В показаниях Международному военному трибуналу для главных военных нацистских преступников бывший заместитель начальника отдела «Абвер-2» Э. Штольце писал, что в марте 1941 года, выполняя указания своего руководства, он «лично отдал приказ германским агентам Бандере и Мельнику организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск». Что имелось в виду под «подрывом ближайшего тыла советских войск»? На этот вопрос мы получаем исчерпывающий ответ из упоминавшегося плана:

«Еще миг — и миллионы людей Украины возьмут оружие, чтобы уничтожить врага и создать свое Украинское государство... В первую очередь мы должны захватить в свои руки важные пункты и силы: Донбасс, море, молодежь, рабочих, крестьян, армию, должны ударить везде и одновременно, чтобы разбить врага... Создать панику и разложение в среде врага... Главное — поголовные расстрелы врагов. Это одно из условий нашей победы...»

В соответствии с планом в каждом уезде создавался карательно-административный отдел, в обязанность которого входили «составление черных списков, проведение репрессий, конфискации и административные аресты». Большую ставку руководство ОУН делало на украинцев, которых Москва расселила по всей территории Советского Союза. «Московскую тюрьму будем сжигать со всех сторон», — говорилось в плане. То есть ставилась цель создать «пятую колонну» внутри страны из числа националистов, переселенных во внутренние области после присоединения Западной Украины. Но, как известно, этим планам не суждено было сбыться — внутри страны за годы войны ни одного повстанческого выступления не было.

* * *

И Мельник, и Бандера проявляли исключительное усердие, чтобы завоевать расположение гитлеровцев, но в своих политических амбициях крепко просчитались. «Самостийная Украина» не входила в планы гитлеровского командования. Созданная мельниковцами «национальная Рада Украины» гитлеровцами в 1941 году была разогнана. Такая же участь постигла действия Бандеры по созданию украинского государства и правительства: после выпуска декларации по этим вопросам «правительство» было разогнано, а сам Бандера направлен в Германию под домашний арест. Кстати, упоминавшийся Штольце на Нюрнбергском процессе охарактеризовал Бандеру так: «энергичный, карьерист, фанатик и бандит».

С первых дней войны оба главаря стали формировать карательные отряды для борьбы с партизанами и создали «Украинскую повстанческую армию» (УПА) для участия в боевых действиях против Красной Армии.

Бесспорно, самой odioзной, переплюнувшей по своей жестокости гитлеровцев, была дивизия СС «Галичина», признанная на Нюрнбергском процессе преступной организацией. Ее, как наиболее жестокую и надежную (преданность фашистам была креплена кровью сотен тысяч убитых), перебрасывали с одного «аврального» участка на другой (Украина, Польша, Словакия, Югославия, Белоруссия, Франция). Имеются многочисленные свидетельства исключительной изощренности членов «Галичины» в осуществлении пыток партизан, плененных красноармейцев и лиц, сочувствовавших Советской власти. Известны факты, когда людей бросали в кипящий котел, распиливали пилами и т. д.

Тяжелейшие военные преступления, совершенные украинскими националистами на территории Украины, Польши и Белоруссии, зафиксированы международным Нюрнбергским трибуналом. Против местного населения осуществлялся настоящий геноцид. Преступления нацистов и украинских националистов, на совести которых около семи миллионов уничтоженных и двух миллионов угнанных в рабство, навсегда останутся в памяти народов.

В свое время член руководства ОУН Шухевич провозгласил: «Добиваться, чтобы ни одно село не признавало советской власти. ОУН должна действовать так, чтобы все, кто признает советскую власть,

Гитлеровское руководство очень «заботилось» об Украине и особо — о дивизии СС «Галичина».

были уничтожены, не запугивать, а физически уничтожать! Не надо бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из сорока миллионов украинского населения останется половина — ничего страшного в этом нет». Как говорят в таких случаях, комментарии излишни.

* * *

После войны Мельник и Бандера оказались в американской зоне, откуда продолжали руководить националистическим подпольем Украины, развернувшим массовый террор против местных руководителей, коммунистов, комсомольцев и других советских активистов. Костяком подпольных бандформирований стали члены дивизии СС «Галичина».

Сторонников Советской власти оуновцы вырезали семьями, не оставляя в живых ни женщин, ни стариков, ни детей. Это и стало одной из причин последующей депортации главарей бандформирований, членов их семей, бандпособников и связников в Сибирь.

Боевая помощница легендарного разведчика, Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова Валентина Константиновна Довгер, с кото-

рой мне посчастливилось длительное время общаться, занимаясь вместе с ней военно-патриотической работой, о зверствах оуновцев знала не из книг. И всегда казалось, кровь стынет в жилах от рассказов Вали, как националисты зверски расправились с ее отцом. Националисты и покойному герою-разведчику, погибшему от их же рук, продолжали мстить: они варварски разрушили его памятник.

Общеизвестно, что трудно усидеть на двух стульях сразу, особенно в политике. За последние двадцать лет отчетливо виделись признаки горбачевщины на Украине, выражавшейся в попустительстве, бездействии и заигрывании властей с националистами западных областей. Вначале членов дивизии СС «Галичина» приравняли к ветеранам войны, затем разрешили им демонстративные шествия в своей униформе по улицам Львова, а кончилось... захватом правительственных зданий и учреждений! Власти забыли, что всякая река начинается с ручейка, а посеявший ветер нередко вынужден затем пожинать бурю...

Короче говоря, на мой взгляд, мы являемся свидетелями предательства властями Украины своих национальных интересов. Неофашизм здесь поднял голову именно с молчаливого согласия властей. Напомню, что Украина воздержалась при голосовании 26 ноября 2012 года за Резолюцию Генассамблеи ООН против героизации нацизма, депутаты от Партии регионов вместе со своими соратниками из Львова возлагали цветы к памятнику фашистского пособника Бандеры, а в Харькове те же «регионалы» установили мемориальную доску священнику греко-католической церкви И. Слипому, благословившему националистов на борьбу вместе с фашистами против Красной Армии.

С приходом к власти на Украине «западенцев» Россия тоже столкнется с немалыми проблемами, в том числе и с территориальными притязаниями. В 1996 году по предложению тогдашнего председателя нашей областной Думы И. М. Шабанова мною было создано областное общество дружбы с Украиной «Чувство семьи единой» (председатель — профессор В. Е. Шевченко, ректор аграрного института). Так вот к нам нередко приезжали братья-славяне из Киева, Харькова и Луганска, которые рассказывали, что в кабинетах некоторых руховских деятелей висят карты, на которых отдельные районы моей родной Воронежской области уже окрашены в цвет... Украины.

* * *

Однако вернемся к проблеме, поднятой в «Правде». И на воронежской земле фашисты зверствовали усердно. Приведу только несколько фактов, взятых из архивных материалов: «Расстрелян 721 больной психбольницы «Орловка», в «Песчаном логоу» — 450 человек, в с. Девица — 60 человек, Подклетном — 66 человек, Медвежье — 50 человек. В Уколовском районе расстреляно 100 человек, Репьевском — 200 мирных жителей и 800 пленных красноармейцев...»

Этот перечень можно еще долго продолжать. В моей области оккупанты расстреляли, сожгли, повесили и заживо закопали в землю 4911 мирных жителей, 6210 военнопленных, угнали в рабство 4476 человек.

На нашей земле за последнее время тоже появились памятники оккупантам. Что ж, говорят, нельзя жить памятью обид и с головой, повернутой назад. Но вот ведь вопиющая несправедливость: нет памятника сожженным заживо, взывающим к нам!

А.К. НИКИФОРОВ,
член Союза журналистов России.
г. Воронеж

№ 27, 14—17 марта, стр. 5

Резонанс

СМОЛЕНЩИНА — РУССКАЯ ХАТЫНЬ

Не могу не откликнуться на статью Виктора Кожемяко «Сожженные заживо зывают к нам» («Правда» от 24—27 января). Знаю об огромной работе, которая проводится по инициативе и под руководством настоящего патриота Владимира Тимофеевича Фомичева по увековечению памяти жертв гитлеровской оккупации. Но это благородное дело должно стать поистине всенародным!

В ПРОШЛОМ, 2013 году, исполнилось 70 лет освобождению Смоленской области от немецко-фашистских захватчиков. Гитлеровская оккупация продолжалась здесь с июля 1941 года по сентябрь 1943-го.

За это время фашисты расстреляли, повесили, сожгли и закопали живыми, отправили в душегубки и замучили в застенках гестапо более 150 тысяч мирных жителей, более 160 тысяч смолян были угнаны в рабство, полностью или частично было сожжено более 5 тысяч сел и деревень.

Страшным преступлением фашистов стало массовое сожжение сел и деревень вместе с жителями. В каждом районе Смоленщины есть свои Хатыни. Вот лишь некоторые данные.

458 человек заживо сожжены в деревне Чертовка Вяземского района, 100 человек — в деревне Колодезки Темкинского района, в Слободском районе сожжены 159 человек, в Угранском районе в деревне Борьба — 320 человек, в райцентре Знаменка — 280, в деревне Заречье — 175 ни в чем не повинных мирных жителей, половина из которых — дети. Были заживо сожжены люди и в других районах.

В Смоленской области жертвами среди мирных жителей от зверств фашистов стали 540 тысяч человек!

Мы должны помнить, не можем забывать о страшных преступлениях фашистов на нашей земле. Тем более что сейчас, как мы видим на Украине, угроза фашизма опять стала вполне реальной.

Очевидцем и жертвой тех страшных событий семидесятилетней давности стал малолетний Леня Фадеев — будущий поэт. Вот о нем я и хочу рассказать подробнее.

* * *

Мальчику не было и шести лет, когда началась война. Отец ушел на фронт. Вскоре в родную деревню Шибихино Всадского (ныне Угранского) района пришли фашисты.

В конце 1942 года гитлеровцы спалили часть деревни, которая находилась ближе к лесу. Одним из первых сожженных домов был дом Фадеевых — крайний, стоящий недалеко от леса.

Одно время малолетний Леня Фадеев и его родные прятались от немцев в лесной землянке, потом односельчанка приютила их, бездомных, в своей уцелевшей от пожара избе. Но семью ожидала еще большая беда.

Особенно жестоко зверствовали фашисты в 1943 году — наступала Красная Армия. Враги, отступая под натиском наших войск, в мас-

совом порядке сжигали села и деревни — русские Хатыни, убивали ни в чем не повинных людей.

Горькая судьба постигла и деревню Шибихино: в конце февраля 1943 года, накануне освобождения Восточного района Красной Армией, немецкие каратели сожгли дотла и оставшуюся часть деревни. Такая же участь постигла соседние села.

Построив в колонну женщин, стариков и детей, фашисты погнали невольников под конвоем автоматчиков по заснеженному бездорожью к какой-то железнодорожной станции. Расстреливали тех, кто, обессилев, падал на снег. Было жутко: ведь каждый из них мог быть следующим...

В этой обреченной колонне шел и маленький Леня Фадеев. Потом он расскажет: «Детей моего возраста было много, но были дети и старше меня, такие, как мои пятнадцатилетний брат и тринадцатилетняя сестра, а были и совсем маленькие, которых несли на руках их мамы. Я видел, как многие из них падали на снег и тут же их расстреливали: молодую маму с маленьким ребенком, чью-то бабушку, моего друга Витьку, девочку Маньку и очень много других. Я горько плакал и еще сильнее прижимался к маме, крепко держась за ее руку. А потом упал дядя Кузя, и ему немец выстрелил в грудь. Было страшно, очень страшно...»

* * *

Уцелевших в том смертельном, изнурительном походе женщин, стариков, детей фашистские изверги подогнали к железнодорожному составу, затолкали всех прикладами в товарные вагоны-«телятники», закрыли наглухо двери и повезли на запад, в лагерь смерти...

К счастью, не довезли: спасло внезапное наступление Красной Армии. Фашисты в спешке бросили набитый русскими невольниками эшелон на одной из станций в Западной Белоруссии. Через несколько дней люди, не обнаружив возле эшелона охранников-фашистов, разбежались по окрестным селам. Так они спаслись от лагеря смерти.

Чтобы не умереть с голоду, семилетний Леня Фадеев ходил по деревням вместе с бабушкой в поисках ночлега, просил милостыню. Мама, старшие брат и сестра нанимались на разные работы к зажиточным крестьянам. Не выдержав непрерывных хождений и жизни впроголодь, бабушка заболела и умерла. А будущего поэта отвели на один из белорусских хуторов, где ребенок стал батрачить. Два года мальчик пас коров, выполнял разные работы по хозяйству. Его батрачество дли-

лось почти до конца войны. Победу, то есть окончательное освобождение от фашистского ига, семья Фадеевых встретила в Белоруссии.

У Лени Фадеева навсегда остались в памяти ужас и отчаяние людей при виде сгоревших родных хат не только на родной Смоленщине, но и на белорусской земле, куда они попали по воле случая.

Отец с фронта вернулся инвалидом и с трудом их разыскал. В родную деревню семья не вернулась: ведь от Шибихина остались одни пепелища, заросшие дикой травой и лесным молодняком... Подобная судьба и у сотен других смоленских сел и деревень — русских Хатыней! Искалеченное войной детство — фашистское рабство, голод, холод, карательные операции гитлеровцев, расстрелы, поджоги... Весь кошмар жизни на оккупированной территории, спаленные врагами русские села и деревни, как и белорусские, — все это перенес ребенок, видел во время своих скитаний в поисках пищи и ночлега. Остались глубокие незаживающие раны на всю его жизнь и прошли через все его творчество.

* * *

Минули годы. Леонид Фадеев стал поэтом. Несмотря на непростую жизнь, загубленное войной детство, он не сломался, не озлобился. Стихи его пронизаны благодарностью за все доброе и хорошее, что дала ему жизнь, душевной теплотой, любовью к родной земле, России, к матери и любимой женщине.

У Леонида Фадеева вышло 10 поэтических сборников. В издательстве находится сейчас очередной, одиннадцатый.

Одно из первых стихотворений о сожженных русских деревнях — наших Хатынях им было написано в 1972 году.

К сожалению, 28 октября 2012 года поэта не стало.

МОЯ ПЕЧАЛЬ

*Нашим русским Хатыням, памяти деревни
Шибихино, сожженной фашистами в феврале
1943 года*

Нет на карте
Родной деревни:
Растоптала ее война...

Ни рожком,
Ни задорной припевкой
Уж не встретит
Под вечер она.
Где привычный мой мир
Домотканый,
Разостлавший
Тропинки холстин?
Не подарит мне
Запах медвяный
Сеновала
Сгоревший овин.
Не заглянет в окошко
здесь
Небо,
Ребятишек
Не встречу гурьбу,
Сладкий дух
испеченного хлеба
Не наполнит родную
избу...
Меня лес незнакомый
встречает —
До чего ж его дебри
густы!
Только ветер печально
качает
На верхушках еловых
кресты.

Леонид ФАДЕЕВ.

**Людмила Валентиновна
ФАДЕЕВА,
вдова поэта.**

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

ПОГУБЛЕННЫЕ ФАШИСТСКИМ ГЕНОЦИДОМ

Идут, идут в редакцию «Правды» письма-отклики на статью «Сожженные заживо вызывают к нам», которая была опубликована в номере нашей газеты от 24—27 января с. г. Многие читатели восприняли ее как обращение лично к каждому из них: «Вызывают к нам» — значит, и ко мне.

Откликнулись прежде всего те, кого так или иначе опалил убийственный ужас фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны. Вы, дорогие друзья, пишете о своих незаживающих детских впечатлениях, о том, что сами пережили тогда или слышали позднее от родителей, о судьбах своих семей, родных и близких, соседей и односельчан...

А главное вот в чем. Казалось бы, историческая тема по воле жизни стала вдруг сугубо злободневной. Когда в Союзе писателей России проходил Народный сход, посвященный увековечению памяти мирных жителей — жертв фашистских захватчиков на оккупированной российской, советской земле, трагические события в Киеве только начинались. И когда печаталась в «Правде» статья по материалам этого Народного схода, который был созван по инициативе руководителя общественного объединения «Поле заживо сожженных», поэта и публициста Владимира Тимофеевича Фомичева, еще не вполне было ясно, какой оборот приобретут украинские события.

Теперь все мы это видим и знаем. Фашизм возник перед нами уже не только как воспоминание, а как сегодняшняя страшная реальность, у которой еще более страшные перспективы. Если фашизму не будет дан должный отпор.

И об этом тоже во весь голос говорится в письмах, которые получает наша редакция.

Да, мы должны помнить прошлое, чтобы не допустить повторения худшего — причем, возможно, в недалеком будущем. Мы призваны увековечить память о жертвах фашизма в минувшей войне,

чтобы теперь избежать новых жертв от того же фашизма, который поднимается и все больше наглет буквально у нас на глазах.

ЧУДОМ В ЖИВЫХ ОСТАЛИСЬ

Уважаемая редакция! Со слезами на глазах я прочитала и потом еще не раз перечитала статью Виктора Кожемяко «Сожженные заживо вызывают к нам». Вместе с этой статьей напечатано обращение редакции, потому я решила вам написать.

Я ЖИВОЙ УЗНИК фашистского концлагеря. Родилась в деревне Юрченки Шиловичского сельсовета Пречистенского района Смоленской области. Нас с мамой и сестрой Надей 13 января 1943 года фашисты согнали вместе с остальными деревенскими жителями в один дом на краю деревни. Затем в сорокаградусный мороз гнали до Шиловичей пешком. А здесь нас ждали открытые грузовые машины, в которых нас довели до города Ярцево.

В Ярцеве погрузили в товарные вагоны и долго везли. Оказалось, в Белоруссию, где располагался один из фашистских концлагерей, — в город Слуцк.

Это было ужасно! Всего не описать. Мама в концлагере умерла, а мы с Надей буквально чудом остались в живых.

Правильно предлагается Владимиром Тимофеевичем Фомичевым и обществом «Поле заживо сожженных» увековечить память жертв фашизма. Не знаю, как лучше это сделать, но надо сделать непременно.

Анна Максимовна ВАЛЬКО.

г. Минск

ОТ РЕДАКЦИИ. Повторяем наши вопросы читателям.

1. Есть ли у вас какие-то свои знания очевидца или потомка очевидцев о зверствах немецко-фашистских захватчиков в оккупированных российских областях?

2. Каковы ваши предложения по увековечению памяти жертв этих злодеяний?

Я СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ О ЗВЕРСТВАХ И ЖЕРТВАХ

Когда началась Великая Отечественная война, мне было около 9 лет. Наша крестьянская семья жила в деревне Колыбели Гордеевского района Орловской области (по административному делению того времени — теперь это область Брянская). Деревня наша находилась в 700—750 метрах от Костюковичского района Могилевской области Белорусской ССР. В полутора километрах от нас — белорусская деревня Вишни, родом из которой была моя мать.

Я К НАЧАЛУ ИЮНЯ 1941 года с «похвальным листом» окончил три класса. Этим хочу подчеркнуть, что был я не только девятилетним ребенком, но и любознательным, активным жителем своей округи. Мои свидетельства о «новом порядке», который немецкий, гитлеровский фашизм нес советским людям, строившим свою жизнь по своим, советским, справедливым постулатам, характеризуют зверства «европейских» мракобесов во время оккупации ими советской земли всюду, куда бы эти звери ни прорвались: все это была наша Советская Родина! Первая жертва германского фашизма, которую я своими глазами увидел, была в лице белорусского мальчонки примерно моего возраста, выбежавшего на рев самолетов и пулеметный стрекот. Фашистский стервятник высыпал бомбы, одна из которых взорвалась на стыке полей русских Колыбелей и белорусских Вишен, где в это время помогали родителям дети. Осколком бомбы мальчику срезало тонкую шею, так что его головка осталась у туловища на ошметке окровавленной кожи.

Я об этом случае уже писал в заметке, адресованной Джонатану Платту (см. «Правда», № 98 (30016) за 10—11 сентября 2013 года). Но сегодня я хочу свидетельствовать о зверствах фашистов во время оккупации гораздо шире.

Вот в это же время, когда гнался советский истребитель за немецким бомбардировщиком, который должен был бомбить скопления советских людей в районе Антоновки, где по берегу реки Беседь тысячи мирных граждан из колхозников русских и белорусских районов создавали противотанковый ров, читали там женщины, старики и подростки издевательские геббельсовские листовки: «Московские дамочки, не ройте эти ямочки. Наши могучие танки обойдут...» Эти листовки работающие собирали и с презрением сжигали в кострах, как и мы, малышня, делали это в своих селениях.

Очевидно, под воздействием ужаса, потрясшего обе наши деревни безвинной смертью ребенка на поле деревни Вишни, в группе проходивших беженцев старики, вероятно дедушка и бабушка, с которыми шла девочка лет восьми-девяти, буквально одеревенели. Они, боясь оторваться от группы, с которой двигались через нашу деревню, слезно просили взять у них девочку. «Мы вернемся и заберем ее!» — звучало в их просьбе.

И эту девочку от старых евреев заботливо взяла русская крестьянская семья, жившая в Колыбелях у озера, на самой окраине деревни, у границы с Могилевщиной.

* * *

Наша округа была оккупирована в августе 1941 года. Я не смогу в данном письме изложить всего, что видел, слышал, пережил и помню до сих пор. Это будут лишь некоторые подробности, но, по-моему, очень существенные.

Люди замкнулись в себе, исчезла былая общительность. А до деревни долетели слухи, что в Гордеевке вместе с евреями были расстреляны Пискун и его семья. Это был известный всей округе райфининспектор, которого, вероятно, оставили в районе для организации подпольной работы на оккупированной территории. Однако фашистские лазутчики, опережавшие в то время свои войска, выявили его как активиста-коммуниста. На глазах Пискуна, переломав позвоночник годовалому его сынишке, бросили трупик мальчика в ров.

Потом изуверы штыком столкнули в ров на трупы расстрелянных четырехлетнюю дочурку Пискуна, дали очередь из автоматов в обе-зумевшую мать этих двоих детей и отца их...

В начале 1942 года, в январе, в Колыбели прикатил санный обоз из нескольких пароконных упряжек. На первых санях были три или че-тыре полицая, которых успели «создать» в каждой деревне. Вот тогда в Колыбелях и появился Овсяник. До войны в колхозе он был леже-бокой. Дежурил иногда на пожарной каланче у колхозной фермы, где стояли две двуколки с бочками, наполненными водой; за ним были закреплены две лошади, постоянно пасшиеся вблизи фермы на лугу.

Теперь же на втором санном возке в овчинных тулупах, в воро-хе сена сидели два немца с автоматами. Обоз появился со стороны Струговой Буды. С этой стороны Колыбели начинались нашей корот-кой улочкой в семь дворов: три хаты с одной стороны и четыре — с другой. Обоз остановился на въезде, в улочку завернули только двое саней полицаяев и немцев. Наша хата была второй справа для въехавших упряжек, а в первой хате слева жил Ляшок Тимофей Дми-триевич, усадистый, трудолюбивый мужик лет шестидесяти.

Улочка наша была пустынна, как и вся деревня. Из нашего окош-ка, выходявшего к дороге, видно было, что полицайи забежали к деду Тимофею в сени, и оттуда вскоре появился вытолкнутый в спину хо-зяин дома с клунаком, как говорят белорусы, — с увесистым узлом зерна в левой руке. А в правой руке Тимофей Дмитриевич держал безмен. Вероятно, по своей крестьянской натуре он думал, что нем-цы будут записывать, кто сколько сдал зерна. Какие же ассоциации возникли в черепных коробках утвердителей «нового порядка» при виде безмена, только Всевышнему ныне известно. Но один немец порывистым движением мгновенно выдернул из рук старика увеси-стый инструмент, что-то гортанно прокукарекал и широким разма-хом огрел его по спине, на уровень чуть выше пояса, увесистой ча-стью безмена. Тимофей Дмитриевич охнул, что-то прокричал, сквозь стон приседая-падая, и получил вдогонку второй сильнейший удар, после которого тяжело ткнулся на заснеженную землю своего двора.

Полицайи уже стучали в наши ворота (у нас со стороны улицы еще со-хранялись в то время ворота, навешенные дедом и отцом в 1927 году, когда семья наша выделилась из семейства дедушки). Мать тревожно клацала в сенях запорами и зубами, я ж оперативно пронырнул мимо

нее и полицаев и оказался рядом с дедом Тимофеем, которого супруга его и невестка пытались затянуть в сени. Струйка крови стекала из уголка рта Тимофея Дмитриевича на снег и руки домочадцев...

Следующим утром на дверной ручке сеней домостроения трудолюбивого колхозника мы из окна своей хаты увидели полотенце — знак смерти. Крепыш Тимофей Дмитриевич, который когда-то разгибал кованые подковы лошадей, отдал Богу душу от рук изуверов фашистских, отбивших деду то ли печень, то ли почки, а может, и то и другое, так как я видел два нанесенных удара по спине крестьянина. А булава безмена у деда Тимофея весила самое малое килограмма четыре при длине стержня до крючка около метра.

* * *

Немцы увезли отобранное у жителей деревни зерно в Гордеевку, а через три дня небо в северной стороне, за Вишнями, ночью (где-то в 9—10 часов вечера, в это время ночь опускается рано) озарилось жутким заревом. Мы с братом Ваней, который старше меня на два года, смотрели на это зарево, внутренне содрогаясь. В небо взлетали клочья горящей соломы из крыш строений, разбрызгивая в ночной темени мириады ярких искр. А вскоре еще более жуткое зарево появилось чуть левее, но дальше, чем первое. Брат определил, что горят Жарки. Назвал он и точку другого зарева.

Годы спустя я узнал, что в белорусской Хатыни создано мемориальное кладбище-музей памяти деревень, сожженных фашистами именно в эти жуткие две или три январские ночи вместе со всеми жителями, от мала до велика, от детей до стариков.

Я свидетельствую, что видел этот ужас издали, от стен своей хаты, находившейся в России. Наша хата площадью 4,5 x 6,5 метра, в которой четверть площади занимала русская печь, в эти жуткие зимние дни и ночи приняла всю родню из Вишен. Это семья дяди Антона, брата матери моей, инвалида с деревянной култышкой вместо одной ноги, семья моей крестной матери, жены дяди Алексея, находившегося тогда в действующей Красной Армии и погибшего в огне Сталинградской битвы, семья тетки Татьяны, вышедшей замуж за белоруса и народившей к тому времени полдюжины детей...

Как ни поразительно, хата в те страшные трое суток вместила порядка 30 человек — детей и взрослых. На печке была малышня,

я с братом Ваней спал на «запичке» — узеньком уступе из кирпича у русской печи со стороны лаза на «чарэнь», лежанку русской печи. С нами на уступчике вмещался еще двоюродный братик, сынишка тети Татьяны, и две ее девочки. Мы, вероятно, спали полусидя или сидя, иначе было просто невозможно...

Я свидетельствую, что карательные отряды фашистов в январе 1942 года не появились ни в Вишнях, ни в Мошевой (что спасло эти селения от участи, постигшей Жарки и жителей этого селения), ни в других деревнях, притиснутых к «русской границе», оголенных от белорусских лесных массивов. К слову, именно в это время из нашей деревни Колыбели ушли в партизаны 56 бойцов в возрасте 16—17 лет. И для них домом сначала были именно белорусские леса. Это позже, к 1943 году, изменилась тактика действий многих партизанских отрядов. Отряды к тому времени стали более подвижными, мобильными, «бродячими» типа отрядов Ковпака на Украине. К сожалению, в эти отряды свободнее «втирались» тайные враги Советской власти — фашисты-бандеровцы, о чем свидетельствуют трагические судьбы героя-разведчика Николая Кузнецова, партизанского комиссара Руднева, советских генералов Черняховского, Ватутина и... современный Майдан в Киеве!

В первых партизанских отрядах столь обширного внедрения врагов не могло быть, так как пополнение их шло из местного населения, где люди хорошо знали друг друга по делам и по жизни на протяжении длительного времени. Рейды же позволяли вредительским элементам «проскользнуть» незамеченными в ряды патриотов...

Должен поведать еще о еврейской девочке и о приютившей ее русской семье. Семья эта вымерла после изуверства оккупантов. Не без наводки полицейского из Колыбелей — Овсяника фашисты схватили женщину, забравшую в семью девочку, и увезли в Клинцы. Долго ее терзали там пытками, издевательствами, не поддающимися описаниям. Но женщина все отрицала и не выдала, где находится сейчас ребенок. Случайно или как, я этого не знаю, Привалову (фамилия женщины, взявшей первоначально девочку от стариков) в конце концов все-таки выпустили из клинцовской тюрьмы, но она через полтора или два месяца после «освобождения» умерла в своем доме у озера. Трагически сложились судьбы и других членов семьи.

А девочка, к счастью, дожила до нашего освобождения от оккупантов в сентябре 1943 года. Потом она окончит пединститут, станет кандидатом педагогических наук...

* * *

Да, памятник сожженным заживо соотечественникам, всем жертвам фашистского геноцида на нашей земле очень нужен! Ведь Хатынь ныне — в другом государстве. И я всей душой поддерживаю усилия общественного объединения под руководством Владимира Тимофеевича Фомичева, всем сердцем откликаюсь на статью Виктора Кожемяко в «Правде».

Каким должен быть этот памятник?

Возьмите тот же номер «Правды» за 24—27 января 2014 года, где напечатана потрясающая статья В. Кожемяко «Сожженные заживо взывают к нам». Внизу на этой странице — четыре снимка. Обращаю внимание на два из них, находящихся справа.

Первый снимок: женщина с двумя детьми, снятые со спины, наверное, чтобы не было видно того ужаса, который отражен на лицах женщины и детей, рожденных для жизни, а не для фашистского кошмара.

Второй снимок: детское, ангельское непонимание — и горечь, потрясение от обиды за деяния фашистов.

Так вот, я считаю, что эти снимки о многом говорят не только нам, но скажут и будущим поколениям.

Итак, памятник. Из фарфора высочайшего качества изготовить плиту, на которой современными средствами воспроизвести обе приведенные фотографии. То есть навечно влить в фарфор чувства тех женщин и детей. А ниже, на плите из базальта, разместить обращение к потомкам о великих жертвах, которые понес наш народ от фашизма на оккупированных гитлеровцами территориях.

Не забудем и не простим! Люди, помните, что такое фашизм, который опять поднимает сейчас свою хищную голову...

Федор Сергеевич АШИТОК,
горный инженер,
отличник разведки недр СССР.
г. Краснодар

ОККУПАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ?

Дорогие друзья-единомышленники, прочитавшие и горячо одоббившие статью Виктора Кожемяко в «Правде» от 24—27 января о неотложном увековечении памяти мирных граждан России, подвергшихся неслыханному огненному мученичеству и смерти в период гитлеровской оккупации! Обращаюсь к вам и более широкому кругу друзей газеты как экономист, ветеран войны и труда, как интересующийся историей и любящий свою Родину человек.

Я РОДИЛСЯ в селе Трубочино Брянской области в 1927 году в семье крестьянина, ставшего колхозником. Сам прошел немецко-фашистскую оккупацию, подростком был в партизанском отряде. А когда меня, раненого, подобрали и выносили, вернулся в свое село. Оно было полностью сожжено фашистами! Не только изб — ни одной хозяйственной постройки не осталось.

Таких полностью истребленных деревень было великое множество в моем краю. Сотни тысяч сельчан, как и я, жили в холодное время 1943—1944 гг., с сентября — октября до мая, в погребах. Людям негде было обогреться, приготовить пищу, нормально выспаться. Вот к чему привело зверство захватчиков-расистов, вот что принесла нам их ненависть к русскому народу.

Во время Народного схода в Союзе писателей России звучали очень горькие слова о том, как искаженно сегодня подается наша Победа, ведь замалчивают гигантские невоенные потери Родины. А они свидетельствуют, как справедливо отмечали выступавшие, о фашистском геноциде мирного населения. С невооруженными гражданами фашисты не воевали — их просто уничтожали! Между тем наши нынешние «западники» как бы не замечают этого. А почему? Не потому ли, что оккупационный режим, хотя в иной форме, продолжается во многом и сейчас? Только оккупанты сегодня другие.

В чем проявляется нынче оккупация России, говорил и системно показал на X Всемирном русском народном соборе Валентин Григорьевич Распутин.

Приведу здесь фрагмент из выступления выдающегося писателя-патриота:

Автор этого письма, выдающийся отечественный экономист и эколог, с выдающимся русским писателем В.Г. Распутиным.

«Сегодня мы живем в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения. То, чего врагам нашего Отечества не удавалось добиться на полях сражений, предательски содеялось под видом демократических реформ, которые вот уже пятнадцать лет беспрерывно продолжают бомбить Россию. Разрушения и жертвы — как на войне, запущенные поля и оставленные в спешке территории — как при отступлении, нищета и беспризорничество, бандитизм и произвол — как при чужеземцах. Что такое оккупация? Это устройство чужого порядка на занятой противником территории. Отвечает ли нынешнее положение России этому условию? Еще как! Чужие способы управления и хозяйствования, вывоз национальных богатств, коренное население на положении людей третьего сорта, чужая культура и чужое образование, чужие песни и нравы, чужие законы и праздники, чужие голоса в средствах информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и поселков — все почти чужое, и если что позволяет свое, то в скудных нормах оккупационного режима».

Нам нужно действовать против этого, проявлять мужество и волю. И не забывать, конечно, о той фашистской оккупации воен-

ных лет. Черная туча фашизма снова нависла над нами: посмотрите, что творится на Украине. И фашистов поддерживают США, Европа...

В наших школах сокращают изучение русского языка и родной литературы, о чем с болью говорила на Народном сходе в Союзе писателей России заслуженный учитель России А. Д. Белова. Разве это не коллаборационизм?

А что это такое, когда премьер-министр говорит, что необходимо государство убрать из экономики? Как может народное хозяйство развиваться без государства?! Ведь в самых рыночных странах все-таки государственная собственность составляет 50—60, а в Китае, стране с плановой экономикой, — 75 процентов. Почему же государство в условиях рынка как его субъект исключается? Оно должно играть активную роль в рыночных условиях. И применять соответственно все методы — кредиты, преференции, санкции, цены... Все должно быть под жестким государственным контролем. Без этого у нас никакого развития, никаких перспектив не может быть.

Я сказал на Народном сходе в Союзе писателей России так: «Думаю, что каждый из здесь присутствующих, ваши знакомые, ваши единомышленники понимают важность нашей задачи. Пусть все направляют свои предложения уже признанному лидеру нашей проблематики Владимиру Тимофеевичу Фомичеву, а также в Союз писателей. И будем стараться делать наиважнейшее дело по информированию общества о трагически-реальной, а не безлико-мифической оккупации фашизмом 18 российских областей и краев. Будем добиваться увековечения памяти тех жертв во всероссийском масштабе!»

Но, говоря о той огромной национальной беде, которую принесло нам немецко-фашистское нашествие, нужно постоянно иметь в виду, что оккупация России враждебными силами не закончилась. И против нее нам надо вести борьбу — решительную, последовательную, упорную. До победы!

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук.
г. Москва

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

ОГНЕМ СМЕРТЕЛЬНЫМ ПОГЛОЩЕНЫ

Более семи десятилетий прошло после фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны, однако горькую память о зверствах захватчиков на советской земле хранят все, кого коснулась кровавая трагедия тех лет. Ради того, чтобы память эта и в грядущих поколениях не угасла, поэтом и публицистом Владимиром Фомичевым, смоленским уроженцем, создана общественная организация «Поле заживо сожженных». И одна из задач, за решение которой она бьется сейчас, — создать к 70-летию Великой Победы всероссийский памятник или мемориал в честь мирных жителей, погибших от рук фашистов в оккупированных российских областях. Ведь Хатынь теперь оказалась «за границей»...

«Правда» поддержала инициативу этого общества статьей Виктора Кожемяко «Сожженные заживо зывают к нам» (номер от 24—27 января). Редакция обратилась к читателям со следующими вопросами:

1. Есть ли у вас какие-то свои знания очевидца или потомка очевидцев о зверствах немецко-фашистских захватчиков в оккупированных российских областях?

2. Каковы ваши предложения по увековечению памяти жертв этих злодеяний?

Откликов пришло много, и они продолжают поступать. Некоторые уже опубликованы в газете. Сегодня — очередная страница на эту волнующую тему.

ПОСЛУШАЙТЕ ЧЕЛОВЕКА, СПАСШЕГОСЯ ИЗ ПЛАМЕНИ

В № 7 «Правды» за этот год от 24—27 января с большим волнением прочитал статью «Сожженные заживо зывают к нам», автором которой является известный журналист Виктор Кожемяко. В связи с обращением редакции к читателям ре-

шил откликнуться и я на эту публикацию. Целиком и полностью разделяю ее содержание, поддерживаю позицию участников Народного схода, о котором рассказано в статье, и благородную подвижническую работу, которую ведет общество «Поле заживо сожженных», созданное и руководимое замечательным моим земляком Владимиром Тимофеевичем Фомичевым. Поставленную задачу — увековечение памяти сожженных фашистскими захватчиками советских людей — считаю наиважнейшей для установления исторической справедливости.

Я, Иванцов Алексей Васильевич, родился и вырос в деревне Раслово Семлевского (ныне Угранского) района Смоленской области. В настоящее время ее нет, как и многих окружавших деревень.

Вот в потрясающей статье В. Кожемяко говорится о человеке, чудом спасшемся из объятых пламенем дома, в котором гитлеровские изверги сжигали заживо жителей деревни Борьба и соседних населенных пунктов. Мальчику тогда удалось выбраться из гибельного огня вместе с матерью и двумя братишками. Так вот, этого человека — Петра Афанасьевича Бычкова я знаю со школьных лет: с 1951 по 1954 год учился с ним вместе в Клетковской семилетней школе. Знал и его маму, Клавдию Васильевну. А по окончании семилетки, когда трудился в колхозе, по наряду бригадира приходилось работать прицепщиком при тракторе, которым управлял брат Петра Бычкова — Михаил. На грузовом автомобиле, где шофером был еще один их брат — Сергей, была единственная возможность добраться до райцентра и обратно.

Я к тому это говорю, чтобы подчеркнуть, насколько скромными были люди этой трудолюбивой крестьянской семьи. Ни от кого из них я не слышал, какой ужас пришлось пережить им во время фашистской оккупации: ведь буквально из пасти смерти вырвались они!

* * *

Но о событиях того страшного мартовского дня 1943 года мы с детства знали по рассказам родителей, учителей, других сельчан старшего возраста. Участвовал я с товарищами-школьниками и в памятных траурных мероприятиях на месте захоронения погибших, в благоустройстве этой территории и т. п.

Взросление, служба в армии разбросали нас потом по всей стране. Однако, работая долгое время преподавателем, я рассказывал своим ученикам о зверствах фашистов во время Великой Отечественной войны и приводил в качестве примера трагедию сожженных вместе с жителями смоленских деревень.

Наша деревня Раслово находи-

«Человек из пламени» Петр Афанасьевич Бычков (справа) с основателем и руководителем общества «После заживо сожженных» Владимиром Тимофеевичем Фомичевым.

лась в семи километрах от д. Борьба по пути через д. Федоровское и д. Дуденки. Другая дорога на д. Борьбу вела через д. Гришино. Здесь путь вел лесом в д. Ломанчино и д. Борьба. Гришино располагалось всего в полутора километрах от нашей деревни.

Не слышал от родителей и односельчан, почему их не угнали вместе с жителями д. Гришино. Могу предположить с большой долей вероятности следующее. Во-первых, фашисты через своих лазутчиков имели информацию о связи жителей Гришина с партизанами. Такую связь подтверждали мои односельчане после войны. Во-вторых, наша деревня, или большая часть ее, была сожжена еще в ходе наступления фашистов.

По воспоминаниям моей матери Марины Андреевны, фашисты были в нашей деревне, когда наступали. Они выгнали тогда нашу семью из дома в сарай, загадили дом, топили печь половицами, а при уходе дом сожгли.

По окраине нашей деревни проходила рокадная дорога, сделанная саперами из распиленных пополам бревен и кругляка. Начало ее вело к г. Вязьма через д. Ломанчино. Здесь заканчивался лесной массив, а в д. Малая Калпита начиналась старая Смоленская дорога. Южное направление дороги через д. Потапово вело к г. Ельня. Этот

район неоднократно переходил из рук в руки, окрестные поля были изрыты глубокими траншеями. Здесь, как известно, родилась Советская гвардия.

Собираясь долгими зимними вечерами при свете керосинки из гильзы от снаряда, соседи рассказывали о том, как спасались от фашистов, от бомбежек и обстрелов. Еще одной темой были конники генерала Белова, их рейды по фашистским тылам. И, конечно, много было разговоров о событиях, связанных с потерей близких людей.

После изгнания оккупантов от нашей деревни остался лишь один дом на окраине. Это был дом мамы моего товарища Пузачева Ивана Устиновича, где они жили до конца 50-х годов.

До войны вокруг нашей деревни в радиусе 2—3 км было много маленьких деревенок. Это можно объяснить тем, что деревня располагалась в лесной и болотистой местности, здесь было очень мало пахотной земли — например, самое большое поле послевоенное — 4 га, и люди разработали пригодные земли среди леса. Так вот, все эти деревеньки целенаправленно были сожжены фашистскими изуверами! Перечислю известные мне: Горки, Рожки, Веселая, Барсуки, Курносовка, упоминавшаяся д. Гришино, д. Ляды, от которой осталось всего несколько домов.

Фашистское разорение несло голод. Дети болели, умирали. Не слаще было юношам и девушкам: их захватчики угоняли под дулами автоматов и отправляли товарными вагонами в Германию. Помню старшую сестру упоминавшегося мною Ивана Пузачева Настю, которую постигла такая судьба. Да и двух сестер Петра Бычкова немцы угнали в Германию на рабскую работу...

Беспощадно относились гитлеровские головорезы ко всем подозреваемым в связях с партизанами, к представителям Советской власти, коммунистам.

Так, был арестован коммунист, патриот, учитель, отец двоих детей Петр Кириллович Гузов, муж Полины Матвеевны Хотеевковой (Гузовой), которая одно время работала учительницей в школе, где учился Владимир Тимофеевич Фомичев. В домашнем архиве Полины Матвеевны я видел и прочел подаренный автором сборник стихов «Нежностью наполнилась душа». Место и время гибели Петра Кирилловича Гузова родным установить не удалось.

Если дополнить рассказ о судьбе моей семьи в годы войны, то могу сообщить следующее. В начале войны мой отец, Иванцов Василий Федорович, и его младший брат Иванцов Анисим Федорович (погиб на фронте, место и время неизвестно) ушли на фронт. Мать, Марина Андреевна, с детьми Александрой (1932 г. рождения), Валентиной (1936 г. рождения) и мною (1940 г. рождения) оказалась вскоре в «малой эвакуации». Спасаясь от оккупантов, в качестве беженцев очутились в д. Бабенки.

Это та деревня, которая находится в 30 км севернее поселка Угра. По рассказам матери и сестры Шуры, здесь немцев не было, существовал колхоз, возглавляемый правлением и председателем. Размещались мы (это я сам помню!) в каком-то овине, разгороженном на клетушки для отдельных семей. Помню находившийся рядом пруд, кишевший головастиками, и, конечно, бесконечный голод, выпавший на долю и взрослых, и детей.

После освобождения Смоленщины осенью 1943 года меня со старшей сестрой Александрой мать отправила в Москву к своей сестре — тете Фене (Минаевой Ф. А.) подкормиться. Туда в январе 1944 года приехал из госпиталя на Алтае, излечившись после ранения, мой отец, и мы вернулись на Смоленщину.

Из своих детских впечатлений хочу выделить доброту советских людей военного времени. Это их золотая черта! Война не смогла очерствить их сердце и душу. Конечно же, до конца своих дней буду с благодарностью помнить это...

Сейчас многое из военных и первых послевоенных лет уже забыто или, увы, забывается новыми поколениями. А это недопустимо! Вот дали бы слово на центральных каналах телевидения Петру Афанасьевичу Бычкову, чтобы рассказал на всю страну и весь мир этот человек из пламени о лично им пережитом ужасе фашистского геноцида. И чтобы послушали это люди молодые. Может быть, осознали бы тогда по-настоящему, что такое фашизм, от чего спасены были они во время Великой Отечественной подвигом советского народа...

Поддерживая все, что делал и делает во имя сохранения исторической памяти Владимир Тимофеевич Фомичев, я предлагаю следующее.

1. Через авторитетных и известных участников Народного схода, всех единомышленников, через газету «Правда» всемерно до-

бываться от властей предержащих признания на государственном уровне 13 марта Днем памяти жертв безвинно сожженных фашистскими захватчиками мирных граждан страны.

2. Учредить Фонд Петра Афанасьевича Бычкова, главной задачей которого стала бы аккумуляция негосударственных средств на обустройство мест захоронения и увековечение памяти заживо сожженных гитлеровцами советских людей. Фонд нужен общероссийский.

3. Добиться от центральных и местных властей проектирования и строительства всероссийского музея-комплекса на поле памяти близ поселка Угра.

4. Использовать в ходе подготовки к 70-летию Великой Победы все возможности для обнародования любыми доступными средствами материалов о сожженных заживо фашистами советских людей.

С уважением
А.В. ИВАНЦОВ.
г. Тамбов

ДЫШИТ ГОРЕЧЬЮ И БЕДОЙ ЗЕМЛЯ

В который раз перечитываю статью Виктора Кожемяко «Сожженные заживо вызывают к нам». Перечитываю — и слезы невольно наплывают на глаза. Вспоминаются рассказы моей бабушки Марии Авдеевны, вспоминаются ее сыновья — Евгений и Иван, которые полегли на фронтах Великой Отечественной, ее дочь и матушка моя Тамара Васильевна, которая была связной у партизан. Она работала стрелочницей на станции Орша, и однажды полиция чуть не расстреляли ее, заподозрив, что она возвращается из леса. В ее родной деревне Михеевка фашисты спалили несколько домов вместе со стариками, женщинами, детьми.

РАССКАЗЫВАЛА ОНА ОБ ЭТОМ и плакала. Вспоминала, как ели мерзлую картошку, как ждали Красную Армию и молились за своих односельчан, воевавших с фашистами на фронте...

Немецкие солдаты рядом с танками движутся по горящей русской деревне 26 июня 1941 года (AP Photo).

Много позже, в начале 70-х годов XX века, уже достаточно взрослым человеком, я побывал в Михеевке. Это Витебская область. Тетка Агриппина Петровна, старая колхозница, показывала поросшие бурьяном фундаментные камни, на которых стоял дом ее свекра. Она тихо плакала, вытирая слезы своими большими заскорузлыми руками, и все приговаривала: «Господи, упокой их души грешные!..» А грех-то этих сожженных заживо хлеборобов только в том заключался, что были они русскими, советскими людьми, верившими в счастливое будущее свое и своих близких, соседей, в то, что будут они жить в достатке, что дети их и дети детей будут более благополучны, что судьба будет к ним более благосклонной.

Они так думали и верили в будущее. Кто мог тогда предположить, что придет время, когда награды за ратные подвиги окажутся предметом купли-продажи, а сами ратные подвиги — предметом фальсификаций, конъюнктуры или «парадного официоза»?

А тут еще какие-то малоизвестные или вообще неизвестные сожженные села и деревни! Даже вместе с их жителями. Кому интересны в нынешней власти какие-то пепелища, которые уже давно поросли крапивой и беспамятством? И только благодаря энтузиастам, сродни Владимиру Тимофеевичу Фомичеву, теплится огонек памяти

и веры, что не забудутся вконец русские бабы, дети и старики, которые взошли на огненный эшафот. Что не забудут их потомки!..

Статистика, приведенная автором статьи в «Правде», не просто страшная. Она убийственная! Но власти о ней даже не вспоминают.

Уже начинается подготовка к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Чиновники всех уровней, наверное, уже начинают кропать заготовки своих праздничных речей и репетировать изображение великой скорби на своих лицах. Вот только шеренги сотен тысяч заживо сожженных глазами надежды смотрят на нас из прошлого. Десятки тысяч деревень — с пустыми глазницами окон, запахом горелого дерева и крови смотрят на нас. И рад бы кто-то из современников припасть к подножию памятника тем жертвам — да негде...

Владимир Тимофеевич, разреши низко тебе поклониться за твои хлопоты о сгоревших в фашистском огне земляках и обо всех, кто разделил их участь. Так уж получилось, что я помню все твои рассказы и стихи о войне. И теперь продолжается твоя битва с властными структурами за сохранение памяти всех тех, кто в пламени своих хат оставался верен Родине!

Очень хорошо, что газета «Правда», ее авторы, известный журналист Виктор Кожемяко во весь голос заговорили об этой теме. Я глубоко убежден: всем, чей прах покоится на скорбных родовых пепелищах, в канун 70-летия Великой Победы необходимо поставить памятник. Не парадно-помпезный, а одухотворенный и глубоко волнующий каждого.

Это необходимо всем нам и будущим поколениям.

Олег ЕРМОЛАЕВ,
член Союза журналистов СССР и России.
г. Екатеринбург

НЕ ДОПУСТИТЬ ЗАБВЕНИЯ

Я, Папин Василий Степанович, член КПСС — КПРФ с мая 1959 года, читатель «Правды» с октября 1957-го, всей душой поддерживаю идею о сооружении памятника тем, кто был уничтожен фашистами на оккупированных советских, российских территориях.

САМ я еще маленьким пережил фашистские ужасы, но многое видел и помню, а также знаю от взрослых к тому времени односельчан. Это было в Ленинском районе Калининской области (ныне — Андреапольский район Тверской области). Например, в поселке Андреаполь гитлеровцы расстреляли Лиду Сидоренко, заподозрив в ней разведчицу. Но сначала на ее глазах расстреляли мать и сестру, однако не добились от девушки ни слова.

На территории моей родной области, в том числе и в округе деревни Подвязино, где я родился и жил, погибли от рук захватчиков десятки тысяч граждан. У меня об этом собран объемный материал, и кое-что я вам пришлю.

Большая трагедия еще в том, что вслед за гитлеровцами ударили по России «демократические реформаторы». В родных моих местах, где до 1985—1993 гг. было пять деревень, теперь ни одной: пустыня, пристанище диких зверей...

В.С. ПАПИН,
кандидат исторических наук.
г. Тверь

БЫТЬ СВЯТЫНЕ!

Мне довелось присутствовать в Москве, где бываю регулярно, на одном из вечеров, ведущим которого был председатель общества «Поле заживо сожженных» поэт и прозаик Владимир Фомичев. Помню, как глубоко поразила его мысль: «Я выделил ключевое направление нашей жизни — отсутствие святости».

СРАЗУ вспомнила об этом, прочитав второй вопрос от редакции «Правды» после изумительной, на мой взгляд, статьи Виктора Кожемяко о необходимости к 70-летию Великой Победы увековечить на общероссийском уровне память заживо испепеленных гитлеровцами мирных граждан и тотально преданных огню выродками-нацистами «высшей расы» сотен тысяч деревень 18 оккупированных регионов России.

Конечно же, гражданские великомученики подобны религиозным страстотерпцам у всех народов и во все времена, а святыни за-

нимают первое место в иерархии ценностей. И потому нынешнее забвение властями страны неимоверного множества заживо сожженных жертв Великой Отечественной войны, фашистского геноцида тех лет в целом — самое убедительное свидетельство того, что истинная святость в таком обществе обречена. А без нее оно, как и отдельный человек, жить не может.

Каким, на мой взгляд, должен быть памятник жертвам гитлеровской преисподней в России и что могу предложить для его успешного созидания (естественно, при первом приближении, очень эскизно)?

Думаю, по форме это должен быть архитектурно-скульптурный комплекс. Назвать мемориал можно было бы «Поле огненного геноцида». Открывать его могли бы начальные строки из песни-шедевра Михаила Исаковского: «Враги сожгли родную хату, / Сгубили всю его семью», а завершать такие: «Вечная память погибшим в Великой Отечественной войне мирным жителям и всем российским селениям, уничтоженным гитлеровцами!» В них — основная идея и содержание задумываемой гражданской святыни. Во всех элементах, которые вберут в себя важнейший пласт исторической жизни русского, советского народа, должно звучать: «Не забудем! Не простим! Не допустим этого снова!»

Успешному исполнению праведного дела послужит следование классике в этой сфере — выдающемуся монументальному ансамблю «Хатынь». Он вобрал всю трагедию погибших мирных граждан Белоруссии, в том числе в концлагерях, других местах массового уничтожения. Причем пережившие трагедию селения присутствуют в мемориале привезенной оттуда землей в капсулах. Хотя, само собой, этот мемориал воспринимается шире — как «позор несказанных гитлеровских преступлений в России», то есть в СССР (У. Черчилль), и более жестоких, «чем в Лидице» (Нюрнбергский трибунал), массовых сожжений мирных жителей.

Кстати, создатели той «Хатыни» могли бы быть приглашены для воплощения в жизнь идеи «Поля огненного геноцида», это мой совет. К ним могли бы присоединиться российские скульпторы, которые создавали местные памятники жертвам мирного населения во время Великой Отечественной войны, например, в смоленской Пастихе. А обращавшиеся по этой проблеме 18 ноября 2008 года к президенту Д. А. Медведеву известные в стране личности — готовый Общественный совет при организации, которой будет поручено создание

обсуждаемого архитектурно-скульптурного комплекса. Понятно, что Государственный архив обязан немедленно предоставить в их распоряжение в полном объеме документы о сотнях массовых сожжений мирного населения на территории нынешней Российской Федерации.

Гражданская святыня «Поле огненного геноцида» обязательно должна появиться к 70-летию Великой Победы. Это очень важно и для того, чтобы не допустить возрождения фашизма, новых бесчисленных его жертв на российской, украинской, белорусской земле — нигде и никогда...

Елена БРАГИНЕЦ,
инженер-конструктор.
г. Запорожье,
Украина

СЕГОДНЯ ЛЮДИ МНОГОГО НЕ ЗНАЮТ О ФАШИЗМЕ

Я потрясена публикацией в «Правде» свидетельств о зверствах фашистов на временно захваченных советских территориях. Какую жестокую расправу чинили они над беззащитным населением — детьми, стариками, женщинами! И каковы чудовищные масштабы тех злодеяний! Это очень страшно...

НАВЕРНОЕ, во время войны всем нашим соотечественникам было известно, что несет человечеству фашизм. Но в последние десятилетия об этом почти ничего не рассказывается в прессе, по телевидению, в книгах. И молодежь остается в неведении, что совершенно ненормально.

А увековечить память всех «мирных» жертв войны следует достойно. Нужны памятники и обелиски на месте их гибели. Обязательно нужен впечатляющий общероссийский мемориал. Дети наши и внуки должны знать о том, что было, и чтить память погибших от рук врагов нашей Родины.

Александра Ивановна КОРОТКОВА.
г. Москва

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

СОЖЖЕНЫ, РАССТРЕЛЯНЫ, ЗАМУЧЕНЫ

Безмерное горе и бесчисленные страдания принесла на землю нашу война, которая началась 22 июня 73 года назад. Многомиллионными ее жертвами стали не только воины, защищавшие Советскую Родину с оружием в руках, но и дети, женщины, беспомощные старики на оккупированных фашистами территориях.

Достоинство увековечить их память к 70-летию Великой Победы — с такой инициативой выступили члены общества «Поле заживо сожженных», возглавляемого поэтом и публицистом Владимиром Фомичевым. Этой жгучей теме был посвящен Народный сход в Союзе писателей России, а затем статья в «Правде» под заголовком «Сожженные заживо взывают к нам» (номер от 24—27 января). Сегодня мы продолжаем публикацию полученных откликов.

Фашизм, воспринимавшийся многими как ушедшая история, вновь напомнил о себе событиями на Украине. И черный дым из Одессы, где 2 мая сего года заживо были сожжены десятки невинных людей, смешивается с гарью белорусской Хатыни, смоленских, калужских, курских, псковских и многих других российских деревень в годы Великой Отечественной.

ТОЛЬКО ЧУДОМ МОЖНО БЫЛО СПАСТИСЬ

Спасибо газете «Правда» за то, что подняла на своих страницах такую горестную и незаживающую для многих тему — о зверствах фашизма на оккупированных советских территориях. Я тоже была очевидцем тех зверств. Попробую хоть немного рассказать из пережитого.

НА МОЕЙ малой родине — мы тогда входили в Смоленскую область, Спас-Деменский район, а ныне это Калужская область, Куйбышевский район — немецко-фашистские захватчики сожгли все близ-

лежащие деревни в округе. Назову по памяти: Жеренево, Починки, Уйлово, Желны, Бель, Новоселки, Лазы, Петроселье и многие другие.

Бежавшие от фашистов люди вернулись к торчавшим обгоревшим трубам. В деревне Петроселье уцелел лишь один кирпичный двухэтажный дом, принадлежавший ранее помещику Суходольскому. В этом доме после освобождения от оккупации была открыта школа для нескольких окрестных селений. Окончила ее и я.

Наша учительница Марина Евгеньевна Архангельская возила нас, учащуюся малышню, в близлежащее село Ямное, чтоб наглядно рассказать о зверствах захватчиков. И это производило на всех неизгладимое впечатление.

Приведу один пример. В наших краях тогда действовали провавшиеся во вражеские тылы кавалеристы генерала Белова. И вот когда однажды на Ямновском большаке беловцы подорвали немецкую машину с офицерами, гитлеровцы согнали в сарай все население деревни — 43 человека, заперли и подожгли.

Заживо сгорел 41 человек. Только двоим удалось вырваться из пламени, но в живых остался всего один. Чудом спасся, побежав по ходу дыма, и палачи его не заметили. А второго застрелили.

Спасшегося мальчика, которого я знала, так и прозвали Петя-горелый. Потом он уехал в город, хотя, говорят, позднее наведывался в деревню. Где этот человек сейчас, мне неизвестно.

На месте сожжения людей был поставлен обелиск в память погибших, но цел ли он сейчас — не знаю. Думаю, вряд ли.

Предложения по увековечению памяти жертв фашистских злодеяний Владимиром Тимофеевичем Фомичевым, его соратниками и другими участниками разговора в «Правде» высказываются совершенно правильно. Они не могут не поддерживаться всем советским народом (жаль, что советского-то все меньше остается).

Мое предложение. Было бы справедливо на памятных плитах немецких военных кладбищ, созданных на нашей земле по благословению предателей от власти, поместить фотографии, отражающие «подвиги» этих «героев». Так бы и выгравировать на каждой плите улыбающиеся рожи тех зверей на фоне горящих наших хат и плачущих детей...

**Антонина Егоровна
ЕРОШЕНКОВА.**

г. Десногорск, Смоленская область

ЯВИЛИСЬ ФАКЕЛЬЩИКИ И ПАЛАЧИ

Хочу рассказать о трагедиях, которые учинили фашисты, оккупировав мою родную деревню Федосьино Волоколамского района Московской области. Обо всем этом поведали мне позднее моя мать, сестра и наша соседка Инна Андреевна Чуканова, поскольку сам я в то время был на фронте.

ИТАК, 15 октября 1941 года, отступая, в нашу деревню зашли красноармейцы и стали рыть окопы. Они сказали жителям, что завтра утром будет сильный бой и в целях самосохранения им лучше уйти в лес. Большинство деревенских с вечера так и поступили. Остались только те, кто физически не мог дойти до леса, в том числе наша семья — старая больная мать, беременная сестра с детьми трех лет и одного года, а еще два старика и одна пожилая женщина...

Рано утром 16 октября, еще в темноте, десять фашистских танков с автоматчиками зашли в тыл к нашим бойцам. На первом танке был развернут красный флаг, подсвечиваемый электрическим фонариком. Увидев это, красноармейцы решили, что идет подкрепление, и с радостными возгласами выскочили из окопов. А танки открыли огонь.

В результате, застигнутые врасплох, многие наши погибли или были ранены. Так вот, тех раненых, которые не могли идти, фашисты сразу добились на месте, а остальных повели в большой деревенский сарай. Закрыв там, облили стены бензином и подожгли. Сколько там было человек, ни моя семья, ни Чуканова (она тогда была маленькой) не знали. Расправившись с нашими солдатами, фашисты приступили к грабежу домов. Брали теплую одежду, продукты и все ценное.

А затем факельщики начали поджигать дома, амбары, сараи. Одновременно горели 25 из 40 домов со всем имуществом и скотом в сараях. Тушить пожар было некому. Тех же, кто попытался мешать факельщикам поджигать их дома, фашисты автоматными очередями убили.

Совершив такое злодеяние в моей деревне, они отправились в соседние — делать то же самое. После того, как немцы покинули горящую деревню, моя мать пошла смотреть, что они натворили. Среди убитых красноармейцев нашла двух тяжелораненых, и несколько суток они жили у нас. А потом мать узнала, что в соседней деревне Хатанки школьники-старшеклассники организовали тайный госпиталь, и раненых удалось доставить туда.

Но злодеяния фашистов на этом не закончились. В деревню пришла другая немецкая воинская часть и заняла все оставшиеся дома. Жителей выгнали на улицу. Между тем наступила зима с очень сильными морозами, а моя семья с двумя совсем маленькими детьми жила в землянке на огороде, которую я сделал перед уходом в армию.

В декабре моя сестра шла из соседней деревни, и вот на полпути ее встретили два немецких солдата. Остановили, потребовали варежки. Она отдала. Стали требовать полушубок, но она не снимала, пыталась убедить, что холодно (мороз был более 30 градусов). Тогда немцы приставили ей к голове автомат и силой стащили полушубок, оставив ее в одной кофточке.

Однако и этого им оказалось мало. Повалили на снег и стащили с ног валенки. Раздетая и разутая, на последнем месяце беременности, она вынуждена была больше километра бежать по снегу в одних чулках до первого уцелевшего дома. Здесь уж ее отогревали, одели и обули кое-как, чтобы смогла она дойти до своей избы.

Через неделю сестра родила девочку, которая пожила всего неделю и умерла...

После такой простуды сестра начала кашлять и долго не могла оправиться, лечившись домашними средствами. Но когда осенью 1943 года колхоз получил разнарядку направить на трудфронт одного человека, она уговорила мать остаться с детьми, а сама решительно и твердо вызвалась ехать, заявив: «У меня муж и два брата на фронте, и я должна им помочь!»

Вот какие были наши люди во время войны...

Работа оказалась тяжелая: зимой пилили лес в Калининской области, а весной делали плоты, сплавляя их по Волге. И последствия той жестокой простуды в 41-м, подорвавшей ее здоровье, дали о себе знать.

Встретились мы с моей сестрой уже при весьма грустных обстоятельствах. Я 17 октября 1944 года был тяжело ранен, лежал в госпитале в городе Калинин и только в конце января 1945-го выписался. Получив краткосрочный отпуск, поехал домой. А через день пришлось везти сестру в Москву в тубдиспансер, где признали у нее кавернозный туберкулез в открытой форме.

Таким образом, у меня не только погиб на фронте старший брат Михаил, не только сам я стал на войне инвалидом, но проклятые

фашисты лишили меня и любимой сестры Кати, которую мы похоронили в январе 1946-го.

Нет, зверства фашистов забывать и простить нельзя. А что теперь такие же фашисты творят на Украине!..

Семен Игнатьевич БАШКОВ,
полковник в отставке.
г. Клин, Московская область

Вот они, фашистские поджигатели, душегубы, насильники.

ЗАКАПЫВАЛИ ЖИВЫМИ

Уважаемая редакция «Правды»! В газете нашей было обращение с просьбой рассказать о злодеяниях фашистов на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны. Вот некоторые достоверно известные мне факты.

НЕМЦЫ въехали в наш поселок на мотоциклах. Сначала они вели себя вроде бы довольно спокойно, поэтому эвакуированные к нам еврейские семьи даже восхищались их культурой, а некоторые молодые еврейки гуляли по улицам с немцами под ручку.

Но однажды было приказано собраться всем евреям на площади с вещами. Сказали, что их отвезут в более уютное место для проживания. На самом же деле машины с евреями переехали через балку и свернули налево, в ту сторону, где позже был полигон Гузерипльского леспромхоза. Там их заставили рыть большую яму, поставили на край и расстреляли. Яму с телами забросали землей. Люди, случайно проходившие потом мимо, говорили, что земля несколько дней шевелилась и оттуда торчали руки тех, кто был засыпан землей, оставшись после расстрела живым.

Когда в поселок пришли партизаны, а немцы отступили, то было решено перезахоронить останки их жертв в братскую могилу в центре поселка. Все проходило торжественно. Возле установленного памятника был почетный караул, говорили траурные речи.

Вместе с останками расстрелянных в братскую могилу опустили еще два гроба, обитых красной тканью. Народу объяснили: это перезахоронены связные партизанского отряда Федя Токарев и Илья Ефимович Артюхов. Федя был пионером Абадзехской школы и стал бойцом в Каменноостском партизанском отряде № 3. Он тайком приходил в поселок собирать сведения о немцах, затем шел к дедушке Илье, который жил на Войкиной поляне. Фашисты не чувствовали себя хозяевами в окрестностях леса!

Но однажды Федя пришел на разведку в очередной раз, а староста по фамилии Колодка выдал его фашистам. Они арестовали мальчика и дедушку Илью. Их жестоко пытали, но никого из партизанского отряда они не выдали. Тогда их связали и закопали в землю живыми.

В братской могиле поселка Каменноостский покоятся также останки жены партизана И. Г. Брилева — Александры Егоровны Брилевой и связного партизанского отряда № 3 Пономарева Степы. Их полицаи также закопали в глинищах живьем за помощь партизанам.

Вот такие были «цивилизованные», эти немецкие фашисты и их пособники...

Татьяна БЕЗУСЬКО,
первый секретарь
Майкопского районного
отделения КПРФ, краевед.

*пос. Каменноостский,
Майкопский район, Республика Адыгея*

КОГДА ДОМА ЗАПОЛЫХАЛИ...

В феврале 1943 года были освобождены от немецко-фашистских захватчиков села Мантуровского района Курской области. Поспешно покидали гитлеровцы и село Первое Засеймье (в народе чаще звучало и звучит название Верхосеймье, очевидно, по названию речки Сеймица — одного из притоков Сейма). Вдоль этой речушки и растянулось на восемь километров село. Тогда большие села делились на деревни, у которых были свои названия.

В ДЕРЕВНЕ Михеевка, где я жил в детстве и юности, было около сорока дворов. Здесь во время войны проживали моя мама и ее сестра Татьяна Семеновна Самакова. Маме было 24 года, а Татьяне — 17 лет. Они жили в своей хате, в которой были большие сени, а в углу хаты стояла большая русская печь. Зимой она спасала от холодов, в ней готовили пищу.

Я, будучи школьником, часто расспрашивал маму о годах оккупации. Она рассказывала, что в деревне с немцами были и украинцы. Немецкую речь мама не понимала, а вот украинскую слышала не раз. Очевидно, и тут карателями были бандеровцы.

Во время отступления немцев и их пособников староста приказал покинуть хаты. Люди поняли: решено сжечь деревню. Когда дома запылали, дошла очередь и до хаты моих родных. Все стояли вдалеке и ничего не могли сделать против вооруженных солдат. Но как только начали поджигать следующий дом, из толпы выскочила Татьяна. На возгласы из толпы: «Не ходи!», «Не смей!», «Тебя убьют!» — она ничего не ответила.

Татьяна словно никого не слышала, в том числе и мою маму, которая пыталась ее остановить, чтобы она не приближалась к уже горящему дому. Татьяна сняла с себя телогрейку и стала сбивать пламя. Крыши хат были соломенные и горели быстро, как стога сена. Однако ей удалось в сенях снегом погасить загоревшуюся кровлю. Тут не выдержала и моя мама, побежала за сестрой. Ведь они давно жили вдвоем с Татьяной, не расставаясь, поскольку рано осиротели, и поддерживали друг друга, как только могли.

Немцы в это время продолжали поджигать следующие хаты и в спешке, наверное, не заметили происшедшего. Хотя жизнь двух

молодых женщин висела буквально на волоске! Окончательно потушить тлеющую соломенную крышу маме и Татьяне помогли потом соседи. И вот в этой уцелевшей хате вместе с мамой и Татьяной зимовали дети со всей сгоревшей деревни. Несколько малышей отогревались на печке. Дрова приносили из соседнего леса — к счастью, он был рядом. Так, благодаря смелому поступку Татьяны не пришлось копать землянку, чтобы дожить до весны.

После оккупации Михеевка была заново отстроена. Люди пахали землю, выращивали скот, восстановили колхоз. Недавно я посетил эти места. Колхоз развалился. После войны все дворы были заново отстроены, и люди как будто зажили новой жизнью. А сейчас через двор-другой, а то и третий никто не живет. Пустыми стоят не хаты под соломенной кровлей, а целые добротные дома.

Умирает Михеевка. Да разве только она?.. Соседние деревни Пеньковка, Мальцевка тоже в запустении. Молодежь уехала в города, старики доживают свой век.

Социалистическая деревня выгодно отличалась от современной капиталистической. «Перестройка» и «реформа» добили деревню. Для людей нет подходящей работы. Я удивляюсь и восхищаюсь, как наши предки после войны на себе пахали землю, выращивали скот и, несмотря на этот тяжелый труд, смотрели на мир с оптимизмом. Ставили на ноги детей, давали им образование, прививали любовь к делу, семье, воспитывали их в уважении к окружающим людям.

Да, к сожалению, теперь русская деревня деградирует. Обратят ли власть настоящее внимание на нее? Или начатое фашистами уничтожение завершится в XXI веке?

**Александр Иванович
ГОЛОЩАПОВ.**

*с. Репец,
Мантуровский район,
Курская область*

ПОЭЗИЯ НА СКОРБНОМ ПЕПЕЛИЩЕ

АВТОРЫ некоторых писем, полученных редакцией, напоминают, что трагедия спаленных гитлеровскими палачами российских деревень и их жителей тогда же нашла отражение в поэзии. Два великих русских поэта — уроженцы Смоленщины. Это Александр Твардовский и Михаил Исаковский.

Александр Трифонович запечатлен на публикуемой фотографии 1943 года возле родного хутора Загорье, от которого осталось лишь пепелище. Публикуем и два стихотворения Михаила Васильевича. Первое тоже относится к 1943 году, когда Смоленщина была освобождена от захватчиков, а второе, ставшее знаменитой песней, создано уже в победном 1945-м...

Михаил ИСАКОВСКИЙ.

ЕСТЬ ВО ВСХОДСКОМ РАЙОНЕ

Есть во Восточном районе
деревня такая,
Где над речкой крушина цвела,
Где гармонь, на гулянье
девчат закликая,
Вдоль по берегу вечером
шла;
Где в полях поднимались
дружные всходы,
По оврагам журчали ручьи,
Где на ясные зори, на тихие
воды
Прилетали весной соловьи...
Есть во Восточном районе
деревня такая,
Где оставил я детство свое.

И, куда б я ни шел, мне
звучал, не смолкая,
Теплый ласковый голос ее.
И не раз мое сердце туда
порывалось —
В золотые ее вечера...
Ничего от деревни моей
не осталось,
Ничего — ни кола, ни двора.
Оплели ее немцы колючкою
ржавой,
Чтобы жить и дышать
не могла,
И во имя разбойной
фашистской державы
Подожгли и спалили дотла.
Все растерзано, смято,
разбито, разрыто,
И неведомо сколько недель —
Одинокий и скорбный,
людьми позабытый —
Над колодцем скрипел
журавель.
Опаленный пожаром, взывал
он о мести
За великие муки земли,
За людей, что палач
растоптал, обесчестил,
Что до срока в могилу легли.
И сурово земля
оскорбленная мстила
Душегубу — врагу своему:
За два года она не дала,
не взрастила
Ни единой былинки ему.
Никакой даже самой
жестокой угрозой
Враг добиться не мог ничего.

Лишь могильных крестов
из смоленской березы
Не жалела земля для него.
Получил он сполна, что
другим напророчил, —
Бесноватый фашистский
пророк!
И росли, и росли эти мертвые
рощи
У больших и у малых дорог.
И пришла, наступила такая
година —
Покатилась чумная орда!..
Ты навеки свободна, родная
краина, —
Черный день не вернется
сюда.
Стихли зарева, смолкли
раскаты орудий,
Чист и ясен вдали небосклон.
И впервые на свет выбираются
люди, —
Кончен тяжкий немецкий
полон!
И, сверкая на солнце,
в разливе широком
Льется тихо и плавно Угра,
И погонщики гонят стада
по дорогам,
И на стройку спешат мастера.
На родных пепелищах —
с утра до заката —
Топоры неумолчно стучат,
И, поднявшись над пеплом,
сосновые хаты,
Словно колокол медный,
звучат.

Вон уже воробьи
примостились на крыше,
Вон из труб показались
дымки...
— Ничего... Уж теперь
поживем мы, подышим, —
Не спеша говорят старики.
Расправляйся ж и крепни,
сторонка родная,
Беспечально и вольно живи!
Пусть опять, словно песня
большая-большая,
Поднимаются всходы твои;
Пусть добром наполняется
каждая хата,
Пусть бушуют сады
над Угрой
И на берег высокий выходят
девчата
На свиданье вечерней порой.
Все, что было с тобою, —
пусть в сон обернется
И твои не туманит глаза,
Пусть отныне твоей головы
не коснется
Никогда никакая гроза!

1943 г.

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?
Пошел солдат в глубоком горе

На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком
поле
Травой заросший бугорок.
Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай,
Прасковья,
Героя — мужа своего.
Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник
возвращенья
К тебе я праздновать
пришел...»
Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний
ветер
Траву могильную качал.
Вздыхнул солдат, ремень
поправил,
Раскрыл мешок походный
свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.
«Не осуждай меня,
Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.
Сойдутся вновь друзья,
подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной
кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга
народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»
Хмелел солдат, слеза
катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945 г.

№ 118, 24—27 октября, стр. 6

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

СТАЛИ ЖЕРТВАМИ ФАШИЗМА

ПЕРЕКЛИЧКА ВРЕМЕН... Гибнут мирные люди на земле Новороссии, заставляя с еще большей остротой и болью вспоминать трагическую судьбу миллионов наших соотечественников в годы гитлеровского нашествия.

Любая война убивает не только солдат. Затрагивая города и села, она несет смерть их населению, множит человеческие страдания и потери. А фашизм превращает войну в геноцид. Еще живущие «дети войны» в Донецкой и Луганской областях иногда говорят перед телекамерой: «Я же помню фашистскую оккупацию, а теперь опять к нам пришли фашисты!..»

И действительно, названия городов, поселков Донбасса, звучавшие когда-то в сводках Совинформбюро, ныне вновь приходится слышать в связи с массовыми захоронениями, которые оставили после себя новоявленные оккупанты. Причем, как правило, это ведь не просто случайно погибшие, а замученные, расстрелян-

ные, сожженные карательными батальонами с фашистской символикой.

Зверства фашистов, которые в свое время пришли сюда из Германии и других стран Западной Европы, повторили их преемники из Киева и западных украинских областей. Кто еще недавно мог представить, что совсем недалеко от героического Краснодона, где гитлеровцы живыми сбрасывали в шурф шахты комсомольцев «Молодой гвардии», теперь снова будут раскапывать могилы, устанавливая личности жертв фашизма.

Один из траурных митингов в память этих жертв состоялся на Поклонной горе в Москве, перед памятником, который носит название «Трагедия народов». Хорошо, что есть он и напоминает: была такая трагедия женщин, стариков и детей, учиненная фашистами на захваченной советской земле. Но вместе с тем авторы многочисленных писем, поступающих в «Правду», считают масштабы и эмоциональную силу этого памятника совершенно недостаточными в сравнении с масштабом поистине вселенской катастрофы, которую он призван отобразить.

Да, поднятый в преддверии 70-летия Великой Победы на страницах нашей газеты вопрос о достойном увековечении памяти

***В фашистском огне — дома и жители Ленинградской области.
Год 1941-й.***

миллионов мирных жителей, погибших от рук фашистов на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны, вызвал активный сочувственный отклик со всех концов страны. Напомним: первая публикация под заголовком «Сожженные заживо взывают к нам» состоялась в номере от 24—27 января. А затем еще в восьми номерах мы напечатали большие подборки материалов, посвященные этой волнующей многих теме. И письма все продолжают идти.

Чувства авторов этих писем понятны. Действительно, если в Белоруссии на месте деревни, сожженной вместе с жителями карателями-бандеровцами, был создан в свое время потрясающий Хатынский мемориал, то в нынешней России ничего подобного нет. Да и вообще новые поколения в нашей стране почти ничего не знают о том, что творили «цивилизованные» оккупанты в советских, российских областях, которые временно им удалось захватить. Нет у людей представления, что и как было здесь, какие ужасы принес на нашу землю фашизм.

Именно поэтому среди предложений, которые высказываются в письмах, есть идея создать музей фашистской оккупации, который

***Под массированным обстрелом — мирное население Донецка.
Год 2014-й.***

наглядно представил бы сегодняшним и будущим поколениям истинное лицо и масштабы всего, что пришлось пережить нашим соотечественникам — советским, русским людям под фашистским ярмом, в условиях гитлеровского геноцида.

Увы, пока священную память приходится отстаивать, за нее идет борьба — против беспамятства. И одним из активных инициаторов этой борьбы стал уроженец Смоленщины, поэт и публицист Владимир Фомичев, создавший общественную организацию «Поле заживо сожженных». Сегодня мы еще раз предоставляем ему слово, потому что все предыдущие обращения к власти, прозвучавшие в том числе и со страниц «Правды», остаются властью не услышанными.

Об этом равнодушии «в верхах» с возмущением говорит наша почта. А ведь мы сопроводили предыдущие публикации специальным обращением: «Ждем ответа федеральных, региональных, местных властей». И обратили два вопроса к нашим читателям:

1. Есть ли у вас какие-то свои знания очевидца или потомка очевидцев о зверствах немецко-фашистских захватчиков в оккупированных российских областях?

2. Каковы ваши предложения по увековечению памяти жертв этих злодеяний?

Так вот, свидетельства обвинения продолжают поступать, а власти предрежащие хранят молчание. Как это объяснить? Смирятся ли люди с такой демонстративной глухотой? Что делать дальше?

Виктор КОЖЕМЯКО,
обозреватель «Правды».

ВЕЛИКОМУЧЕНИКИ БЕЗ ПРАВА НА КЛАДБИЩЕ

Достоверно то, что видим мы сами.

Носир ХИСРОУ,
персидский поэт XI века

2014-й — год 70-летия полного освобождения миллионов граждан СССР, исторической России, из гитлеровской преисподней: оккупации 1941—1944 годов. Исполинский юбилей! В названном исто-

рическом пространстве — 16 миллионов жертв безвинных мирных жителей, сотни огненных Хатыней лишь в РСФСР. Сегодня, на мой взгляд, говорить о чем-либо другом можно только на этом фоне.

Но удивительное дело, такая тема вообще не проходит в большинстве средств массовой информации — в новостях, обсуждениях проблем современности, интервью с известными лицами. Не проводятся массовые мероприятия, посвященные освобождению почти половины страны из ада. Почему? Не странно ли выглядит это молчание при активной пропаганде западничества как идеала жизни для всех? При безнаказанном раскручивании хулы на красноармейцев, якобы массово насильствовавших гражданок третьего рейха, что, как известно, являлось уголовным преступлением в СССР и наказывалось по закону. При создании зловещего образа мифической «русской оккупации» в противовес реальной оккупации моральных уродов, мрази Адольфа. При нежелании отдать должное оставшимся в живых свидетелям российских Хатыней — П. Бычкову, С. Самуйлову, М. Беляковой и другим. При разрушении понятия Великой Отечественной войны как «ярости благородной». При не установленном до сих пор точном числе заживо сожженных гитлеровцами ни в чем не повинных граждан России и даже всех мест их казней бушующим пламенем.

Куда же подевался священный гнев народа к нелюдям, превращавшим его детей в пепельный прах?

Еще в сентябре 2009 года областной ежемесячный журнал «Смоленск» взорвал информационную бомбу, сообщив: «Из документов, хранящихся в архивах, видно, что на Смоленщине немецкие каратели сожгли дотла более пяти тысяч сел и деревень, из них около 300 вместе с мирными жителями». К величайшему позорищу, научный и культурный мир России фактически не услышал этой вести об ужасном катаклизме, происшедшем на родной земле. Не услышала власть! Ибо до сих пор ни один официальный орган на это никак не прореагировал.

Происходит что-то совершенно невероятное. Большого предательства собственного народа, по-моему, нельзя даже представить.

Со свидетелем одного из злодеяний гитлеровских палачей, свершившегося 13 марта 1943 года в смоленской деревушке Борьба (Новая), где фашисты испепелили заживо 340 окрестных жителей,

я встретился семь лет назад. Его зовут Петр Афанасьевич Бычков. Тогда он был мальчиком и спасся буквально чудом. А в нынешнем году мой друг отметил юбилей — свое 75-летие.

Посильное описание того, что я узнал от этого человека, веду с первых суток знакомства с П. А. Бычковым: тогда родилась моя баллада «9 мая 2007 года». В авторском активе пишущего эти строки уже два издания книги-обличения «Поле заживо сожженных» (публицистика, стихи, документы), поэма «Атлантида святынь», поэтические циклы «Стихи об огненном геноциде», «Сосновый бор народа. По мотивам писем читателей», «Реквием Фоминского мемориала», тематические эпиграммы «Всевидающее зеркало», интервью «Разблокирование российских Хатыней», всевозможные статьи, выступления и т. д. Последняя по времени публикация — очерк «Свидетель огненного геноцида» (альманах «Московский Парнас», март текущего года). И, конечно, этапным стало то, как подняла эту тему «Правда»!

Можно не без оснований сказать, что именно мы деблокировали святую для нашего народа тему периода неслыханных бед. Масса откликов, получаемых «Правдой», подтверждает ее важнейшее значение и актуальность. Однако, к величайшему прискорбию, реальная действенность публикаций до сих пор почти не заметна, а большинство проблем, связанных с воистину богоугодным делом, остается, что называется, «за кадром».

Первая среди них — отсутствие у великомучеников кладбища. Вы спросите: как же это может быть? А вот так: место гибели и вечного упокоения заживо сожженных как кладбище упорно не регистрируют.

Происходит нечто противогосударственное, если исходить из задачи государства защищать интересы народа и подавлять его противников. Стоит конкретизировать сказанное, обратившись хотя бы к федеральному закону о погребении и похоронном деле, действующему с 12 января 1996 года. Его термины явно противоречат ситуации в отношении жертв палаческого костра в деревне Борьба. Сегодня эта страдающая точка — белое пятно на карте района, области, страны. Словно находящаяся на какой-то неведомой планете! Сопоставьте сами такую дремучую пустоту с правовой нормой: «Гарантии погребения умерших» (ст. 1 — п. 1); «в соответствии с обычаями и традициями» (ст. 3); «места погребения могут отно-

ситься к объектам, имеющим культурно-историческое значение» (ст. 4); «волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти» (ст. 5); «о доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу» (ст. 5 — п. 1) (в нашем случае: государству. — В.Ф.); «на территории Российской Федерации каждому человеку после его смерти гарантируется погребение» (ст. 7 — п. 1); «с учетом заслуг умершего перед обществом и государством» (ст. 7 — п. 2) и т. д.

Таким образом, буквально все — очевидный антагонизм положений права и реальности. Как говаривал А. Твардовский: «Обозначено в меню, а в натуре нету». Выступая в различных аудиториях, П. А. Бычков много раз почти слезно просил официальных лиц зарегистрировать кладбище 340 заживо сожженных односельчан и их соседей. И что же? Получал заверения (это зафиксировано и видеокамерами) от представителей администрации области, что просьба будет исполнена, но... пустота осталась пустотой!

Невольно вспоминается очень печальная песня беспризорников: «Как умру я, умру я, / Похоронят меня, / И никто не узнает, / Где могилка моя... / И никто не придет, / Только раннюю весною / Соловей пропоет». В названной тональности — мои собственные строки: «Почему не святыни места адской бури, / Где стенали сожженные заживо, / На войне за Родину павшие? / Не живут так народы культурные».

А ведь сказанное относится практически ко всем населенным пунктам, где произошли при фашистах подобные кошмары!

Говорить о великомучениках без права на кладбище — значит говорить о власти, потерявшей память и чувство справедливости. И разве не о том же говорят бесплодные результаты настойчивых обращений нашего общества «Поле заживо сожженных» во властные структуры? В течение всего президентского срока Д. А. Медведева не удалось нам добиться увековечения на государственном уровне памяти сотен российских Хатыней, к чему относится и регистрация кладбищ великомучеников. Фигу мы имеем, грубо говоря, а не помощь должностных лиц, вплоть до настоящего момента! Она, комбинация из трех пальцев, — это оскорбление чиновниками народа-победителя, это фактически предательское забвение гнусных убийств нашего гражданского населения, ответственность за кото-

рые не имеет срока давности. Да при такой амнезии, полном забвении страстотерпцев Великой Отечественной достойна ли власть страны называться властью?

Владимир ФОМИЧЕВ,
член Союза писателей России,
основатель и руководитель
общества «Поле заживо сожженных».
г. Москва

ОНИ ПОМНЯТ ТЕ СТРАШНЫЕ ДНИ

Бывая в своих родных местах Курской области, разговаривая с деревенскими жителями-ветеранами о войне, о времени фашистской оккупации. Вот выдержки из некоторых рассказов.

Татьяна Стефановна Татькова, 1930 года рождения, уроженка села Погожее Тимского района:

«Мой отец, Стефан Иванович Татьков, погиб во время Великой Отечественной войны. Мы остались вдвоем с матерью.

Немцы покидали наше село с боями. Отступая, они поджигали хаты, чтобы жителям и наступающим нашим солдатам негде было обогреться. Конечно, многие пытались тушить дома, но немцы расстреливали их на месте.

Жить стало практически негде. Зимой в нашем погребе обитало несколько семей. В одной из уцелевших хат поселилось сразу пять семейств.

А еще немцы разбрасывали заминированные игрушки. Маленькие детишки их поднимали, и многие подорвались.

Когда наши солдаты вошли в село, бои продолжались. Вокруг свистели пули и грохотали взрывы. Ребята постарше и взрослые выносили с поля боя раненых, оказывали им первую помощь. Затем уже красноармейцев увозили в госпиталь. Одна девушка, звали ее Шурочка, очень многих спасла. Прямо на себе вытаскивала. Она вообще ничего не боялась.

У нее на глазах погиб наш офицер, старший лейтенант. Его похоронили на окраине кладбища, и она запомнила место захоронения.

А когда проводили перезахоронение, Шурочка показала место его могилы. И останки офицера перевезли в братскую могилу».

Анна Михайловна Волкова, 1928 года рождения:

«Зимой 1943 года фашисты отступали и жгли хаты в нашем селе. А в районе сотни хат сгорели. Людей выгоняли на мороз и расстреливали. Многие после пожаров прятались в погребках. Но это было бесполезно: немецкие солдаты и там находили их и убивали.

Запах гари, жар огня и тающий от пожара снег, команды на немецком, крики моих соседей... Прошло много лет, а я все помню те страшные дни. Я была ребенком, но до сих пор передо мной полные горя лица моих односельчан...»

А вот что рассказал мне **Илья Николаевич Криволапов** из села За-речье (бывшее Прилепы) со слов своего ныне покойного дяди Ква-сова Романа Ильича, в доме которого он теперь живет:

«Перед приходом фашистов здесь, в этом доме, лежали наши раненные бойцы. Оккупанты вытащили их на улицу и придумали чудовищный способ расправиться над ними. Соорудили деревянный настил от крыльца дома и разложили на нем советских раненных. По ним фашисты и ходили! Пока не умерли они один за другим...

Председатель сельского Совета Михаил Иванович Криволапов был гитлеровцами расстрелян. Погибли и пострадали от фашистов многие в районе».

**Алексей Степанович
БОРОДИН,**
*член КПРФ, Братеевское
партийное отделение.
г. Москва*

СПАСЕННЫЕ КРАСНОАРМЕЙЦАМИ

Из воспоминаний потенциальной смертницы

Я РОДИЛАСЬ 15 мая 1927 года в деревне Долматово Темкинско-го района Смоленской области. В марте 1943 года мама и я жили в землянке в деревне Прудня. Пришли немцы с автоматами, выгна-ли из землянок всех местных жителей и погнали в сторону деревни

Чертовка (Трубино). Через какое-то время мы увидели зарево пожара и слышали крики людей. Позже узнали, что фашисты заперли в доме всех жителей Чертовки и близлежащих селений и подожгли. Когда до нее оставалось где-то метров 500, послышалась стрельба: это наседали наши, русские, советские. Немцы нас оставили и начали отступать.

Мама пошла в Чертовку узнать, что случилось. Так как я была очень впечатлительной, меня не взяла. Когда вернулась, рассказала, что кругом лежали обгоревшие трупы людей, жителей местных деревень. Некоторые пытались убежать, но их настигала автоматная очередь, и трупы лежали вниз лицом. На земле сидела обгоревшая женщина и прижимала к себе обгоревших двух маленьких детей: все были мертвы. В той страшной трагедии чудом выжил только один мальчик — Семен Самуйлов.

Прошло больше 70 лет. Многие за это время пришлось пережить. Но тот день, когда заживо жгли моих земляков — детей, стариков, женщин, — забыть нельзя. Уходят из жизни свидетели страшных трагедий минувшей войны. Но я преклоняюсь перед родившимися в нашем краю писателями и поэтами, ставшими москвичами, которые доносят до молодого поколения, какие испытания пришлось нам перенести и чего стоила нам, детям войны, всему находившемуся в оккупации наслению Победа над немецкими фашистами.

Низкий поклон вам, дорогие мои, и наилучшие пожелания. Надеюсь, что благодаря вашим произведениям и всей вашей деятельности молодежь будет знать о неслыханных издевательствах гитлеровцев над ни в чем не повинными мирными гражданами и не допустит повторения подобных ужасов.

С уважением

Ольга Георгиевна СВЕРЧКОВА.

*г. Вязьма,
Смоленская область*

ЕСЛИ ВЛАСТЬ УСТРАНИТСЯ, СКИНЕМСЯ ВСЕНАРОДНО

Дорогая «Правда»!

Читали статью Виктора Кожемяко «Сожженные заживо взывают к нам» и многочисленные письма-отклики. Не могли при этом не сопереживать вместе с авторами. Какая вопиющая жестокость палачей, возомнивших себя «высшей расой»! Они даже не звери, хуже, потому что хищники поедают свою жертву, когда голодны. А эти? Вся оккупированная советская территория подверглась массовому истреблению людей. Даже в несдавшемся фашистам Ленинграде уничтожено голодом, холодом, бомбежками и обстрелами 900 тысяч жителей, как указано в помяннике настоятеля Князь-Владимирского собора протоиерея Владимира Сорокина.

Основанное поэтом и публицистом Владимиром Фомичевым общество названо «Поле заживо сожженных». Своей задачей общество ставит создание мемориала памяти на Смоленщине, где также происходили те зловещие события и где появились ныне памятники фашистам-палачам, но до сего времени нет достойного мемориала, увековечивающего память мирных советских людей, загубленных оккупантами. Красная Армия с мирными гражданами в Германии не воевала. Это общеизвестно. В этом и различие двух противоборствовавших сил.

Поле для мемориала как будто уже обозначено. Его желательно создать к 70-летию Великой Победы над фашизмом. Да вот только власть, насколько мы понимаем, всячески от этого устраниется.

Коммунисты Кавалеровского отделения КПРФ Приморского края считают: если так и будет продолжаться, надо нам объявить создание мемориала всенародным делом. Не ждать помощи от правительства, а незамедлительно юридически оформить фонд «Поле заживо сожженных». Великая Отечественная коснулась каждой советской семьи. На фронте сражались мужья, братья, сестры. В тылу — женщины и дети (для которых «единороссы» никак не хотят принять специальный закон поддержки). Они трудились под девизом: «Все для фронта, все для Победы!» Для большинства россиян День Победы стал главным днем в году. Так что на призыв увековечить память жертв фашизма, я думаю, откликнутся многие. Можно, наверное,

и в редакции «Правды» создать счет под названием «Поле заживо сожженных».

Я и мои товарищи по парторганизации уверены: святое дело должно быть осуществлено. Хотя трудно живется сегодня простым людям, но история не раз убеждала, что всегда наибодежные делались последним во имя справедливости и чести.

И еще. Надо всем понять вот что. Мы потеряли в войну 27 миллионов человек. По этому поводу не нюхавшие пороха и ненавидящие советское время всячески столь большим числом манипулируют. Дескать, не умели воевать. Но вот данные исследователей. Не взятые с потолка! Потери военнослужащих убитыми — 6 миллионов 800 тысяч; умершими в результате болезней, в плену — 4 миллиона 400 тысяч. Итого: 11 миллионов 200 тысяч. Округлив, получим, что остальные 16 миллионов — погибшие мирные жители. Вот что сотворили фашисты на нашей земле! Пусть запомнят это те, кто желал бы победы Гитлеру, чтобы пить баварское пиво...

В истории Великой Отечественной многое ждет поклонения потомков. Памятник заживо сожженным, если мы его создадим, я уверена, станет всенародно почитаемой святыней.

Валентина Петровна САМОЙЛОВА,
жительница блокадного Ленинграда,
член КПСС — КПРФ с 1954 года.
пос. Кавалерово, Приморский край

МОЛОДЫЕ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ

В БУДУЩЕМ ГОДУ мы отметим выдающийся юбилей — 70 лет со дня окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, со дня нашей Великой Победы. И, казалось бы, вроде все о том времени историки уже узнали, все раскрыли. Но открываются новые для моего поколения страницы. Открывать их нам помогают люди, кого коснулись события войны. Кто-то до сих пор оставил в себе эти страшные воспоминания. А кто-то хочет донести пережитое до своих молодых соотечественников. Спасибо за это Владимиру Тимофеевичу Фомичеву и большое спасибо газете «Правда», со страниц

которой я узнала много ранее мне неизвестного об ужасах фашистской оккупации.

Ветеранов, участников и свидетелей войны становится с каждым годом все меньше. Тем ценнее их воспоминания. Ведь уже нашим детям они об этом не расскажут. Зато нашим детям и внукам об этом смогут рассказать памятник, музей, экскурсовод и книги, которые с теми событиями связаны.

Я считаю, исключительно важный вопрос подняла «Правда». Для нас, для нынешнего поколения и всех будущих не может быть безразличной правда о том, какое горе и какие бедствия принесли на Советскую землю немецко-фашистские захватчики. Хорошо бы как можно полнее представить документальные материалы той трагедии в специальном большом музее.

Эхо войны... Настолько оно далекое, настолько протяженное, что ли. Но оно будет и впредь отзываться. Должно отзываться в сердцах и умах людей! Это никогда и никуда не может уйти, исчезнуть. Все, что с Великой войной связано, должно правдиво дойти и до наших потомков.

Я, к счастью, могу видеть на парадах в честь Победы ветеранов в орденах и медалях. Я знаю про Савичеву Таню, жертву блокадного Ленинграда, про Брестскую крепость, про многих героев войны. И для меня рассказы о сожженных жителях целых деревень — это как недостающие главы из романа, которые были вырваны. А теперь я их прочла. Памятник тем людям настолько необходим, как необходимы вырванные страницы в книге. Если их не найти, то ты не поймешь до конца, о чем это произведение.

Ядвига ВОЛЬСКАЯ.

Возраст 22 года.

г. Ханты-Мансийск

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ НЕВИННО УБИЕННЫХ

В преддверии 70-летия Великой Победы общественное объединение «Поле заживо сожженных» выступило с инициативой достойно увековечить во всероссийском масштабе память миллионов наших соотечественников — женщин, детей, стариков, которые были загублены фашистами на

временно оккупированных территориях. Статья в нашей газете «Сожженные заживо вызывают к нам» вызвала сотни читательских откликов, многие из которых «Правда» опубликовала. Сегодня печатаем еще два письма.

«НОВЫЙ ПОРЯДОК» — ОСКАЛ ФАШИЗМА

Минуло 72 года с тех пор, как Смоленская область была освобождена от гитлеровских орд. В июле 1941-го они ворвались в Смоленск, захватили районы области. Два года и три месяца на Смоленщине продолжалась фашистская оккупация. Что принес народу фашистский «новый порядок»?

ОБРАТИМСЯ К ДОКУМЕНТАМ. По данным Чрезвычайной государственной комиссии, которая начала работу сразу после освобождения нашего края, каратели расстреляли, взорвали на минных полях, замучили в гестапо, заживо сожгли, умертвили в душегубках, отру-

били головы, закопали живьем 87026 мирных жителей — от стариков до младенцев; убили 257723 военнопленных советских бойца; угнали в немецкое рабство 81682 смолянина. Другие источники указывают еще большее число людей, убитых гитлеровцами на Смоленщине. Народное хозяйство области было полностью опустошено и разрушено. Многие культурные ценности, в том числе и музейные, вывезены в Германию.

Дотла были сожжены города Смоленск, Белый, Вязьма, Велиж, Дорогобуж, Духовщина, разрушены города Рославль, Гжатск (Гагарин), Ельня и ранее входившие в состав нашей области Медынь, Юхнов.

По переписи 1939 года в Смоленской области было 15158 сел, деревень, поселков. За период оккупации фашисты сожгли полностью пять тысяч деревень, около трехсот — вместе с жителями. Каратели использовали тактику выжженной земли. Почерк фашистских палачей одинаков во все времена. На территории области, согласно архивным данным, гитлеровцы создали более 70 концлагерей, гетто, лагерей для гражданского населения, тюрем, в которых истребляли как военнопленных, так и мирных жителей. В первую очередь полному уничтожению подвергались коммунисты, советские служащие, евреи, цыгане.

Приведу наиболее характерные примеры фашистского геноцида смолян — по документам, хранящимся в архивах. По-моему, без содрогания читать все это невозможно. Однако надо это знать, особенно молодым.

«29 мая 1942 года группа гитлеровцев с 2 танками, 1 бронемашиной, 75-мм пушкой рано утром ворвалась в деревню Титов Хутор Спас-Угловского с/совета Духовщинского района. В указанной деревне воинских частей и партизанских отрядов не было. Все население гитлеровцы согнали к обрыву над рекой и расстреляли, сначала группу стариков, а затем женщин и детей. С целью добить умирающих место расправы забросали гранатами. Всего погибло 74 человека. Из них в возрасте до 12 лет — 19 человек, от 18 до 50 — 16 человек, свыше пятидесяти — 21 человек. Среди погибших Калинина Паша, инвалид, передвигавшаяся с помощью костылей, Артемов Фома, хромой старик, умалишенная девушка, грудные дети, старики в возрасте 80—90 лет. Полностью погибла семья Аксенова Миха-

ила — 8 человек, Петра Украинского — 4 человека. Расправившись с населением, немцы забрали ценности в домах колхозников, а затем сожгли все 23 хозяйства деревни».

«В деревне Тереховка Сафоновского района сложили штабель из живых людей, обложили соломой, полили бензином и сожгли 75 человек.

В Руднянском районе, в деревне Ольша 12 детей брошены в горящие избы, в деревне Зубры 10 детей и 5 стариков брошены в горящие избы.

В Смоленском районе, в деревне Александровка в 1942 году 24 апреля в 5 часов утра карателями были полностью уничтожены жители деревни, часть задушена в газовых передвижных камерах, другие расстреляны... 62 женщины, 29 мужчин, 52 ребенка.

В Вяземском районе, в деревне Никольское (бывший Семлевский район) убиты 26 человек: 23 сожжены заживо в бане, 1 отрубили голову, 2 повесили».

* * *

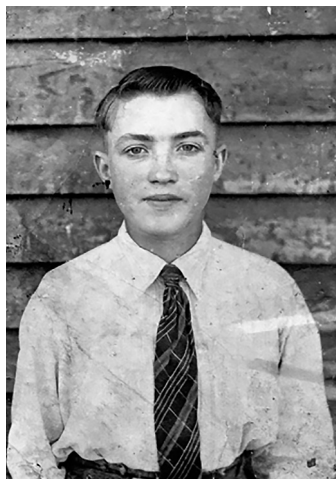
Это лишь несколько страшных свидетельств, а таких тысячи. Они наглядно свидетельствуют о «новом порядке» фашистских карателей. Такие сведения должны приводиться в учебниках истории, чтобы новые поколения знали, что такое фашизм! Но, судя по некоторым фактам, ныне этого не знают не только люди молодого поколения. В текущем году одна из типографий Смоленска издала школьный дневник... с портретом Гитлера. А некоторое время назад в области произошло вот что. Депутат городского Совета Смоленска Ершов при рассмотрении выделения бюджетных средств на льготный проезд для бывших малолетних узников войны заявил: «Чем мы обязаны этим узникам? Тем, что их не добились...»

А ведь этот человек далеко не молод, к тому же, как говорится, избранник народа, депутат. Я не думаю, что нужны пространственные комментарии к таким фактам. Это же не просто высказывания и действия простых обывателей — это перешло на другой, властный, уровень.

В связи с подобным отношением к скорбной народной памяти приведу пример жизни одного малолетнего узника — Васи Шебаршова, моего родственника, жителя деревни Маецкое Смоленской области. Фашисты при отступлении в 1943 году угнали подростка

в Германию, бросили в «трудовой лагерь» в городе Бреслау. В 1945-м его освободили войска Красной Армии. Бывшие с ним сестра Настя и брат Ваня пошли домой, на Смоленщину. А Вася, добавив себе год возраста (ему тогда было всего 17 лет), ушел на фронт. Погиб 26 апреля 1945 года при взятии Берлина.

У родных сохранилось его письмо, которое он написал за два дня до смерти. Я позволю себе привести слова бывшего малолетнего узника фашистского концлагеря: «Не горюйте, что не пошел с вами. Душа болит по нашей деревне, да ее, наверное, спалили фрицы. Когда дойдете домой, напишите, а может, вы уже и пришли. Дошел ли Ваня? А я воюю, за все отомщу проклятой немчуре — и за неволю, и за издевательства, буду крепко бить фрицев.

Вася Шебаршов.

Сегодня заняли маленький город, Берлин близко. Кормили гражданских старух и детей. Один немчонок показался сильно похож на Ваню, отдал ему сахар.

Батя, ты потерпи, я вернусь и выстроим новый дом рядом с нашей грушей. Цела ли она? Войне скоро конец, фрицы сдаются пачками, трусливые и злые. Передали, что завтра штурмуем Берлин. Всех вас обнимаю. Ваш Вася. 24 апреля 1945 года».

Вдумайтесь! Этот юноша подростком прошел все круги ада: оккупацию Смоленщины, где стал свидетелем сожжения заживо 94 жителей деревни Головицы, неволю и муки концлагеря. Но при встрече с ребенком врага отдал ему свой кусочек сахара! Вася писал стихи, одно из них он написал в концлагере, оно сохранилось. Приведу четверостишие из него:

*Только верой мы живы,
Час расплаты настанет,
И победа, я знаю,
Будет только за нами.*

Он же, Вася Шебаршов, среди школьников деревни Маецкое (сзади учительницы). 1938 г.

Разве могли фашисты, мораль которых — убить, ограбить, совершить насилие, — разве могли они победить такой народ?

И это в адрес таких малолетних узников высказался нынешний депутат!

* * *

Есть музеи холокоста еврейского народа во время Второй мировой войны, и это правильно. Но почему же нет подобного музея-памятника геноцида русского народа? Почему многие равнодушны, не хотят этого помнить? Не только в Смоленской области жители подверглись массовым сожжениям заживо фашистскими карателями. Такие зверства совершены во всех областях России, оккупированных гитлеровцами. Однако у нас до сих пор нет мемориала русской Хатыни.

В 2009 году в Смоленской области разразился большой скандал по поводу создания захоронений гитлеровских вояк. Жители протестовали, выходили на митинги. Города Вязьма, Гагарин насмерть встали против. Но... такое кладбище все-таки создали в Духовщинском районе, наиболее пострадавшем, где действовали каратели СС, гестапо, бандеровцы, где было четыре концлагеря. Накануне

войны в районе жили 116 тысяч человек, а после нее осталось немногим более двух десятков тысяч. Сейчас — около 16 тысяч человек. Жители протестовали, однако их не услышали...

Меня мучит вопрос: что можно рассказать о памятниках солдатам рейха? Что здесь лежат насильники, убийцы, палачи — это ведь так! И фамилии тех, кто жег, грабил, убивал, теперь значатся на надгробиях. Зачем немцам такая память на нашей земле?

Мы не упрекаем потомков, они не виноваты. Мы не боремся с мертвыми, пусть их кости тлеют в земле. Здесь похоронен фашизм, похоронены те, кто шел навязать его нашей стране и миру. Устанавливать им памятные надгробия, умалчивая о десятках тысяч убитых ими смолян, считаю кощунством!

* * *

Молчание о зверствах фашистских карателей во время Великой Отечественной войны позволило вновь поднять голову фашизму. Его яркое проявление сегодня — Украина. Заживо сожженные люди в Одессе, в Доме профсоюзов. Убитые мирные жители на юго-востоке, в Донбассе. Так же, как и в Германии накануне войны, на Украине началось преследование коммунистов, но об этом промолчали. Следующими гонимыми стали служители Русской православной церкви и их прихожане. Очередной этап — люстрация служащих при бывшем президенте. Все это — прямой запрет на инакомыслие.

В Донбассе под видом «антитеррористической операции» ведется откровенный геноцид русского народа. Убийства, мародерство, насилие со стороны военнослужащих украинской армии над мирным населением стали повальными. Здесь так же, как и во время гитлеровского нашествия, ведется тактика выжженной земли. Стираются деревни и целые города. Думаю, к этому привела и утрата памяти о фашистских злодеяниях периода Великой Отечественной войны. А что же сегодня Европа, породившая фашизм в XX веке? Молчит. Где европейские правозащитники, которые долгое время вещали об общечеловеческих ценностях? А что может быть ценнее жизни? Молчат...

Считаю, что в России необходимо на уровне государства усвоить уроки беспамятства и внести в учебники истории не только опре-

деление фашизма, а и примеры его злодеяний. Создать мемориал с указанием всех сожженных вместе с жителями деревень России, памятник геноцида народа. Только знания помогут будущим поколениям не повторить прошлое и не позволить одурочить себя.

Евгения ПРИШЛЕЦОВА,
член Союза журналистов России.

г. Десногорск,
Смоленская область

ВСПОМИНАЯ РАССТРЕЛЯННЫХ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНОВКИ

Горячо поддерживаю поднятый в «Правде» вопрос о создании всероссийского мемориала памяти миллионов мирных жителей, загубленных фашистами в годы Великой Отечественной войны. Забвение приводит к тому, что фашизм вновь поднимает голову, как мы видим это на Украине. Надо и на местах увековечивать память погибших, а у нас в российских областях много, очень много таких мест, где кроваво похозяйничали оккупанты. Об одном из них хочу рассказать читателям «Правды».

В ТО ВРЕМЯ это был Старооскольский район Курской области, а поселение называлось хутор Калиновка. Расположился хутор у леса, в местечке, буйно поросшем калиной, отсюда и название.

Изначально в Калиновке насчитывалось до десяти дворов. В период коллективизации хутор вошел в состав совхоза «Казацкая степь» как 3-е отделение, и Калиновку по-другому стали называть еще поселком Западный.

По воспоминаниям Екатерины Павловны Сотниковой, жившей в Калиновке до войны, в хуторе проживали семьи Маликовых, Яковлевых, Травкиных, Серых, Сотниковых. Отец Екатерины Павловны — Павел Максимович Сотников работал пасечником в совхозе «Казацкая степь». В лесу близ Калиновки стояло около сотни ульев, которые он обслуживал. Работал хорошо, и его достижения в пчеловодстве руководство совхоза собирались представить в Москве на Всесоюзной сельскохозяйствен-

Детомубийцы.

ной выставке. У хуторян были большие ухоженные огороды и сады, во дворах много скота и птицы. Но мирный труд прервала война.

Все мужчины с хутора Калиновка ушли в Красную Армию. Дома остались женщины, старики и дети. И вот в начале июля 1942 года фронт вплотную приблизился к старооскольским рубежам. Неделю шли бои за город. Советские войска с тяжелыми боями отходили на восток, к Дону.

Ранним утром 4 июля механизированная колонна гитлеровцев двигалась по Курскому шляху. Впереди были мотоциклисты, за ними — автомобили с пехотой и артиллерия. Колонна приближалась к хутору Красный, который находился в двух километрах от Калиновки и в котором был передовой красноармейский дозор. А в самой Калиновке расположилось отделение красноармейцев. Поблизости там был фиктивный аэродром, который несколько раз бомбила вражеская авиация.

Красноармеец, находившийся в передовом боевом охранении, решил ценой своей жизни спасти боевых товарищей от внезапного

нападения. Выстрелом из винтовки он убил немецкого мотоциклиста, но и сам был сражен пулеметной очередью.

Восемь красноармейцев заняли оборону на опушке леса, в зарослях терновника. Немцы обрушили шквал огня на горстку храбрецов. Но никто из них не дрогнул и не отошел от занимаемого рубежа, хотя спасительный лес был так близко. Восемь юных советских бойцов ушли в бессмертие, нанеся врагу большие потери — трупами фашистов было усеяно все картофельное поле...

СЮДА, в Калиновку, немцы ворвались на рассвете. Наверное, наши бойцы, выходившие из окружения, обстреляли двигавшуюся по дороге автоколонну оккупантов. И каратели решили выместить злобу на мирных жителях.

По приказу фашистского офицера гитлеровцы начали обыск в крестьянских хатах, сараях, погребах. А мотоциклисты открыли огонь из автоматов на поражение.

Наталья Константиновна Травкина вспоминала: «В испуге я вышла из комнаты с грудным ребенком на руках. Ко мне подбежали два немецких солдата, на ходу прицеливаясь из автоматов. Раздались выстрелы. Я почувствовала, как ребенок вздрогнул, струйки крови покатались из его груди мне на руки. За первым выстрелом последовал второй, я упала и потеряла сознание...»

В Курской государственной библиотеке хранится газета «Курская правда» от 28 февраля 1943 года, № 21 (6341), в которой опубликована запись рассказа Натальи Травкиной, сделанная после освобождения этих мест. Вот что она поведала далее:

«Когда я очнулась, то увидела страшную картину. Все мои дети были убиты: Травкин Ваня — 12 лет, Травкин Боря — 10 лет, Травкина Рая — 4 года, Травкин Женя — 1,5 года. Вместе с ними в луже крови лежала убитая их бабушка, моя мать».

Наталья подумала, что все жители хутора расстреляны, и, собрав последние силы, бросилась в лес. От страха женщина забилась в заросли крапивы. Это, видимо, и спасло ее от неминуемой смерти: говорят, крапивная кислота способствует свертыванию крови.

«...Помню, меня кто-то толкнул, но я не могла открыть глаза, заплывшие кровью, услышала лишь слова: «Наталья, ты жива?» Это был рабочий нашего совхоза. Он перенес меня в комнату, где лежа-

ли залитые кровью мои дети и моя мать. Я снова потеряла сознание и только позже узнала, что в моем теле было 12 огнестрельных ран».

Наталья Травкина чудом осталась жива. А на окраину догоравшей Калиновки тем временем оккупанты согнали 14 человек — стариков, женщин, детей.

Первым был расстрелян старший пасечник Павел Максимович Сотников, ему было семьдесят лет. Потом фашистские изверги перенесли огонь на других. Истошные крики смешивались с треском автоматных очередей.

Расстреляли семью Яковлевых, троих человек — отца, мать и сына. Четвертая, дочка Мария, чудом спаслась. Вот как впоследствии она рассказывала: «Мне тогда было всего десять лет. Думала: куда попадет пуля, больно ли будет? Вдруг мама уронила из рук Леню — моего меньшего братишку. Падая в траву, она увлекла за собой меня. Я притворилась мертвой. Немцы не стали проверять, приняли меня за мертвую и ушли».

Старика Серых пыталась защитить его дочь Дарья, которая поддерживала отца. Немец ударил ее автоматом по голове — на смерть. Старика тут же застрелили.

Вместе с калиновцами расстреляли двух подростков, пришедших к родственникам из хутора Красный. В частности, чтобы помочь старшему пасечнику П. М. Сотникову. Одного звали Миша Черных, второго — Егор Черных. Оба подростка были одногодки. Им было по пятнадцать годков...

УВАЖАЕМЫЕ читатели, давайте еще и еще раз задумаемся, что же произошло. За что расстреляли фашисты ни в чем не повинных жителей, да еще и детей?

В «Книге памяти», изданной накануне 50-летия Великой Победы, сказано: расстреляли за то, что жители не выдали красноармейцев и партизан. Но, скажем, что мог знать о красноармейцах полторагодовалый Женя Травкин? Или его четырехлетняя сестренка Рая Травкина? Да и десятилетний Боря Травкин не мог знать, где находятся красноармейцы, так же, как двенадцатилетний Ваня Травкин...

Семь месяцев их мать, израненную Наталью Травкину, выхаживала и скрывала от дурных глаз и от полицейав Мария Фоминична

Черных, сестра расстрелянного Миши Черных — жительница соседнего хутора Красный. Она работала в медпункте и тайком приносила необходимые бинты, вату, йод.

Поправившаяся и окрепшая Наталья твердо решила уйти на фронт, чтобы отомстить фашистам за расстрелянных детей и мать. Фронтовые ее дороги начались от Ястребовки и Курска. От вольнонаемного бойца дослужилась до начальника походно-ремонтной мастерской.

Фронтовая судьба так распорядилась, что в конце войны, под Ригой, Наталья встретила с мужем — Иосифом Травкиным. О страшной беде рассказала ему не сразу: боялась, не выдержит солдатское сердце.

После войны Травкины долго не возвращались в родные края. Тяжко было. Потом все-таки возвратились, но не в Калиновку, а в Старый Оскол. Здесь им дали квартиру. Здесь родилась дочка Вера, ставшая впоследствии врачом...

Но вернемся к февралю 1943 года. В день ухода на фронт, в Ястребовке, Наталья Константиновна Травкина выступила с обращением перед земляками и колонной красноармейцев. Она, мать четырех загубленных малолетних детей, говорила о своем безмерном горе. Но не только о личном. Говорила о многом, что принесли фашисты на советскую землю:

«Это они расстреляли в Курске три тысячи мирных жителей, это они сожгли 460 человек в Чернянке, это они увезли 9000 юношей и девушек из Курска в рабство... Поклянемся же, что не устанем мстить врагу! Смерть детоубийцам!»

В тот же памятный день, 4 июля 1942 года, аналогичный расстрел совершили фашисты в городе Новый Оскол. При вступлении в город были произведены многочисленные аресты среди гражданского населения. Была брошена в тюрьму семья военнослужащего Е. А. Пупынина (мать, жена и трое детей). Арестовали семью гражданина Бондаренко (жену и троих детей), а также жителей Нового Оскола — Дедова, Шилова, Арухина, Рязанцева, Шумилкина и других.

После зверских пыток все они, в том числе и дети, по приказу фашистского командования были расстреляны. Об этом зверстве написали в газету «Курская правда» старший лейтенант Алферов

и граждане Нового Оскола Грибкова, Шуваев, Галкин. Материал был опубликован 28 февраля 1943 года вместе с призывами Натальи Травкиной.

Зверствовали фашисты и при отступлении. Например, в феврале 1943-го немецкие войска отступали по Курскому шляху через хутор Красный. Здесь в одной избе немецкий солдат выхватил из рук Екатерины Васильевны Морозовой полугодовалую девочку-близняшку Шуру и со злостью бросил в погреб. От тяжелой травмы девочка скончалась. В живых осталась ее сестренка Маша, которая, к счастью, в это время была у бабушки...

Да разве можно перечислить все, что натворили фашисты на нашей земле! Их преступления поистине бессчетны.

МИНУЛО с тех пор больше 70 лет. Там, где находился хутор Калиновка (Западный), ничего не осталось. Кругом пустырь, заросший крапивой и чертополохом. А неподалеку появились многоэтажные дома поселка Троицкий.

Здесь в уже далеком теперь 1983 году, накануне 40-летия битвы на Курской дуге, открыли памятник. Он был сооружен на средства совхоза «Губкинский». Все организационные вопросы по изготовлению и установке памятника легли на плечи директора Н. Е. Бессмельцева и секретаря парткома В. С. Солодилова. На открытие памятника приехали Мария Ивановна Яковлева, Наталья Константиновна Травкина со своей дочкой Верой Иосифовной и внучкой Леной. Приехала и вдова лейтенанта И. А. Зуенко — того, кто командовал горсткой красноармейцев-храбрецов близ Калиновки...

Однако шло время, и о гибели мирных жителей на оккупированной российской земле вспоминалось все реже. Молодежь об этом почти ничего не знает. Горько мне, что очень редко вспоминают и о расстрелянных фашистами жителях Калиновки. А ведь, по сути, это малая Хатынь — Хатынь Белгородская.

Я думаю, настало время создать мемориальный комплекс на месте уничтоженного хутора Калиновка. По моему мнению, здесь особых затрат не потребуется. Расчистить от бурьяна и чертополоха землю, где в 1942 году стоял хутор. Соорудить макеты хат, сараев, погребов, колодца, из которого черпали воду жители, совхозной пасеки. Красочно оформить стенд с призыва-

ми Натальи Травкиной, с которыми она обратилась к землякам и воинам Красной Армии в феврале 1943 года, а еще лучше — вывесить копию газеты «Курская правда». Все это так нужно для новых поколений!

**Эдуард Александрович
ТАТАРИНЦЕВ,
ветеран труда
и рабселькоровского движения, краевед.**
пос. Троицкий,
Губкинский район,
Белгородская область

Часть 2

**Будет ли достойный
памятник жертвам
оккупации?
Публикации 2015 года**

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

ЗАГУБЛЕННЫХ В ОККУПАЦИИ ПОМНИМ?

Уже более года «Правда» ведет эту рубрику — «Увековечение их памяти не терпит отлагательств». Речь о миллионах мирных жителей, ставших жертвами фашизма во время Великой Отечественной войны.

Сегодня, когда мы готовимся отметить 70-летие Великой Победы, актуальность этой темы еще более возрастает. И в редакционной почте все больше писем, требующих от власти создания в России Мемориала, равного по масштабам белорусской Хатыни. Чтобы можно было поклониться памяти погибших от рук гитлеровских палачей. Чтобы не забывали люди, что такое фашизм.

А ведь он уже снова вовсю поднимает голову — на Украине, в Прибалтике, в Западной Европе. Опять жаждет жертв...

РАЗРУШИТЬ СТЕНУ БЕЗДУШИЯ

В ряде номеров «Правды» на протяжении 2014 года публиковались пронзительные статьи, воспоминания, размышления, исследования о чудовищных преступлениях фашистских оккупантов на территории Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны.

В ИСТОРИИ Второй мировой войны вопрос о последствиях фашистской оккупации на нашей территории изучен явно недостаточно. Эта трагическая тема долгое время почти не выносилась на широкую аудиторию, не обсуждалась на государственном уровне, и только благодаря духовному подвигу неравнодушных к истории своего Отечества людей, взывающих к народной памяти, многие «белые пятна» обретают свои исторически реальные силуэты. Именно неравнодушие авторов «Правды» позволило узнать новые

факты о множестве безвинно погибших мирных жителей русских деревень, сел, поселков, городов, о сотнях русских Хатыней, Бабьих Яров, Лидиц и Орадуров.

Из публикаций в газете читатели не только узнавали про ужасающие факты фашистских зверств, но и слышали настойчивые обращения к государственной власти о необходимости создать общероссийский Мемориал вечной памяти, посвященный многомиллионным жертвам фашистских карателей. Увековечение памяти заживо сожженных, повешенных, расстрелянных, отравленных собаками, удушенных газом, умерших от голода и нечеловеческих пыток, загнанных в гетто, в лагеря смерти, вывезенных на чужбину стало настоятельной потребностью времени!

А время ведь поистине историческое: канун 70-летия Великой Победы над фашистскими захватчиками. Память как о народном подвиге, так и о народном горе недопустимо вытравить из человеческих сердец. И чтобы трава забвения не проросла и не укоренилась на земле нашей России, известные, всеми уважаемые деятели науки, культуры, литературы, очевидцы событий, люди разных возрастов и профессий приняли участие в столь масштабном, глубоком обсуждении, будучи уверенными, что их голоса будут услышаны в верхних эшелонах власти.

Одним из активнейших инициаторов этого воистину всенародного требования стал настоящий патриот Отечества — писатель, публицист, яркий журналист Владимир Тимофеевич Фомичев, создатель общественной организации «Поле заживо сожженных». Его поддерживали не только члены общества, но и сотни других неравнодушных, среди которых авторы публикаций в «Правде» — поэт Василий Леонов, в детстве переживший оккупацию, журналистка Евгения Пришлецова, составившая карту сожженных деревень Смоленщины, академик Михаил Лемешев и многие другие. Голоса всех их, как выразился в своей страстной публицистической статье обозреватель «Правды» Виктор Кожемяко, призывали пробить стену государственного бездушия!

Письма к президенту и правительству на эту тему также подписывали известные в стране люди, среди которых народная артистка СССР Людмила Касаткина, скульптор Николай Селиванов, писатели Валерий Ганичев, Валентин Сорокин... Однако в ответ — фор-

мальные бюрократические отписки или глухое молчание, что лишь усиливает боль в сердцах людей, которым не безразличны судьба и история страны. И особенно больно, конечно, тем, кто сам пережил ужасы оккупации, кто потерял во время нее родных и близких...

Была напечатана в «Правде» и моя статья под заголовком «Не поддаться беспамятству», в которой я приводила факты чудовищных злодеяний фашистских варваров в Орловской, Воронежской, Калужской, Ростовской, Смоленской и других областях Российской Федерации. Этих фактов не счесть!

НА ДНЯХ я, москвичка по месту жительства, вернулась из Смоленской области. В городе Ельня, на родине моего деда и мамы, только в марте 1942 года были расстреляны 230 человек, причем у стен городской больницы, где люди находились на излечении. Не щадили фашисты, поборники «чистоты расы», ни тяжелобольных, ни физически беспомощных людей. Так, в июле того же 1942-го заживо были сожжены в деревне Крутицы под Вязьмой 129 человек, находившихся в местном доме инвалидов. Та же участь постигла еще 70 человек из дома инвалидов в городе Дорогобуж. А в январе 1942 года в деревне Дебрево каратели сожгли школу, где был госпиталь с ранеными красноармейцами и тяжелобольными жителями, а тех, кто мог передвигаться, расстреляли в соседнем овраге.

Не обошли расправами фашисты ни одного захваченного селения. А это и прославленное село Городок, где родился флотоводец П. Нахимов, и Новоспаское, расположенное в 22 километрах от Ельни, где сейчас музей-усадьба композитора М. Глинки, и деревня Демидово, в которой находится дом-музей Юрия Никулина, и деревни Болдино, Дубино, Алексино — с ныне знаменитым конным заводом, и Магалинщина, где работает Музей 1812 года.

В музее «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны», открытом к 30-летию освобождения Смоленска в 1973 году, широко представлены экспозиции, рассказывающие о партизанском движении, о действиях героев подполья, а также о многочисленных фактах зверств, которым подвергались мирные жители. Александр Трифонович Твардовский вспоминал, что когда приехал на свой хутор Загорье в 1943 году после освобождения Смоленщины, то на месте отцовского дома было пепелище. В такое же пепелище были превращены соседние деревни.

На карте захоронений в деревнях Калужской области число жертв в братских могилах превышает 900 человек. В Орловской области в деревне Кривцово была сожжена школа, оборудованная под больницу, погибли более 800 человек, среди которых были местные жители и раненые пленные бойцы. В селе Песчаный Лог Воронежской области фашисты закопали в землю живыми 450 человек. В ужасающих документах, запечатлевших хронику расправ фашистов с мирным населением, названы установленные теперь имена и возраст — от младенческого до самого преклонного — заживо сожженных, замученных, расстрелянных. Причем все эти зверские преступления были узаконены приказами Верховного командования, и в их исполнении участвовали все звенья военной машины гитлеровской Германии. На основании материалов расследований, многочисленных свидетельств раскрываются картины чудовищного произвола и уничтожения мирных жителей и военнопленных!

Невиданные по жестокости преступления на оккупированных территориях были обоснованы фашистскими идеологами. Достаточно вспомнить дневники начальника генерального штаба сухопутных сил Германии Гальдера, который неоднократно подчеркивал, что «надо вести борьбу на уничтожение» всех слоев населения. Оправдывая жестокость на оккупированных территориях и в концлагерях, он писал, что «на Востоке жестокость является благом на будущее, и немецким солдатам надо преодолеть свои колебания», так как по сравнению с другими странами Советский Союз — «единственная реальная сила, которая может противостоять Германии на ее пути к завоеванию мирового господства».

Великая Отечественная война была войной двух идеологий и двух общественно-политических систем. Об этом потрясающе просто и четко было написано поэтом В. Лебедевым-Кумачом на второй день войны в стихотворении «Священная война», которое стало великой песней на музыку композитора А. Александрова: «Как два враждебных полюса, / Во всем враждебны мы: / За свет и мир мы боремся, / Они — за царство тьмы».

О крайней жестокости фашистов, об их звериной сущности неопровержимо свидетельствуют документы, фотографии, воспоминания нацистов, переписка, хроники. Шла тотальная расправа над миллионами мирных жителей! И все эти свидетельства о зверствах немецких наци-

Пылает подмосковная Истра, которую фашисты захватили в конце октября 1941 года. Множество ее жителей погибли или остались без крова в лютый мороз.

стов лишний раз подчеркивают фарисейство тех, кто пытается приводить «факты милосердия» немецких солдат на оккупированных территориях.

КОГДА ЧИТАЕШЬ о спаленных деревнях и погибших, невольно вспоминаются строки полного трагизма стихотворения Михаила Исаковского, тоже ставшего песней, о навеки раненой душе солдата, отшагавшего четыре года трудными смертельными дорогами войны и вернувшегося к пепелищу: «Враги сожгли родную хату, / Сгубили всю его семью».

Эта песня с потрясающим сюжетом —

плач солдата — появилась уже после войны, в 1946 году, когда к стихам Исаковского, опубликованным в журнале «Знамя», написал музыку композитор Матвей Блантер, а исполнил ее первым Марк Бернес. Но у этой песни почти пятнадцать послевоенных лет были и противники, считавшие, что Победа сама по себе исключает трагические песни и стихи. Потому и документальные данные о зверствах фашистов на оккупированных территориях еще не до конца изучены и сегодня, а часть информации неизвестна исследователям. Потому-то так высоко нужно оценить работу тех, кто постоянно занят собиранием новых свидетельств о зверствах фашистов на оккупированных российских территориях, ведет переписку с читателями, вете-

ранами, участниками войны, очевидцами, записывая воспоминания чудом спасшихся и ныне еще живущих.

Сегодня, когда нарушен естественный порядок человеческих отношений, агрессивная духовная информационная среда, криминальная действительность негативно влияют даже на взрослое, вроде бы сформированное, устоявшееся сознание. И проблема беспамятства становится ныне особенно острой.

Величайшую чашу горя, бед и страданий испил наш народ-победитель, и среди жертв фашистской оккупации миллионы мирных жителей — женщины, дети, старики, память о которых надо достойно увековечить, воздвигнув общероссийский Монумент жертвам геноцида фашизма на оккупированных территориях Российской Федерации.

Хочется верить, что все мы, не равнодушные к прошлому и будущему Родины, не допустим беспамятства по отношению к трагическим страницам нашей истории, сумеем все-таки достучаться до тех, от кого зависит, чтобы пропасть забвения не поглотила благие начинания. Хочется верить в победу разума и совести, о чем я и пишу в своей поэме «Голос памяти»:

*Разбудят память крик
и стоны
Сожженных наших
деревень,
Ведь мирных жителей
милыоны
Не встретили
Победы день...*

Надеюсь, что год 70-летия Великой Победы поможет нам добиться осуществления нашей благородной задачи и в конце концов мы все-таки сможем возложить цветы к Монументу памяти.

**Людмила АДДЕЕВА,
член Союза писателей России,
Международной федерации журналистов,
Российского союза ветеранов Афганистана.**

ГОРЕ И МУЖЕСТВО СЕЛЬЧАН

Замечательную книгу написала Майя Андреевна Полетова! Она детский врач по профессии, основатель Московского музея Николая Рубцова и автор ряда книг, посвященных выдающемуся русскому поэту. А ее новая работа — это воспоминания о своей врачебной деятельности и записанные рассказы земляков о страшных днях немецко-фашистской оккупации в родном для нее Клинском районе Подмоскovie. Недолго удалось продержаться здесь захватчикам, но они успели натворить много зла. Вот две странички из книги «С любовью о былом», вышедшей на днях в издательстве «Российский писатель».

ПЕРЕД ВХОДОМ фашистов в село Спас-Коркодино пожилые люди стали спасать детей, самых маленьких. Запрягали в сани лошадей, сажали туда укутанных потеплее детей и отправляли их в самые дальние деревни к родственникам, живущим поближе к густым лесам и оврагам, туда, куда, по слухам, немцы не приходили. Люди семьями, соединяясь с соседями, прятались на Спасской горе в колхозном овощехранилище. Там жили, ночевали и даже рожали детей. Там родились девочка Галя Костина, мальчик Валерий Леонов...

В село вошли фашисты, выгнали в холодный сарай всю семью Мотылевых: мать Марию Ивановну, четырех ее дочерей, из которых самая маленькая Валя 6 лет, двух сыновей — Александра (1926 г. р.) и Виктора (1925 г. р.), учеников Спас-Коркодинской школы.

Когда-то я спрашивала Марию Ивановну: «Как же вы там жили в такой мороз?!»

«И сама не знаю, как выжили!» — отвечала мне она. «Вот почему одна из старших сестер Виктора — Нюра всю жизнь тяжело болела и умерла от ревматоидного артрита», — подумала я.

В их избе поселились офицеры. Витя зорко следил за всем происходящим в доме и вокруг него. Парень был крепким и очень смыш-

ленным. Витя и Саша были свидетелями, как тащили на допросы наших пленных красноармейцев, видели, как их избивали, и слышали страшные крики. Вспоминали своего отца, воюющего под Ленинградом. Позже семья узнала, что отец погиб.

Ненависть к фашистам росла. Мальчишки Мотылевы начали делать все, на что были способны, чтобы навредить захватчикам. Они отвинчивали гайки от колес машин, потихоньку протыкали шины, рубили провода. Нашли и спрятали четыре гранаты. Сообразили, как они устроены и что надо делать, когда наступит момент, чтобы их пустить в дело. И этот момент наступил.

Увидели парнишки, что немцы запаниковали и стали готовиться улепетывать. К их дому подъехали две легковые машины. К ним из дома вышли два офицера и солдаты. Витя схватил противотанковую гранату и бросил в сторону машин, затем сразу же бросил вторую гранату и спрятался за сарай.

В село вошли наши части и высоко оценили поступок братьев. Оба получили правительственные благодарности, а Виктора Мотылева наградили медалью «За отвагу».

И вот какие картины оставили немецко-фашистские захватчики в Истре после своего недолгого пребывания здесь. Почти полностью город был разрушен и сожжен, о чем свидетельствуют, в частности, снимки военного фотокорреспондента А. Шайхета, один из которых мы публикуем.

* * *

Анна Григорьевна Трофимова была очень добрая, работающая. Пригласит председатель колхозников на какую-нибудь работу — она первая идет на нее и других поторапливает. Все с улыбочкой, с радостью. Вот ее и прозвали «наша коммунистка»!

Когда началась война, сын ее первым ушел на фронт, выучился на танкиста и все письма ей писал. Любил он ее, беспокоился о ней.

В декабре 1941 года пригнали из западных областей наших к нам в Боблово скот. Коровы, телята, все голодные, мычат. Овцы блеют. Что делать? Кормить такую уйму было нечем. С голоду ведь помрут. А тут морозы под 40 градусов. Дан был приказ резать скот, пока не погиб, запастись и спасти мясо. Что тут было...

Вдруг являются немцы-фашисты. Кто партизан? Кто коммунист? Одну женщину допрашивают, и она указывает на Анну Григорьевну: «Вот она, коммунистка!»

Наутро пошли мы на колодец за водой. Боже мой, наша Анна Григорьевна, голубушка, бездыханная, у колодца. Ночью ее фашисты казнили...

А когда наши солдаты пришли, мы долго думали, писать или не писать ее сыну. Решили все же написать. А вскоре получили от его командования письмо, что сын Анны Григорьевны очень горевал из-за смерти матери. Он отличился в боях — вместе с танком своим сгорел и посмертно был награжден.

Так и погибли герои — мать и сын из деревни Боблово Клинского района.

Майя ПОЛЕТОВА.

МОИ БЛИЗКИЕ БЫЛИ ЗАЖИВО СОЖЖЕНЫ

С большим вниманием и душевным волнением читаю в «Правде» материалы о зверствах фашистов на захваченных российских территориях и о жертвах этих зверств. Не знаю, до каждого ли доходит сегодня весь ужас того, что пришлось пережить советским людям во время гитлеровской оккупации в годы Великой Отечественной войны. Наверное, чтобы во всей

полноте и остроте прочувствовать это, надо самому все пережить. Так вот, я свидетельствую как очевидец.

Я УРОЖЕНЕЦ Калининской (ныне Тверской) области. В 1942 году мне было 12 лет. Наша семья жила в деревне Пронино — это в 45 километрах от Ржева. Отец Яков Алексеевич и мой старший брат Алексей были на фронте. Оставалась с малыми детьми Александром, Евдокией и мною, Анатолием, наша мама Татьяна Федотовна.

А еще с нами жила наша старенькая слепая бабушка.

И вот поздним декабрьским вечером в деревню нагрянула группа фашистов откуда-то из-под Ржева. С каким заданием они явились, что им здесь было нужно, я и сейчас вполне понять не могу. Но сразу же начали вышвыривать жителей из домов и выстраивать в колонну. Наверное, собирались угнать в концлагерь, а потом, отобрав наиболее дееспособных, отправить их на работу в Германию. Такое уже бывало с жителями соседних деревень.

Однако на сей раз что-то у них застопорилось, произошла какая-то задержка, и они стали поджигать дома. А ведь там — люди, старые и малые, самые немощные и больные! Помню, как я кричал и как сердце у меня трепыхалось от сознания, что моя бабушка Варвара Гордеевна заживо сгорит сейчас в этом жутком огне, окруженном фашистскими автоматчиками.

И сгорела, как и многие другие близкие мне люди, мои односельчане. Фашисты укатили, оставив после себя смерть, пепелище и слезы чудом оставшихся в живых...

Прошло много лет, но страшные картины того вечера и теперь у меня перед глазами. Очень верно пишут люди в «Правде»: память погибших во время фашистской оккупации должна быть достойно увековечена. Нужен обязательно общероссийский Мемориал памяти — такой, как в белорусской Хатыни.

Но власть пока что-то не реагирует на голос народа. Неужели так и останется глуха к многочисленным письмам, напечатанным в «Правде»?

«Если власть устранился, скинемся всенародно» — мне понравилось такое предложение в письме ленинградской блокадницы Валентины Петровны Самойловой из поселка Кавалерово Приморского края («Правда», № 118 за 2014 год). Да, если «наверху» глухи и равнодушны, давайте сделаем все на свои, народные средства.

Если будет опубликован адрес, куда посылать деньги на мемориал, или номер расчетного счета, сразу же пошлю не менее 10 тысяч рублей. Дело благое! И не стыдно ли будет власти остаться от него в стороне?

Анатолий Яковлевич РОМАНОВ,
член КПСС — КПРФ
с 1953 года.
г. Москва

ПОРАЖАЕТ ТАКОЕ КОЩУНСТВО

ПОСЛЕ ОЖЕСТОЧЕННЫХ БОЕВ 29 июля 1941 года фашисты заняли почти полностью разрушенный город Смоленск. В городе и на всей оккупированной земле Смоленщины гитлеровцы установили жестокий оккупационный режим. Создали концлагеря и гетто. В бывших Нарвских казармах устроили пересыльный пункт-лагерь № 126, где были замучены не менее 115 тысяч советских военнопленных. Трудоспособных смолян тысячами угоняли на рабский труд в Германию, а сопротивлявшихся бросали в концлагеря.

Из 169 тысяч населения (данные 1939 года) при освобождении города в ходе Смоленской наступательной операции 25 сентября 1943 года в живых осталось лишь 20 тысяч изможденных, больных, перенесших невероятные страдания жителей.

В боях за Смоленск погиб мой старший брат Василий Павлович Бондаренко. Я посетил в свое время место его упокоения — это братская могила под Дорогобужем. Но что узнал я в прошлом году! Оказывается, рядом с той могилой торжественно открыто и освящено кладбище немецко-фашистских палачей. Это показывали по центральному телевидению: масса цветов, выступления плакальщиков и утешников в честь тех, кто столько безмерного горя причинил нашему народу...

Так что же, приехав к брату теперь, я должен буду смиренно проходить возле памятника тем, кто убил его? А почему не спросили нас, родственников, согласны ли мы на это?!

Фашисты убили моего отца и двух братьев, сам я стал инвалидом. Знаю, как живьем сжигали эти варвары женщин, стариков и детей, как с рвением великим казнили, вешали, пытали... И вы им за это памятник, за это — цветы?

Да есть ли предел кощунству?!

Анатолий Павлович БОНДАРЕНКО,
участник Великой Отечественной войны,
полковник в отставке.
г. Иркутск

НЕСГОРЕВШАЯ БОЛЬ

Эти поэтические строки живут в моем сердце:

*Память в воде не тонет
И в огне не горит!*

Память властно заставляет меня сопереживать, когда читаю статьи замечательного журналиста Виктора Кожемяко, поэта-патриота Владимира Фомичева — основателя и руководителя общества «Поле заживо сожженных», письма самых разных авторов, открывающих в «Правде» трагические страницы из летописи Великой Отечественной войны. Слезы наворачиваются.

Вот лишь одно документальное свидетельство: 340 мирных жителей — малых детей, немощных стариков, беззащитных женщин Смоленщины — фашисты заживо сожгли в двух домах деревни Борьба-Новая! Разве можно оправдать такой вандализм «за давностью лет»? И подобные зловещие уроки гитлеровцы преподносили на всей временно оккупированной территории нашей страны.

Я помню, как немецкий офицер остановил мою маму на улице Ростова и, поигрывая стальным стеком, спросил: «Юде?» Черноволосая мама, держа меня на руках и не зная немецкого языка, молча кивнула.

И тогда дюжие солдаты-эсэсовцы стали заламывать ей руки и заталкивать нас в черный «воронок», где уже, как в консервной банке, сидели евреи, которых задушат газом.

Нас выручил сосед-учитель, вмешавшийся в эту сцену и объяснивший завоевателям, что мы — армяне. Но при этом я понимаю, что нам просто повезло. Случайно. Потому что не только евреев уничтожали «цивилизованные арийцы» — все мы для них были недочеловеками. Так что сотни тысяч мирных жителей, погибших во время оккупации Ростовской области, были людьми разных национальностей.

До сих пор вижу перепуганную маму и ехидную усмешку фашиста. Это были не люди, а ненасытные звери, которые жаждали крови! Простите, пожалуйста, но я не могу таких считать людьми. А вот жертв их мы должны помнить. Поэтому всецело поддерживаю предложение о том, что необходимо увековечить память мирных граждан, которые отдали свои жизни за нас.

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН,
член Союза писателей России.
г. Москва

№ 85, 7—10 августа, стр. 8

Расскажу о замечательном человеке

ЕЕ ТРУДАМИ ОЖИВАЕТ ПАМЯТЬ

Эмилия Степановна Гайдукова... Имя это известно каждому жителю села Туманово, что на вяземской земле. Оно известно и многим смоленским, московским краеведам, жителям разных уголков нашей необъятной Родины, ближнего и дальнего зарубежья. За что же так уважают эту учительницу литературы, истории и смежных дисциплин Тумановской общеобразовательной школы имени Героя Советского Союза К. И. Молоненкова?

А ДЕЛО В ТОМ, что она не только талантливый педагог с более чем шестидесятилетним стажем, но и настоящая подвижница. Это ее трудами с помощью воспитанных ею красных следопытов создан

***Вот и опять выступает она перед своими земляками
с интересным рассказом о людях, завоевавших Великую Победу.***

уникальный школьный историко-краеведческий музей. Впрочем, работа ее настолько огромна и многообразна, что в рамках одной газетной статьи передать все весьма не просто.

2015 год — это год святого юбилея нашей Великой Победы. С течением времени война становится все более далекой, участники ее уходят из жизни. Следовательно, возрастает задача сохранения исторической памяти, которая складывается из памяти каждого отдельного человека и последующей передачи ее потомкам. В этом смысл многих усилий Э.С. Гайдуковой, отметившей в нынешнем году и свой юбилей — 80-летие.

Надо сказать, что тема Великой войны особенно близка Эмили Степановне, так как она сама, будучи шестилетней девочкой, встретила и пережила ее, помнит ужасы и подвиги того времени. Но должны знать, помнить и другие — так давно решила она. А за решениями последовали действия.

В селе Бывалицы есть братское кладбище, где покоятся останки 1168 воинов, погибших во время Великой Отечественной войны. И вот, представьте себе, долгое время оставалось оно безымянным.

До тех пор, пока за это назревшее дело (установление имен похороненных бойцов, поиск их родных и близких) не взялись в 1972 году Эмилия Степановна и руководимые ею школьные красные следопыты. А помогали им в этой труднейшей работе мать Эмилии Степановны и ее сестра Л. С. Гайдукова.

Я-то хорошо знаю, чего стоило разыскать имена погибших. Иногда и руки у кого-то опускались. Но все же 9 мая 1976 года состоялось торжественное открытие мемориальных досок, на которых золотыми буквами были написаны фамилии более 400 солдат, погибших за наш край. В последние годы упорного поиска удалось вернуть из небытия и увековечить 859 имен захороненных на братском воинском кладбище, разыскать около 400 семей погибших воинов. Скажите, разве не заслуживает это низкого поклона перед теми, кто сумел такое осуществить?

Поисковики-следопыты под руководством Э. С. Гайдуковой многие годы ведут переписку с родственниками погибших и захороненных на нашем братском кладбище. А потом ждут от них весточек, ждут и их самих. И они приезжают... В разное время радушно встречают их здесь. Но самым многочисленным по посещению был

Возле братского воинского захоронения в селе Бывалицы 9 мая 2015 года.

и остается майский День Победы. Вот и в этот, семидесятый, День Победы из разных мест нашей страны и ближнего зарубежья приехали отдать дань памяти родные погибших героев — более 60 человек.

Патриотическая работа, о важности которой сейчас много стало говорить, благодаря энтузиазму и неутомимости Эмилии Степановны в Тумановской школе давно поставлена на высочайший уровень. Здесь ежегодно проходят недели патриотической песни, конкурсы чтецов стихотворений на патриотическую тему, часы, дни, недели памяти о героях и событиях военной поры: о Герое Советского Союза К. И. Молоненкове, имя которого носит школа, о летчиках В. Политыкине и А. Климанове, захороненных на братском кладбище села Бывалицы, о Герое России Е. Будановой, о полном кавалере ордена Славы И. И. Щеглове, о тумановцах, вынесших на себе страшные испытания военного лихолетья. Эта непрерывная работа — залог того, что память о военных подвигах и людях, которые их совершили, будет жить в сердцах многих и многих поколений моих земляков, что дети наши будут знать и бережно относиться к своей истории и к людям, делавшим эту историю.

Под руководством Э. С. Гайдуковой многое было предпринято для поисковой работы по сбору информации о боевом пути наших тумановцев, которые сражались на разных фронтах Великой Отечественной войны, участвовали в крупнейших сражениях и битвах: под Смоленском и Москвой, в Сталинграде и на Курской дуге, в Яско-Кишиневской и Берлинской операциях... Результатом этой работы стал обелиск, установленный в Туманове. Здесь увековечены имена 149 наших земляков, погибших в боях за Советскую Родину.

И рождаются волнующие книги Эмилии Степановны, написанные на основе материалов коллективного школьного поиска. Это «Катюша» — об отважной летчице, Герое России Е. В. Будановой и «Всегда живой» — о Герое Советского Союза, выпускнике нашей школы 1941 года К. И. Молоненкове. К ним надо добавить два издания сборника «Опаленные войной», освещающего события, которые происходили в годы войны на тумановской земле. Здесь представлены мемуары советских военачальников, отрывки из солдатских писем, воспоминания тумановцев — участников войны и малолетних узников, жертв фашистской оккупации, детей войны. Эти вы-

страданные воспоминания моих земляков, изложенные на бумаге, стали пронзительными документами человеческих судеб.

Сборник «Опаленные войной» всколыхнул очень многих. Отзывы о книге пришли из Москвы и Санкт-Петербурга, Вязьмы и Смоленска, Ульяновска и Оренбурга, Рязани и Белгорода, от жителей Республики Адыгея, из Болгарии, Сербии...

Следует отметить и еще одно важное направление работы, которым руководит Э. С. Гайдукова, особенно в последнее время. Это — увековечение памяти сожженных вместе с мирными жителями деревень в проклятое время фашистской оккупации. А таких деревень на территории Вяземского района несколько: Трубино (Чертовка), Гаврилки, Пастиха, Никольское, Крутицы, Песочня.

Более 40 лет красные следопыты школы поддерживают связь с Семеном Яковлевичем Самуйловым, чудом выжившим в деревне Чертовка, где были заживо сожжены 458 человек, из которых 22 — родные С. Я. Самуйлова.

В деревне Борьба Угранского района каратели заживо сожгли 340 человек. Удалось спастись семерым. Среди них — Петя Бычков, которому было всего 5 лет! Человек из пламени, свидетель гитлеровского геноцида, П. А. Бычков тоже стал другом тумановских следопытов и, выступая перед ныне живущими, говорит о том, что несет с собой фашизм.

Тема «Смоленские Хатыни» прослеживается также в работе творческого объединения «Поиск», руководимого Э. С. Гайдуковой. Цель — показать звериное лицо фашизма. В марте была открыта большая выставка, где представили материалы с потрясающими фактами, ледящими душу, из музеев и военкоматов 13 районов нашей области. А второе направление работы творческого объединения «Поиск» — «Герои не умирают»: о военных подвигах наших земляков.

И это далеко не весь объем работы, который ведет Эмилия Степановна. По-прежнему много сил и творческой энергии отдает она упоминавшемуся школьному историко-краеведческому музею, который в апреле 2012 года отметил свое 45-летие. Здесь собраны поистине бесценные материалы, подлинные реликвии — свидетели истории, представленные с большой любовью и продуманной тщательностью замечательным ее исследователем и хранителем.

Вот основные разделы: «Прошлое нашего края», «Они были первыми», «Великая Отечественная война», «33-я армия», «Учителя и ученики Тумановской школы на защите Родины» и т. д. Широта и уникальность охваченных материалами музея событий просто завораживает!

Помимо всего прочего, Эмилия Степановна успевает координировать участие ребят школы в районных конкурсах, посвященных историческим событиям и юбилеям знатных уроженцев Смоленщины.

Без какого-либо преувеличения хочу сказать, что эта маленькая, хрупкая женщина за свою многолетнюю жизнь совершила настоящий подвиг — подвиг сохранения Памяти военной истории в сердцах юных поколений. Об этом пишут с восхищением и благодарностью. Вот лишь несколько строк такого отзыва:

«Вашему мужеству, настойчивости и трудолюбию можно только позавидовать и благодарить Вас от имени всех Ваших героев за светлую память о них. Здоровья Вам, сил и еще многих лет труда во имя неугасимой памяти всех тех, кто страдал в окопах, в горящих деревнях, всех русских, грузинских, украинских, татарских, узбекских воинов и представителей всех других народов нашей Советской страны, женщин и детей, опаленных войной». (Из отзыва на книгу «Опаленные войной» А. П. Ромахова — директора Тумановской средней школы (1954—1959), Республика Адыгея).

От имени всех своих земляков присоединяюсь к этим словам и, низко кланяясь, благодарю Вас, Эмилия Степановна, за Ваши труд и мудрость, терпение и талант.

***Елена МАРМЫШ (КОРОБКОВА),
выпускница Тумановской средней школы,
красный следопыт с 1973 года.***

*Вяземский район,
Смоленская область*

Продолжая тему

БУДЕТ ЛИ ДОСТОЙНЫЙ ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ОККУПАЦИИ?

*Взгляд после многих выступлений «Правды» и обращений
к главе государства по проблеме государственной
значимости*

Сегодня «Правда» вновь вынуждена вернуться к теме, жгучая важность которой, как мы считаем, на страницах нашей газеты доказана сполна. Речь о необходимости увековечить во всероссийском масштабе память жертв фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны.

Казалось бы, что тут и доказывать, когда сами факты, если только знать о них, буквально вопиют, требуя мер, конкретных, достойных и, конечно, незамедлительных. Именно поэтому в преддверии 70-летия Великой Победы родилась наша рубрика, сопровождавшая затем многочисленные публикации: «Увековечение их памяти не терпит отлагательств».

Однако со времени первой из этих публикаций («Сожженные заживо вызывают к нам», в номере от 24—27 января 2014 года) прошло уже более полутора лет, а «нетерпимые отлагательства», можно сказать, всюду действуют. Более того, ни редакция «Правды», ни инициаторы, остро поставившие этот вопрос в своем обращении к президенту страны еще в 2008 году, до сих пор даже не знают мнения государственного руководства на сей счет. Весьма наглядное свидетельство, какова ныне реальная досягаемость власти для прессы и для общественных организаций, озабоченных той или иной проблемой государственного значения!

В данном случае — вместе с авторами множества откликов, опубликованных и неопубликованных, — мы убеждены: проблема в самом деле исключительно важная. Так давайте проследим, как же складывается отношение к ней «наверху», в официальных органах.

О чем согражданам недопустимо забывать

Но начну все-таки «снизу». Имея в виду, что какая-то часть наших читателей по разным причинам могла пропустить первую публикацию на эту тему полуторагодичной давности, начну с тех упомянутых инициаторов и с общественной организации, в которую они объединены.

Называется она «Поле заживо сожженных», а создал ее поэт и публицист Владимир Тимофеевич Фомичев. Во имя деятельной памяти!

Уроженец Смоленской области, он потом жил, служил, работал в разных местах, а теперь давно уже стал москвичом. Но не давало ему покоя великое горе земляков, перенесенное в годы гитлеровской оккупации, с которой совпало и его собственное детство.

Помнил, как захватчики перед бегством сожгли родную деревню Желтоухи. Расправились бы, наверное, и со всеми сельчанами, да не успели под ударами наступавшей Красной Армии. Позднее он узнает, что вокруг тогда, в марте 1943-го, ставшем для здешних жителей поистине кроваво-огненным, в заключенных домах и сараях, обнесенных колючей проволокой и обставленных пулеметами, заживо горели, задыхались, обугливались тысячи беспомощных людей, чья вина была лишь в том, что они — русские, советские...

Сколько же их было, российских Хатыней? По данным, которыми располагает сегодня Владимир Тимофеевич, со временем всецело посвятивший себя как истинный подвижник этой трагической теме, только на его родной Смоленщине гитлеровские палачи спалили дотла более 5 тысяч сел и деревень, около 300 из них — вместе с ни в чем не повинными детьми, женщинами, стариками. На многострадальной смоленской земле загублено 546 тысяч мирных граждан, что, по словам В. Т. Фомичева, «соответствует десяти Бухенвальдам: погиб каждый третий житель области».

Но все ли знают об этом даже на самой Смоленщине, уж не говоря о стране в целом? Вообще, что известно сегодня большинству наших соотечественников, особенно молодых, о том, какой она была, фашистская оккупация на временно захваченной советской территории, куда входили и 18 нынешних российских областей? В нашем общем Советском Союзе зримо напоминала про это белорусская Хатынь — впечатляющий мемориал, созданный на месте сожженной вместе с жителями деревни. Был и Бабий Яр, памятное место массовых расстрелов близ Киева. Но то и другое в 1991-м оказалось за границей, в других государствах...

Между тем под влиянием специфически сориентированных «демократических» СМИ у людей, не помнящих и не знающих той войны и того геноцида, который творили фашисты над населением Советской страны, все более складывалось представление, будто жизнь в оккупации, где, как им внушали, установилась власть «цивилизованных европейцев», была совсем не плохой. Отсюда же ведь ставшее расхожим: «Если бы немцы тогда победили, давно мы пили бы прекрасное баварское пиво...»

Вот что терзало и терзает душу Владимира Фомичева, знающего, что такое истинная гитлеровская оккупация на самом деле. Вот почему создал он это общество — «Поле заживо сожженных»: чтобы не в одиночку, а коллективно доносить до как можно большего числа людей правду о самом настоящем геноциде в захваченных фашистами российских областях. И вот почему так сильно овладела им и его единомышленниками эта идея: в общенациональном масштабе достойно увековечить память жертв войны, погибших не в боях, а от рук палачей, то есть загубленных беспомощных детей и женщин, инвалидов и стариков...

Это и аргумент в навязанном нам споре

— Да, обязательно должен быть у нас общий национальный памятник великой трагедии нашего народа, — говорилось с трибуны того Народного схода в Союзе писателей России, про который рассказал я на газетной странице в начале 2014 года.

Люди подчеркивали: он нужен, такой памятник, очень нужен! И не только чтобы могли мы поклониться памяти святых жертв, как поклоняемся сегодня могиле Неизвестного солдата. Это — сильнейший аргумент в навязанном нам споре о характере той войны, против попыток уравнивать обе сражавшиеся стороны.

Красная Армия с мирными гражданами не воевала. А о чем говорят людские потери СССР? Военнослужащих убитыми — 6,8 миллиона, умершими в результате ранений, болезней, в плену и т. д. — 4,4 миллиона. Общие же демографические потери — 26,6 миллиона человек.

Значит, округляя численность, правомерно сказать: 11 миллионов воинов Красной Армии и 16 миллионов беззащитных мирных жителей — вот наши потери во время грандиозной битвы 1941—1945 годов.

То есть вопрос стоит об увековечении памяти именно этих 16 миллионов. **Чтобы каждый в стране знал и помнил о них.**

Как могут гибнуть мирные, невооруженные люди, все мы насмотрелись за последнее время в телерепортажах из Донбасса. А недавно было показано открытие памятника в Донецке — с надписью: «Погибшим жителям города». Подумал я: «Как это справедливо, что не стали ждать окончания войны. А ведь у нас-то уже сколько лет прошло...»

На упомянутом Народном сходе, состоявшемся в Союзе писателей, фактически все говорили, что далее тянуть с этим уже просто нельзя. Когда появился мой материал в «Правде», авторы каждого из получаемых редакцией откликов (а их пришло много, и они продолжают идти) утверждали то же самое.

Но вот главное: не было и нет по сей день внятного ответа от тех, кто практически должен это решать. Кстати, уместно здесь — для полной ясности! — максимально четко выявить: а кто решать-то должен?

Разве в данном случае высокий адрес вызывает сомнение?

Владимир Фомичев и руководимое им общество вместе с другими очень авторитетными лицами, поддержавшими их, еще в 2008 году постановили: обратиться к президенту страны, каковым был тогда (письмо направлялось 18 ноября) Д. А. Медведев.

Точно ли выбрали адрес? По-моему, абсолютно точно: вопрос государственный — значит, рассматривать и решать его нужно на государственном уровне.

Оговорюсь, что вообще у нас, на мой взгляд, явно чрезмерна множественность посланий в адрес «первого лица государства», кто бы им в данное время ни был. Чуть что — к нему, батюшке. Причем широко распространено совсем уж наивное воображение, будто президент страны лично прочитывает едва ли не каждое обращенное к нему послание, определяя, что и как надо по нему сделать.

Безусловно, Владимир Тимофеевич и его товарищи подобной наивностью не страдают. Однако им хотелось бы, чтобы в том самом аппарате президентской администрации, где ежедневно получают и разбирают тысячи писем, было обеспечено внимательное прочтение каждого из них и соответствующее определение дальнейшей его судьбы.

Да, с чем-то вполне можно справиться на региональном или даже муниципальном уровне. Но есть в письмах проблемы, которые ОБЯЗАТЕЛЬНО требуется донести до большей высоты. Потому что масштаб их гораздо больший. И есть такие, что без определившегося и выраженного отношения к ним **«на самом верху»**, никакого реального движения они не получают.

Разве не такова идея общего национального памятника величайшей трагедии жителей России в огненное лихолетье? Это я привожу слова из того коллективного письма президенту страны от 18 ноября 2008 года, под которым поставили свои подписи многие весьма уважаемые наши соотечественники: народная артистка СССР Л. И. Касаткина, председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев, президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник Л. Г. Ивашов, доктор экономических наук М. Я. Лемешев, руководитель Высших литературных курсов поэт В. В. Сорокин и другие.

Что и говорить, список тех, кто идею горячо поддержал, мог бы под письмом продолжаться и продолжаться. Приведены ведь только некоторые имена — дабы привлечь внимание президентской администрации. Привлечь в надежде, что все-таки президенту лично доложат предложение, которое уважаемым авторам и всему сообществу, ими представляемому, видится чрезвычайно важным.

Однако надеялись напрасно...

Увы, по форме, но не по существу

Ну что ж, до президента идея тогда не дошла, и, как я уже сказал, мы до сих пор (!) не знаем мнения о ней государственного руководства — ни в лице бывшего президента, а теперь премьер-министра Д. А. Медведева, ни президента теперешнего — В. В. Путина. Закономерен вопрос: но кто-то «наверху» все же письмо читал и какие, в конце концов, потом были последствия?

Про последствия, если иметь в виду реальное дело, надеюсь, вы уже поняли: никаких. Но здесь показателен не только результат (да, конечно, нулевой), а и процесс. Поистине удивительный!

Разве не удивительно, скажем, что первый же чиновник, прочитавший **такое письмо** и почему-то посчитавший, что решение по нему должно приниматься не президентом, а кем-то другим, отправил его, как говорится, не по адресу? То есть отправил туда, откуда заведомо ответ получить можно было только отрицательный, — в министерство обороны.

Речь-то в письме шла о людях не военных, а гражданских. Значит, аргумент для отписки — на поверхности! Вот и следует 13 февраля 2009 года послание на имя В. Т. Фомичева:

*«Уважаемый Владимир Тимофеевич! Ваше обращение (а ведь не только его, заметим. — **В.К.**) по вопросу создания мемориалов мирным жертвам Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в Управлении Министерства обороны Российской Федерации (по увековечению памяти погибших при защите Отечества) по поручению рассмотрено.*

Управление Министерства обороны Российской Федерации (по увековечению памяти погибших при защите Отечества) под-

держивает идею о создании мемориалов мирным жертвам Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Вместе с тем, в соответствии с законом Российской Федерации от 14 января 1993 года № 4292—1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», Указом Президента Российской Федерации от 22 января 2006 года № 37 на Министерство обороны Российской Федерации возложены полномочия по увековечению памяти погибших при защите Отечества.

В связи с вышеизложенным создание мемориалов мирным жертвам Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в компетенцию Минобороны России не входит.

Начальник Управления МО РФ (по увековечению памяти погибших при защите Отечества) А. КИРИЛИН».

Значит, в их компетенцию не входит. А в чью же входит? Задуматься бы об этом начальнику управления министерства — «государственному человеку».

По форме-то, наверное, начальник этот в своем ответе и прав. Но, по-моему, больше правы в своем возмущении авторы письма. Если в управлении МО увидели, что напрямую это, по сути новое, предложение лично их к реализации не обязывает, но саму идею государственного значения они поддерживают, то **обязаны были** (да, да, именно обязаны!) довести свое мнение до тех, от кого реализация зависит. Кто это? Президент, правительство, Госсовет, Совет Федерации, Госдума, Общественная палата?..

Мне представляется, что в управлении министерства обороны, занимающемся проблемами увековечения памяти, лучше В. Т. Фомичева и меня знают, с кого и как начинать решение такого вопроса. А поскольку дело предлагается, повторяю, фактически новое и масштаб его общегосударственный, наверное, без позиции президента не обойтись. В самом деле, общероссийский монумент или мемориал, посвященный миллионам мирных граждан, погибших во время Великой Отечественной, — великое, святое дело национального значения!

Вот из управления министерства обороны, куда это предложение формально переслали, и написать бы президенту: мы поддерживаем и просим вас поддержать!

Нет, не написали. Просто отписались. А дальше уж пошло по белличьему кругу.

Просят об одном, а отвечают о другом

Очередное обращение общества «Поле заживо сожженных» к президенту РФ было спущено в министерство культуры. Консультант департамента письменных обращений граждан из президентской администрации Я. Ахмадов послал авторам за своей подписью следующий текст:

«Сообщаем, что ваше обращение, поступившее на имя Президента Российской Федерации, рассмотрено и в соответствии с ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» направляется в Министерство культуры Российской Федерации для принятия решения и ответа вам по существу вопроса (ов)».

Так что ж, после этого и решение было принято, и ответ по существу дан? Многого захотели. Я специально полностью привожу эти сугубо канцелярские ответы, чтобы видно было, с какой бюрократической пунктуальностью выписываются здесь всяческие номера законов, их частей и статей, но... от решений-то реальных при этом и уходят.

Ответ, полученный В. Т. Фомичевым из министерства культуры Российской Федерации:

«Департамент культурного наследия и изобразительного искусства внимательно рассмотрел Ваше обращение по вопросу увековечения памяти погибших мирных граждан во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, полученное из Администрации Президента Российской Федерации, и, в рамках своей компетенции, сообщает следующее...

Решение вопросов об установке памятников в Москве находится в ведении правительства Москвы и регулируется законом г. Москвы № 30 от 13 ноября 1998 г. «О порядке возведения в городе Москве произведений монументально-декоративного искусства городского значения».

В соответствии с Федеральным Законом № 131 от 06. 10. 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» финансирование сооружения мемориальных объектов не общегосударственного значения находится в компетенции субъекта Российской Федерации.

Мемориальные памятные знаки устанавливаются по решению местных органов исполнительной власти. Они же принимают решения о других формах увековечения памяти.

С уважением

директор Департамента культурного наследия и изобразительного искусства

Р.Х. КОЛОЕВ».

Как говорится, и точка. Но погодите, погодите! В федеральном министерстве, чтобы сбросить с себя эту заботу, сослались на московский закон, касающийся произведений монументально-декоративного искусства городского значения. Однако в письме-то, что я постоянно вслед за его авторами подчеркиваю, ставится вопрос о другом — о памятнике **значения общегосударственного!** Как же могли не узреть этого (самого главного!) читавшие письмо в министерстве культуры РФ?

Обратите внимание: отписываясь, директор департамента для большей убедительности сослался и еще на один закон, где говорится, что «финансирование сооружения мемориальных объектов не общегосударственного значения (выделение мое. — В.К.) находится в компетенции субъекта Российской Федерации». То есть в данном случае — города Москвы. Так в департамент культуры города Москвы, представьте себе, и последовало далее письмо!..

Боюсь чересчур утомить читателей цитатами из казуистически-пустопорожних ответов, полученных В. Т. Фомичевым и его соратниками на такое важное (не только с их точки зрения!) обращение. Постараюсь короче.

Заместитель руководителя департамента культуры в правительстве Москвы О. В. Гришина, конечно же, ссылаясь на уже знакомый нам местный закон о порядке возведения произведений монументально-декоративного искусства городского значения, не утруждаясь вникнуть, что речь-то идет о масштабе совсем ином. Впрочем, чего ей вникать? У нее прямо-таки неопровержимое обоснование для отписки наготове:

«В порядке информации сообщаем, что, принимая во внимание сложившиеся в экономике кризисные тенденции, программа реализации сооружения памятников в Москве за счет городского бюджета приостановлена... Таким образом, в ближайшие годы со-

оружие памятника защитникам тыла (? — В.К.) в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. за счет бюджета города Москвы не представляется возможным».

Дата этого ответа — 1 декабря 2010 года. Учтем «кризисные тенденции»? Но вот опять недоразумение: ведь общество под названием «Поле заживо сожженных» ни в одном своем письме не ставило и не ставит вопрос о сооружении памятника в Москве именно за счет городского бюджета. Да и вообще о месте создания такого памятника или мемориала (типа белорусской Хатыни) высказываются разные предложения. Да, может быть, на Поклонной горе. Но есть, например, мнение, что он должен быть на границе Московской и Смоленской областей. Ясно только: не в масштабе одного города или одной области требуется это осуществлять. Потому и обратились Фомичев с товарищами, не получив поддержки от президента, к губернаторам 18 регионов, испытавших в свое время на себе фашистскую оккупацию: объедините силы и средства во имя благого дела!

А каковы же ответы? Вполне единообразные: дело нужное, но... выделение средств на него в бюджете области (или края) не предусмотрено.

Ну да, средства, деньги... Некоторые в ответах добавляли: «К сожалению, не предусмотрено». Только в письме из администрации Московской области прозвучало: «На наш взгляд, создание обобщающего памятника погибшим, замученным во время войны мирным гражданам должно рассматриваться на федеральном уровне на основании открытого всероссийского конкурса на определение места его установки, художественного образа и источника финансирования».

Конечно же, тут требуется федеральный уровень и, конечно, нужен открытый всероссийский конкурс, чего, собственно, и добивается общество «Поле заживо сожженных»! Но обратите внимание: правительство Московской области информирует об этом обратившихся к нему, будто сами они не знают, а оно-то, областное правительство, тут же от идеи полностью устраняется. Вместо того, чтобы, как совершенно правильно считает В. Т. Фомичев, инициировать такой конкурс на федеральном уровне. Да представьте себе, если бы все 18 губернаторов, на словах считающие дело нужным, написали

об этом президенту, неужели и тогда осталось бы государственное предложение безо всякого внимания «на самом верху»?

Сколько же доброго губится в такой иезуитской канцелярщине!..

Впрочем, что было бы тогда, гадать не будем, поскольку губернаторы, как ранее и сама президентская администрация, просто формально отписались.

И что же дальше?

Время шло. Вместо президента Д. А. Медведева стал В. В. Путин. Но изменилось ли что-либо в отношении к святой идее, которую пытается реализовать общество «Поле заживо сожженных»? Скажу сразу: ни-че-го!

Потому и провели они в конце 2013 года тот памятный Народный сход в Союзе писателей России. Потому и обратились в «Правду».

Напомню, опубликовав материал о большом разговоре, состоявшемся во время Народного схода, мы в газете дали такое заключение от редакции:

«Ждем ответа федеральных, региональных, местных властей. И обращаем два вопроса к нашим читателям:

1. Есть ли у вас какие-то свои знания очевидца или потомка очевидцев о зверствах немецко-фашистских захватчиков в оккупированных российских областях?

2. Каковы ваши предложения по увековечению памяти жертв этих злодеяний?»

О, до чего же горький и равнодушный поток откликов хлынул в редакцию после этого обращения! Писали и люди старшего поколения, которые сами в детстве стали очевидцами фашистских зверств, и те, кто многое узнал от своих уже ушедших из жизни родителей, бабушек и дедушек. А некоторые (как, например, журналист Евгения Пришлецова из города Десногорска Смоленской области) полностью посвятили себя историческим исследованиям и сбору материала на эту тему.

Меня потрясла карта геноцида на территории Смоленщины в 1941—1943 годах, составленная той же Евгенией Ивановной При-

шлецовой. Кроме сожженных вместе с жителями сел и деревень, нанесены на нее и бывшие здесь гитлеровские концлагеря, гетто, лагеря для гражданского населения. «Нет таких казней, которые не применяли бы захватчики в отношении мирных жителей, нет таких мук, которые не испытали бы смоляне», — написала Евгения Иванова.

Между тем увековечивают память не их, а захватчиков! Возмущение местных жителей вызвало открытие летом 2013 года в районном городке Духовщина немецкого военного кладбища. Да, немцы стояли здесь два с лишним года, с июля 1941-го, и за это время население района сократилось... вчетверо! Здесь было несколько лагерей смерти, сжигались деревни и их население, многих угнали на рабскую работу в Германию...

Разве не кощунство после всего этого обустроить и торжественно открывать кладбище оккупантов? Рядом с ним теперь заметно скромнее выглядит мемориал советским воинам в Духовщине. Ну а достойного мемориала в память всех загубленных оккупантами жителей России по-прежнему нет вообще.

Почему же? Власть не считает это важным и нужным? И мнение «снизу» не воспринимается как решающее «на самом верху»? Не учли же там массовые протесты и сопротивление на смоленской земле против почетного захоронения фашистских палачей.

Но в обществе «Поле заживо сожженных» многие по-прежнему уверены: что касается идеи, за которую они бьются, то главное — «до самого верха» (конкретнее, лично до президента) это не доходит. «Правда» полтора года печатала материалы — ну что ж, значит, президенту не докладывали...

И вот все публикации, а это в основном письма наших читателей, производящие, прямо скажем, сильнейшее впечатление, собраны и вместе с кратким сопроводительным письмом руководителей общества «Поле заживо сожженных» переданы в управление президента по работе с обращениями граждан и организаций. «Ну уж теперь, — думали обращавшиеся, — кто-то непременно и внимательно прочтет, а стало быть, поймет абсолютную необходимость донести эту проблему до президента».

Не тут-то было! Все обернулось буквально повторением пройденного: *«Ваше обращение на имя Президента Российской Федерации,*

полученное 28.10.2014 г. в письменной форме и зарегистрированное 29.10.2014 г. за № 1091676, рассмотрено и направлено в Министерство культуры Российской Федерации в целях объективного и всестороннего рассмотрения с просьбой проинформировать Вас о результатах рассмотрения (часть 3 статьи 8 Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»).

Советник департамента письменных обращений граждан и организаций А. КУЗИНА».

Опять в министерство культуры? Опять! И хотя минуло уже без малого четыре года, и уже другой президент в стране, и министр культуры другой, а ответ из министерства — почти как под копирку: *«Сооружение памятников в Москве регулируется Законом г. Москвы от 13 октября 1998 года № 30 «О порядке возведения в г. Москве произведений монументально-декоративного искусства городского значения»...*

Как видите, это мы уже читали. Опять не поняли (или не захотели понять?) — ни в президентской администрации, ни в министерстве культуры, — о памятнике какого значения идет речь. Отнюдь не городского! А между тем сообщили же в министерском ответе: *«В соответствии с имеющимися бюджетными полномочиями Минкультуры России может финансировать только творческий конкурс на лучшее архитектурно-скульптурное решение проекта памятника, сооружаемого в соответствии с указами и поручениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации».*

Так вы, господа, на своем государственном уровне (все же администрация президента и все же министерство как-никак!) хоть что-то предпримите, чтобы такой указ или поручение, постановление или распоряжение появилось на свет. Прочитайте как следует, наконец, надрывающие душу обращения людей по этой жгучей проблеме и подскажите необходимость ее решения главе государства. Если, конечно, он «не в курсе»...

А то ведь от имени множества единомышленников очень верно написал к нам в «Правду» руководитель общества «Поле заживо сожженных» Владимир Тимофеевич Фомичев: «Важнее проблемы, чем о наших национальных святынях, не может быть. Однако

народная просьба о создании Всероссийского мемориала памяти жертв небывалой за всю мировую историю трагедии гражданского населения оказалась выше сил государства. При ее рассмотрении на президентском уровне — от первого туда обращения — прошло более 80 месяцев. За такой срок поколение наших родителей и дедов победило жуткого агрессора в Великой Отечественной войне и отменило после нее карточную систему. Современная же власть сумела лишь показать, как можно губить насущное, справедливое, поистине божеское дело в иезуитской канцелярщине».

Лучше, право, не скажешь...

Виктор КОЖЕМЯКО.

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

СПРОСИМ СЕБЯ: НИКТО НЕ ЗАБЫТ?

Уже более года я и мои товарищи с неослабным вниманием следим за публикациями в «Правде» под рубрикой «Увековечение их памяти не терпит отлагательств». Она была начата пронзительной статьёй журналиста Виктора Кожемяко «Сожжённые заживо призывают к нам», поведавшей об актуальной инициативе общественного объединения, которое создал и возглавил поэт, публицист, а главное — настоящий патриот Владимир Тимофеевич Фомичёв.

Объединение это получило название «Поле заживо сожжённых». Сам переживший в детстве ужасы немецко-фашистской оккупации на Смоленщине и едва не спалённый живьём вместе с тысячами здешних жителей при массовых сожжениях гитлеровцами российских деревень, Владимир Тимофеевич поставил перед собой и своими соратниками благороднейшую задачу, которую самым активным участием поддержала газета «Правда».

ЗАДАЧА ЭТА — достойно увековечить во всероссийском масштабе память многомиллионных жертв, которые понесла наша страна за период фашистской оккупации части советской территории во время Великой Отечественной войны.

Сколько душераздирающих писем и других материалов опубликовано об этом в газете! А результат? С острой болью и крайним возмущением восприняли мы факты казнённых, формальных отписок из высших органов власти, о которых подробно рассказал в очередной своей статье бескомпромиссный борец за правду и память о той Великой войне Виктор Стефанович Кожемяко. На сей раз его выступление в «Правде» (№ 106 от 25—28 сентября) названо так: «Будет ли достойный памятник жертвам оккупации?»

Скажу честно, мне и моим товарищам в заголовке этом послышался не просто вопрос, а и отзвук некоторого отчаяния. Конечно, автор всем убедительнейшим текстом и всем духом страстного сво-

его монолога призывает упорно продолжать борьбу за благое дело. Но чувствуется, что поддержка усилиям газеты со стороны читателей должна получить новый, ещё больший импульс. А поскольку мы, коллеги по «Мосэнерго» и единомышленники по фонду «Монумент», тоже не первый год буквально боеем этой жгучей для нашего общества проблемой, я решил высказать через «Правду» некоторые наши соображения и предложения в связи с истинно святым делом, которое действительно, в полном смысле, не терпит отлагательств.

Жизнь заставила нас задуматься

Я не случайно поставил знаменитые и сакральные слова в название своих заметок: «Никто не забыт...» Слова эти обладают воистину какой-то неестественной, высшей силой, производящей на человека действие, равное, пожалуй, поднебесному звучанию хорового пения в храме. Но вот приходится ставить после них знак вопроса. И становится невероятно больно на душе, когда снова и снова понимаешь: на деле они так и остаются пустым звуком. Несмотря на то, что в преамбуле действующей Конституции РФ записано, как клятва: «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», наш коллектив единомышленников, объединённый этим великим чувством благодарности, особенно к павшим в борьбе за свободу Родины, к сожалению, уже неоднократно встречался с непростительным беспамятством.

Так, с фактом недопустимого забвения героев мы столкнулись в 1996 году, когда на Кузьминском кладбище в Москве обнаружили безымянные захоронения моряков подводной лодки К-19, спасших 4 июля 1961 года своими жизнями мир от ужасного ядерного взрыва. И вот АО «Мосэнерго», где многие из нас трудились в то время, взяло шефство над заброшенными могилами, и в 1998 году был сооружён замечательный монумент в честь подводников. Оставшиеся в живых члены команды написали в адрес энергетиков необыкновенно сердечные, проникновенные слова благодарности. Наши души ликovali!

С хорошим результатом нам удалось поучаствовать и в создании памятника ещё одной практически забытой плеяде героев. Это работники «Мосэнерго» и бойцы инженерных войск Красной Армии, которые сумели накануне наступления фашистов на Москву по заданию Государственного Комитета Обороны соорудить впервые в мире мощную защиту из колючей проволоки в виде полукольца протяжённостью более 200 км, находившуюся под напряжением и ставшую существенным препятствием для быстрого продвижения вражеских войск к советской столице. Памятник открыт 22 июня 2013 года в районе Нахабино. И, я думаю, верно говорилось на митинге, что он по праву увековечил память создателей «линии энергообороны», энергозаградителей, внёсших свой значимый вклад в оборону Москвы, которую врагам не удалось покорить.

Но вот уже во время создания этого памятника, работая в архивах, мы всё больше задумывались о том, сколько наших соотечественников, погибших в ту страшную войну, оказались фактически в забвении. А прежде всего это относится к тем, кого Лев Толстой уважительно называл «дубиной народной войны», то есть к боровшимся во вражеском тылу и к тем, кто всячески помогал им, будучи так называемыми мирными жителями, — старикам, женщинам, детям.

Недавняя статья Виктора Кожемяко в «Правде», о которой я выше сказал, ещё раз подтвердила укоренившуюся несправедливость по отношению к их памяти. Судя по приведённым ответам из министерства обороны, там считают своей обязанностью лишь увековечение памяти входивших в армейские послужные списки. А как же остальная часть жертв ужасной бойни, учинённой фашистами? Её, выходит, как-то оставили между ведомствами, почему мы и пришли к такому печальному состоянию. Но ведь против фашистского нашествия сражались и партизаны, и подпольщики, и участники народного ополчения — прямые соратники действующей армии. И сколько людей, оставшихся безымянными, активно помогали в этой всенародной борьбе всем, чем только могли. Жертвовали они не только материальными утратами или здоровьем — жертвовали жизнью! Уничтожение населения на временно захваченных советских территориях фашисты поставили, как известно, на поток, применяя самые разнообразные изуверские способы.

Даже в ООН не знают, сколько у нас погибших

Сколько же было уничтожено? В недавно вышедшей книге «Война», автор которой министр культуры В. Мединский, можно прочитать: «Уничтожено почти 19 миллионов мирных жителей, по 13 тысяч, в основном детей, женщин и стариков, ежедневно в каждый из 1418 дней войны».

От себя добавлю: это — самый громадный в истории Земли массив гражданских жителей одного государства, погибших в период одной войны. Он в 2,5 раза больше, чем число погибших среди наших военных: их — 8,5 миллиона.

Ставлю, однако, вопрос. В упомянутой книге официального лица говорится о 19 миллионах уничтоженных мирных жителей, а в других источниках, тоже официальных, встречаешь иную цифру — 16 миллионов. Разумеется, и то, и другое ужасающе. Но всё же разноречивой свидетельствует, что до сих пор даже не сумели создать единую систему учёта погибших во время той войны. Мы считаем, такое отношение к погибшим предкам есть надругательство над их памятью, не позволяющее вести должную работу по их увековечению. Может быть, поэтому численность жертв гражданского населения невозможно найти ни в одном нашем музее, ни на одном памятнике, и сколько же ещё времени такое может продолжаться?

Поставлю и второй вопрос — о применении к погибшим в годы фашистской оккупации советским людям термина «геноцид». Он означает преступные действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую путём убийства, причинения тяжкого вреда, создания невыносимых жизненных условий. Признаны геноцидом уничтожение племён гереро и нама в 1904—1907 годах, убийство и депортация христиан в Османской империи в 1915—1923 годах, истребление гитлеровской Германией в период Второй мировой войны евреев и цыган, хорватским фашистским режимом — сербов и т.д. Но почему-то это страшное определение никак не хотят применить к многомиллионным жертвам гитлеровских захватчиков среди советских людей! Хотя рядом с кровавыми последствиями фашистской оккупации у нас всё остальное меркнет.

В результате слабой работы нашего нынешнего государства по увековечению памяти жертв той Великой войны мы имеем и соответствующую реакцию мировой общественности. Вершину потрясающе безразличного отношения я особенно ощутил при посещении здания ООН в Нью-Йорке. Экскурсоводы рассказывают посетителям здешнего музея, какие огромные суммы тратятся сейчас в мире на подготовку к войне, поэтому, дескать, надо особенно ярко демонстрировать ужасы, с ней связанные. Так вот, для этих целей там создан зал, посвящённый кровавому преступлению фашизма в период Второй мировой войны — Холокосту. Здесь размещены фотографии евреев, погибших в лагерях смерти, их вещи и т.д., что действительно вызывает искренние слёзы.

Но я невольно спросил экскурсовода: «А знаете ли вы, сколько советских людей отдали жизнь за победу в той войне?» И вдруг услышал вообще невероятный для такого уровня работника ответ: «Нет, не знаю». Я даже растерялся: «Вы не слышали, что наша страна положила на алтарь свободы человечества более 27 миллионов жизней своих сыновей и дочерей, причём самое страшное, что среди них 19 миллионов — гражданских жителей?» И снова потрясающая реакция: «Не может быть!»

Поделюсь и горьким чувством, пережитым в Германии. Достаточно сказать, что перед рейхстагом создан памятный уголок о геноциде 180 тысяч цыган и громадный мемориал, посвящённый Холокосту, что, разумеется, вполне понятно и правильно. Только вот об убийстве 27,5 миллиона советских людей нет даже скромной таблички, хотя нас уверяют, что немцы где-то принесли свои извинения...

Их целью и методом было уничтожение

Фашисты совершили в нашей стране неслыханное доселе преступление против советских мирных жителей, с которым по ужасу, масштабам и применению изуверских способов умерщвления безоружных людей мир встретился впервые. Людей сжигали живьём, расстреливали, душили, травили, кололи штыками, забивали сапогами, а предварительно издевались, мучили, насиловали. Не щадили даже младенцев. Вот мнение Тэйлора, представителя обвине-

ния от США на Нюрнбергском процессе: «Зверства, совершённые вооружёнными силами и другими организациями Третьего рейха на Востоке, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь. Я думаю, анализ покажет, что были не просто сумасшествие и жажда крови. Наоборот, налицо имелись метод и цель. Эти зверства имели место в результате тщательно рассчитанных приказов и директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз и представляющих собой последовательную логическую систему».

О том, что это было именно так, свидетельствуют многие тысячи документов, зафиксировавших планы фашистов и их реализацию. Это были планы и реализация самого настоящего геноцида в отношении народа нашей страны!

Вот лишь несколько примеров, от которых волосы встают дыбом. Из больницы в станице Нижнечирская фашисты вывезли за околицу всех детей в возрасте от 6 до 12 лет. Малышей подводили к немцу по имени Алекс, который в упор расстреливал их из автомата в голову и сбрасывал в яму. Дети вырывались и кричали: «Дядя, я хочу жить, не стреляйте в меня!», но невозмутимые завоеватели продолжали своё ужасное дело.

В Минске захватчики сначала поместили около четырёхсот советских граждан в таком небольшом закутке, что немецкий палач докладывал своему шефу: «Лица, согнанные в это тесное пространство, едва могут шевельнуться и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят». Истребление заключённых сопровождалось чудовищным изуверством. Фашисты жгли вместе с домами живых людей, истязали обречённых перед казнью. «Люди плачут, а мы смеёмся над их слезами», — писал домой обер-ефрейтор Иоганн Гердер.

В населённом пункте Борки недалеко от Бреста расстреляно 705 человек. Из них — 130 детей, 322 — женщины. В деревне Басманово Смоленской области немцы выгнали в поле более 200 школьников, прибывших на уборку урожая, и перестреляли. Большую группу школьников увезли в свой тыл «для господ офицеров». В Таганроге «за повреждение телеграфной связи» расстреляно одновременно 403 мирных жителя. В посёлке Гурки Витебской области отравлены два эшелона советских граждан. В Минске за два дня отравили 1500 стариков, женщин и детей...

И таких страшных примеров масса. Многие, как мы знаем, вылились на страницы «Правды» в связи с инициативой общественного объединения «Поле заживо сожжённых» во главе с В.Т. Фомичёвым. На их фоне мозг отказывается понимать, почему власти страны по-прежнему столь равнодушно относятся к этой буквально кричащей проблеме — увековечению памяти жертв фашизма, который, следует это подчеркнуть, опять вовсю поднимает голову — на Украине, в Прибалтике, в странах Восточной Европы и т.д.

А наш народ разьединён, утратил веру в собственные силы. Ему всё время напоминают, что он разбит и повержен в своих коммунистических устремлениях ввысь. К тому же люди вконец запутаны бесконечными обманами и фальсификациями, исходящими от деятелей, копающихся грязными руками в нашей истории. Вытаскивают, например, из нафталина какие-то мнимые героические «заслуги» белогвардейского генерала Корнилова. Хотя не говорят о его главном приказе своим войскам по отношению к восставшему русскому народу: «Пленных не брать! Я за всё отвечаю!»

Впрочем, идеализируют из всех сил не только Корнилова, Каппеля, Колчака и других руководителей белогвардейщины, боровшихся с собственным народом. Чуть ли не героев делают из гитлеровских генералов и фельдмаршалов, которые несли смерть на нашу землю. Они выглядят нередко куда интеллектуальнее и благороднее, чем командующие Красной Армией! Вот так всё перевёртывается с ног на голову...

Мало провозглашать — надо делать

Недавно министр иностранных дел С. Лавров сказал, что отдать дань памяти погибшим за нас — это важнейший способ патриотического и морального воспитания населения. Сказано верно. Однако что на деле? Наше изучение состояния этого процесса показало, что даже в Москве нет ни одного памятника или музея с яркой экспозицией, куда можно было бы привести молодёжь и продемонстрировать, как мужественно сражалось советское гражданское население, в том числе их сверстники, против оккупантов. Куда-то исчезло большинство известных нам со школы материалов о подвигах под-

польщиков, юных героев — пионеров и комсомольцев, членов легендарной «Молодой гвардии» в донбасском городе Краснодоне и других известных борцов с фашизмом. Их заменили помпезными диорамами, напыщенными, но мало что дающими для души и ума залами и мелкими, производящими убогое впечатление стендами. И не случайно проведённый нами широкий опрос показал, что практически никто не смог назвать даже приблизительную численность жертв фашистского геноцида!

Можно ли после этого утверждать, что никто не забыт? Состояние у нас было удручающее. Столько слов о Победе, гимнов о вечной памяти павшим в дни праздников — и такое фактически полное их забвение на деле. Душа рвалась в бой с беспамятством. Возникло чувство, что теперь будет невозможно спокойно жить, пока не удастся воздать должное погибшим. И при этом — растерянность от непонимания столь равнодушного отношения к нашему прошлому...

Чтобы посвятить себя всерьёз и надолго святому делу увековечения памяти жертв фашизма, ещё в июне 2012 года мы учредили Фонд содействия созданию народного монумента в память о геноциде советского мирного населения в годы Великой Отечественной войны (сокращённо — фонд «Монумент»). Для укрепления уверенности в правильности нашей позиции было подготовлено «Обращение к соотечественникам по поводу организации в стране народного движения за создание памятного мемориала». Мы призывали людей с гражданской совестью включиться безвозмездно в эту сложную, но исключительно благодарную работу, сами начали изучение и сбор в архивах, на местах исторических событий и связанных с ними документов, устных рассказов, вещественных свидетельств.

Наше начинание получило одобрение ряда известных людей России. Среди них — писатели В.Г. Распутин, В.Н. Ганичев, С.Ю. Куняев, А.И. Казинцев, народные артисты России Н.Н. Губенко, Н.П. Бурляев, А.Я. Михайлов, дважды Герой Советского Союза лётчик-космонавт В.П. Савиных и другие.

Председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев, почувствовав близость наших действий своим взглядам, несмотря на бесконечную перегруженность, дал согласие возглавить Координационный совет Фонда.

На этой волне поддержки и родилось письмо в адрес президента В.В. Путина с рассказом о начатом нами народном движении за сооружение мемориала в память о 19 миллионах жертв фашистского геноцида и с просьбой поддержать это начинание. Но... после двух месяцев молчания лишь по нашему дополнительному требованию мы получили ответ. Документ подписала заместитель руководителя департамента культуры московского правительства Е.В. Проничева.

Трудно представить, как можно было подмахнуть такое письмо, даже не посмотрев экспонаты, на которые идут ссылки. Так, в письме сообщается, что «в Москве память жертв геноцида советского мирного населения в годы Великой Отечественной войны увековечена установкой скульптурной композиции «Трагедия народов» на Поклонной горе», а в Центральном музее Великой Отечественной войны якобы широко представлены документальные материалы и архивные свидетельства о величайшей трагедии советского народа в годы войны. Таким образом, перенесённая на задворки здания музея неудачная скульптура Церетели, созданная совсем на другую тему, по мнению начальницы, должна была подняться на недостижимую высоту. А из документов, на которые она ссылалась, в музее висит лишь небольшая табличка, сообщающая некоторые составляющие ужасных наших потерь. Нигде, даже в зале скорби, не звучит траурным маршем слово «геноцид», не врывается в душу общая святая цифра погибших — 19 миллионов.

На кого же надеяться?

Случайно мы узнали о возможности получить от президента средства на нашу деятельность путём участия в конкурсе НКО на гранты. Для подготовки конкурсной документации потребовалась масштабная работа. Но нам отказали и в этой надежде. Причём без объяснения причин: отказали — и всё. А потом точно таким же образом отказывали ещё четыре раза!

Стыдно признаваться, но попытались мы с В.Н. Ганичевым обратиться за помощью и к олигархам. В частности, к В. Лисину и В. Потанину. Но оттуда даже не ответили нам.

Надежда осталась, как всегда, лишь на самый бедный и нуждающийся, но и самый отзывчивый класс — трудовой наш народ. На свои скромные средства он уже сооружал памятные знаки защитникам Родины от завоевателей. В честь победы над поляками в XVII веке — всем известный памятник К. Минину и А. Пожарскому на Красной площади, в память о разгроме французов в XIX веке — Храм Христа Спасителя в центре столицы. Интересно, что происходили эти события с периодичностью раз в двести лет. Теперь подошёл и наш двухсотлетний рубеж. Мы считаем, что настало время отдать долг великому подвигу и жертвенности 19 миллионов советских людей, погибших в годы фашистской оккупации. Для этого на базе нашего Фонда «Монумент» организован сбор народных средств на сооружение мемориала. От имени Фонда я публично клянусь перед будущими инвесторами и пожертвователями, что мы не допустим, чтобы хоть один рубль из их даров ушёл на другие цели. В этом сможет убедиться любой желающий.

В заключение хочу сказать, что наш Фонд полностью поддерживает выводы, содержащиеся в публикациях газеты «Правда» на остро волнующую не только нас тему. Мы готовы вместе с другими организациями в составе народного движения буквально сражаться за создание мемориала по увековечению памяти жертв фашистского геноцида. Для этого надо общими силами с помощью народа подвинуть власть страны на осуществление этой задачи и так же сообщая, на наш взгляд, продолжить сбор необходимых народных средств.

P.S. Уважаемые единомышленники! Просим вас имеющиеся у вас факты о героическом сопротивлении и гибели советских мирных людей в годы Великой Отечественной войны отправлять на сайт www.fond-monument.ru. Там же указаны наши реквизиты, на которые при желании можно переслать инвестиции для сооружения мемориала в память об этих героях и жертвах фашизма на нашей земле.

**Владимир Иванович ГРИШИН,
заслуженный энергетик РФ, ветеран «Мосэнерго»,
президент фонда «Монумент»**

РЕЖИМ ТОЛСТОКОЖИХ НАРОДУ НЕ ВНЕМЛЕТ

Откликаюсь на статью В.С. Кожемяко в газете «Правда» от 25—28 сентября 2015 года.

УВАЖАЕМЫЙ Виктор Стефанович, вы спрашиваете: «Будет ли достойный памятник жертвам оккупации?» Отвечаю: не будет. Я уже писал в «Правде» о том, кому эта власть ставит памятники (статья «Патриотизм как средство обогащения» в №79 с.г.): Столыпину, Колчаку, Маннергейму, белочехам и т.д., то есть тем, кто классово и духовно близок этой власти. А тут надо поставить памятник невинным мученикам из народа, а не из эксплуататорского класса.

Знает ли о поднятой теме президент? Знает, но он служит своему классу, а не классу рабочих и крестьян. Президент, который говорит, что Советский Союз ничего не производил, кроме галош для Африки; что бойцы Красной Армии совершали свои подвиги под дулами заградотрядов, — такой президент ставить памятник советским людям, заживо сожжённым фашистскими палачами, не будет. А вот памятники фашистским захватчикам ставят и будут ставить с ведома президента, потому что за эти позорные мемориалы чиновники получают мзду от Германии. А что они получают от народного памятника? Ничего.

«Но вот главное, — пишете вы, — не было и нет по сей день внятного ответа от тех, кто практически должен это решать». Не будет ответа. Обращаться к денежным мешкам и их покровителям, служителям — бесполезно. Под толстой кожей нет ни сердца, ни совести.

Откуда в стране оголтелый антикоммунизм? В стране, построившей социализм, то есть самое справедливое, самое разумное, самое человеческое общество на Земле. По словам Владимира Ильича Ленина, нельзя идти вперёд, не идя к социализму. И вот что мы видим теперь в стране, которая являлась не только сверхдержавой, но и примером для всего угнетённого человечества, примером выхода из империалистического тупика. Надо быть идиотом или ярким врагом Отечества, чтобы променять Советский Союз на капиталистическое рабство!

Антикоммунизм в стране — от первых лиц в государстве: от антисоветского президента, от антисоветского премьера, которые и не

скрывают своего отношения к советскому прошлому, к Советской власти, к Советскому Союзу.

Сырьевой придаток Запада и Востока, подсобное хозяйство мировой капиталистической системы их до недавнего времени устраивало. А если Запад снимет санкции, будет устраивать полностью и впредь. Так что надеяться на «федеральный уровень» не стоит.

И к Победе они примазались, чтобы понравиться народу и удержаться у власти. А по существу, не их эта Победа, политических владовцев. Эта Победа — советского строя и советского народа, под руководством Коммунистической партии во главе с товарищем Сталиным.

«Современная же власть, — цитируете вы руководителя общества «Поле заживо сожжённых» Владимира Тимофеевича Фомичёва, — сумела лишь показать, как можно губить насущное, справедливое, поистине божеское дело в иезуитской канцелярщине». Согласен, что губится справедливое дело. Но суть всё-таки не в «канцелярщине», а в буржуазной основе власти, которой нет дела до трудового народа и его нужд.

Сотни примеров тому. Вот, скажем, «дети войны», для которых нет денег, а для Ротенберга деньги есть. Или строительство вредного комбината в заповедной зоне Воронежской области и тому подобное. Несть числа!

*Кирилл Фёдорович СОЛОДУБ,
член Союза писателей-переводчиков России*

МЕМОРИАЛУ БЫТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО

Обширная аналитическая статья правдиста Виктора Кожемяко («Правда», 25—28 сентября с.г.) заставила меня взяться за перо. Есть о чём задуматься, есть от чего взволноваться. В самом деле, будет ли достойный памятник жертвам фашистской оккупации на нашей земле?

МНЕ, ИНВАЛИДУ Великой Отечественной, прошедшему военными дорогами от Сталинграда до словацкой Братиславы, нередко до-

водилось бывать в московских школах. То были «уроки мужества», которые длились в течение сорока пяти минут. Как и положено в школе, я вёл рассказ о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах. Мне, естественно, задавали вопросы, а я отвечал.

Были и такие:

— Игорь Григорьевич, нам на уроках нередко называют цифру погибших советских солдат: двадцать семь миллионов. И выходит, что немцы потеряли в три раза меньше. Как это понимать? Говорят, они лучше воевали...

А я отвечал, как было реально. Объяснял ребятам, какая путаница учинена в их молодых головах. Потом просматривал учебники истории. Та же путаница! И она здесь, конечно, нарочитая. Авторы, а точнее, спекулянты на крови, сознательно, умышленно всё смешали: и солдат, павших в бою, и мирных жителей, зверски замученных, уничтоженных фашистами. Таких-то ведь гораздо больше!

Вот почему мемориал памяти жертв гражданского населения в годы Великой Отечественной войны, о котором пишет Виктор Стефанович, разоблачая бюрократические увёртки чиновников из администрации президента РФ, министерств обороны и культуры Российской Федерации, необходимо создавать. Об этом справедливо писали на страницах «Правды» многие авторы. Писал и я. Принятие же решения о создании на территории России такого мемориала властные структуры отфутболивали друг другу. До каких пор?!

Мне такой мемориал представляется как Поле Памяти жертв мирного населения Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Перечислять места той или иной трагедии, фамилии, имена и отчества погибших, — а их шестнадцать (или даже девятнадцать) миллионов! — невозможно. Именная лента, думаю, опояшет шар земной.

Поэтому следовало бы получить из каждой области, края, республики, временно оккупированных фашистами, следующие данные:

- сколько было разрушено населённых пунктов;
- сколько зверски замученных мирных жителей;
- сколько мирных жителей было угнано на рабский труд в Германию.

Все эти данные нужно разместить на специальных мраморных плитах, отведя каждому региону плиту. И выбить здесь примерно

такие слова: «В годы Великой Отечественной войны на территории Советского Союза, оккупированной фашистами, были зверски замучены, расстреляны, сожжены вместе с поселениями или угнаны в Неметчину, где пропали бесследно, шестнадцать миллионов мирных жителей — детей, женщин, стариков. Память о них будет вечно в наших сердцах». И обязательно — Вечный огонь.

Видимо, необходимо также в специальном здании разместить разного рода экспонаты — свидетельства очевидцев, фотодокументы, таблицы и многое другое, рассказывающее о зверствах оккупантов.

И, наконец, Поле Памяти должно быть выбрано в таком месте, которое особенно пострадало от фашистской оккупации и вместе с тем не представляет больших трудностей для массового посещения. По-моему, мемориал следовало бы создать где-то между Смоленском и Вязьмой.

***Игорь ГРЕБЦОВ,
ветеран Великой Отечественной войны,
участник Сталинградской битвы***

Заключение

МЕМОРИАЛУ О ЖЕРТВАХ БЕСПРЕЦЕДЕНТНОГО ГЕНОЦИДА — ПРЕЗИДЕНТСКИЙ УКАЗ!

Мысль в заголовке этого заключения, на наш взгляд, высказана устами народа России. Они же — говорят всеми словами авторов только что прочитанного тобой, дорогой читатель, изумительного сборника. Авторы, проживающих на бескрайних «просторах Родины чудесной», нашей исторической Отчизны, отметившей недавно свое 1150-летие.

Выражаем твердую уверенность в том, что в году скорбного юбилея 75-летия с начала Великой Отечественной войны у соотечественников появится общенациональная святыня, где мы будем иметь возможность вместе поклониться праху невинно убиенных немецко-фашистскими захватчиками, как свидетельствует в начале этого сборника доктор исторических наук Ш.М. Мунчаев, «более 18 миллионов» своих мирных сограждан, в том числе жертвам сотен Хатыней в 18 оккупированных людоедским Третьим Рейхом областях и краях РСФСР.

Порукой тому мудрость гениального Михаила Ломоносова:

И правды и любви непобедима сила.

Составители.

СОДЕРЖАНИЕ

Проф. Ш.М. МУНЧАЕВ. Увековечить истребленных небывалым геноцидом	3
Владимир ФОМИЧЕВ. Нацистская оккупация России.	7

Часть 1. ЗАГУБЛЕННЫЕ ФАШИСТСКИМ ГЕНОЦИДОМ. ПУБЛИКАЦИИ 2014 ГОДА

№ 7, 24—27 января, стр. 6

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

Виктор КОЖЕМЯКО. СОЖЖЕННЫЕ ЗАЖИВО ВЗЫВАЮТ К НАМ. Человек из пламени. Сквозь время и против забвения. Пробить стену государственного бездушия!	12
---	----

№ 11, 4—5 февраля, стр. 4

Продолжение темы

ДА, НЕ ТЕРПИТ ОТЛАГАТЕЛЬСТВ! Виктор МУШЕНКОВ. Чтобы поклониться загубленным.	22
Евгения ПРИШЛЕЦОВА. Такое забывать недопустимо	24

№ 16, 14—17 февраля, стр. 6

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

ПОЛЕ ЗАЖИВО СОЖЖЕННЫХ Людмила АДДЕЕВА. Не поддаваться беспамятству.	29
Виктор Яковлевич ИОВЛЕВ. Тех детей малых оплакиваю и сейчас . . .	33
Виктор ВИНОГРАДОВ. Героизм и жертвенность моих земляков	35
Николай ДЕНИСОВ. Чтобы знали, помнили	38
Евгений ИВАНОВ. Казнили клятву Гиппократа.	39

№ 23, 4—5 марта, стр. 4

Продолжение темы

Василий ЛЕОНОВ. Запах гари ощущаю до сих пор	42
Владимир РЫБАЧЕНКО. Своих не увековечиваем, а фашистов — пожалуйста.	46

№ 25, 7—12 марта, стр. 8

Продолжение темы

А. К. НИКИФОРОВ. «Главная задача — поголовные расстрелы...» 48

№ 27, 14—17 марта, стр. 5

Резонанс

Людмила Валентиновна ФАДЕЕВА. Смоленщина — русская Хатынь. . 53

Леонид ФАДЕЕВ. Моя печаль. *Стихи* 56

№ 33, 28—31 марта, стр. 6

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

ПОГУБЛЕННЫЕ ФАШИСТСКИМ ГЕНОЦИДОМ

Анна Максимовна ВАЛЬКО. Чудом в живых остались 59

Федор Сергеевич АШИТОК. Я свидетельствую о зверствах и жертвах. 60

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Оккупация продолжается? 66

№ 42, 18—21 апреля, стр. 6

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

ОГНЕМ СМЕРТЕЛЬНЫМ ПОГЛОЩЕНЫ

Ф. В. ИВАНЦОВ. Послушайте человека, спасшегося из пламени. 69

Олег ЕРМОЛАЕВ. Дышит горечью и бедой земля 74

В. С. ПАПИН. Не допустить забвения. 76

Елена БРАГИНЕЦ. Быть святыне! 77

Александра Ивановна КОРОТКОВА. Сегодня люди многого не знают
о фашизме 79

№ 64, 20—23 июня, стр. 6

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

СОЖЖЕНЫ, РАСТРЕЛЯНЫ, ЗАМУЧЕНЫ

Антонина Егоровна ЕРОШЕНКОВА. Только чудом можно было
спастись 80

Семен Игнатьевич БАШКОВ. Явились факельщики и палачи 82

Татьяна БЕЗУСЬКО. Закапывали живыми 84

Александр Иванович ГОЛОЩАПОВ. Когда дома запылали 86

Поэзия на скорбном пепелище

Михаил ИСАКОВСКИЙ. Есть во Выходском районе. Враги сожгли
родную хату. *Стихи* 88

№ 118, 24—27 октября, стр. 6

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

Виктор КОЖЕМЯКО. Стали жертвами фашизма.	93
Владимир ФОМИЧЕВ. Великомученики без права на кладбище.	96
Алексей Степанович БОРОДИН. Они помнят те страшные дни	100
Ольга Георгиевна СВЕРЧКОВА. Спасенные красноармейцами	101
Валентина Петровна САМОЙЛОВА. Если власть устранился, скинемся всенародно.	103
Ядвига ВОЛЬСКАЯ. Молодые должны знать	104

№ 138, 12—15 декабря, стр. 6

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ НЕВИННО УБИЕННЫХ

Евгения ПРИШЛЕЦОВА. «Новый порядок» — оскал фашизма.	106
Эдуард Александрович ТАТАРИНЦЕВ. Вспоминая расстрелянных жителей Калиновки.	112

**Часть 2. БУДЕТ ЛИ ДОСТОЙНЫЙ ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ
ОККУПАЦИИ? ПУБЛИКАЦИИ 2015 ГОДА**

№ 43, 24—27 апреля, стр. 3

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

ЗАГУБЛЕННЫХ В ОККУПАЦИИ ПОМНИМ?

Людмила АДДЕЕВА. Разрушить стену бездушия	120
Майя ПОЛЕТОВА. Горе и мужество сельчан	126
Анатолий Яковлевич РОМАНОВ. Мои близкие были заживо сожжены.	128
Анатолий Павлович БОНДАРЕНКО. Поражает такое кощунство.	130
Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН. Несгоревшая боль.	131

№ 85, 7—10 августа, стр. 8

Расскажу о замечательном человеке

Елена МАРМЫШ (КОРОБКОВА). Ее трудами оживает память.	132
--	-----

№ 106, 25—28 сентября, стр. 6.

Продолжая тему

Виктор КОЖЕМЯКО. БУДЕТ ЛИ ДОСТОЙНЫЙ ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ
ОККУПАЦИИ? *Взгляд после многих выступлений «Правды»
и обращений к главе государства по проблеме государственной
значимости*138

№ 141, 18—21 декабря, стр. 6

Увековечение их памяти не терпит отлагательств

Владимир Иванович ГРИШИН. СПРОСИМ СЕБЯ:

НИКТО НЕ ЗАБЫТ? 152

Кирилл Фёдорович СОЛОДУБ. Режим толстокожих народу
не внемлет162

Игорь ГРЕБЦОВ. Мемориалу быть обязательно165

Заключение.

МЕМОРИАЛУ О ЖЕРТВАХ БЕСПРЕЦЕДЕНТНОГО ГЕНОЦИДА —
ПРЕЗИДЕНТСКИЙ УКАЗ!166

СОЖЖЕННЫЕ ЗАЖИВО ВЗЫВАЮТ К НАМ

Свидетельства и размышления об официально замолчанных сотнях гитлеровских кострах-палачах в России. Более 18 млн советских мирных граждан, преднамеренно физически истребленных фашистами, погибших от бомбежек, замученных в нацистских концлагерях, заживо сожженных, безвинно расстрелянных – беспримерный в мировой истории геноцид

Выпускающий редактор *А.Н. Баранова*

Корректор *О.В. Шевчук*

Дизайн обложки *П.Г. Марченко*

Компьютерная верстка *А.А. Кузнецов*

Фото на месте огненной трагедии 340 мирных жителей
в деревне Новая-Борьба *Е.М. Фомичевой* (стр. 15)

Подписано в печать 17.03.2016. Формат 60 x 84 1/16
Гарнитура «Calibri». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,75. Доп. тираж 200 экз. Зак. № 803.

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская
д. 50/5, тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru